

№ 3, 2024
Volume 3, 2024

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

ГОСТЬ НОМЕРА

С. В. Дорошенко
Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ВЛИЯЕТ ЛИ НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ
НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД?

GUEST OF VOLUME

S. V. Doroshenko
Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
INFORMAL EMPLOYMENT: DOES THE TAX REGIME AFFECT PROFESSIONAL INCOME?

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ

Журнал основан в 2008 году

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Периодичность издания: 6 номеров в год.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

В Перечне ВАК РФ журнал имеет категорию К2.

Журнал входит в список рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Ученым советом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора экономических наук.

Журнал архивируется в РГБ, eLIBRARY.RU, НЭБ «КиберЛенинка», ЭБС «Лань» и Znanium, НЦР «Рукопт», индексируется в РИНЦ, Crossref, DOAJ, Google Scholar, ВИНТИ РАН.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» – 55192

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Journal appeared in 2008

**Established by:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»**

Journal «Intellect. Innvations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI № FS 77-63471, 30.10.2015.

Publication frequency: 6 issues per year.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following journal headings are accepted for publication:

Economic Sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical Sciences

The subject of the articles are topical issues in the field of ontology and theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

In the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, the journal has a category K2.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Academic Council of the Lomonosov Moscow State University for publication of the main scientific results of theses for the degree of Candidate and Doctor of Economic Sciences.

The journal is archived in the RSL, eLibrary.RU, NEB «Cyberleninka», EBS «LAN» and Znanium, NCR «Rucont», indexed in Science Index, Crossref, DOAJ, Google Scholar, VINITI RAS.

The subscription index for the joint catalog «Press of Russia» – 55192

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

The editors are guided by the recommendations of the Ethics Committee for Scientific Publication (Committee on Publication Ethics).

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников, чл.-кор. РАН, д-р биол. наук, профессор РАН, ректор,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, канд. физ.-мат. наук, доцент,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Алина Г.Б., канд. экон. наук, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой «Финансы», Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Астана, Республика Казахстан

Архипова М.Ю., д-р экон. наук, профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д-р экон. наук, профессор, первый проректор, Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Есенгельдин Б.С., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям, Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Корзев Збигнев, д-р экон. наук, заместитель декана факультета экономики и управления по научной работе, профессор, заместитель заведующего кафедрой учета и финансов, Белостокский технологический университет, Белосток, Польша

Носов В.В., д-р экон. наук, профессор, профессор базовой кафедры торговой политики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Нурланова Н.К., д-р экон. наук, профессор, заместитель директора, заведующий Центром территориального развития, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Осипов В.С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Панков Д.А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

Попова Е.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Христаускас Чесловас, профессор, Каунасский университет прикладных наук, Каунас, Литва

Цветков В.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, директор института, Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д-р экон. наук, профессор, советник ректора, профессор кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Широв А.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Сель Николая, Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Бажанов В.А., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Олимов Караматулло, акад. АН Республики Таджикистан, акад. Международной Академии высших школ, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., акад. РАН, д-р филос. наук, ВРИО Первого заместителя директора по научной работе Института философии РАН, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д-р техн. наук, профессор, и.о. декана транспортно-энергетического факультета, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры эксплуатации автомобильного транспорта, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарианос Василь, д-р техн. наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Пашкевич Антон, д-р техн. наук, доцент, профессор департамента транспортных систем, Краковский политехнический университет имени Тадеуша Костюшко, Краков, Польша

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д-р экон. наук, доцент, директор Института менеджмента, экономики и предпринимательства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, директор Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, директор Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мусина А.А., д-р экон. наук, профессор, директор Центра социально-экономических исследований, Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Астана, Республика Казахстан

Панкова С. В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Сабитова Н.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Суглобов А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель Всероссийского научно-исследовательского института организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва, Россия

Черненко В.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и управления производством, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

Юматов А.С., канд. экон. наук, заведующий кафедрой цифровой экономики и логистики, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Анкин Д. В., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аполлонов И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Коломиец Г. Г., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Косиченко А. Г., д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Лойко А. И., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Максимов А.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук и молодежной политики, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

Федяев Д.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Ларин О.Н., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры «Цифровые технологии управления транспортными процессами», Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д-р техн. наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д-р техн. наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры систем автоматизации производства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой технологической безопасности, директор НИИ Энергоэкологических проблем, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences,
Rector, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Alina G.B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Astana, Republic of Kazakhstan

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Wegera S.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, First Vice-Rector, Polotsk State University, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Esengeldin B.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and International Relations, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Korzeb Zbigniew, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Management, Economy and Finance, Bialystok University of Technology, Bialystok, Poland

Nosov V.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Basic Department of Trade Policy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nurlanova N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Head of the Territorial Development Center, Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Osipov V.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of World Economy and Management of Foreign Economic Activity, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Pankov D.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Popova E.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Christauskas Ceslovas, Professor, Kaunas University of Applied Sciences, Kaunas, Lithuania

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Rectors Counsellor, Professor of the Department of Economics and Management, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Shirov A.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Production Potential and Intersectoral Interactions, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Philosophical Sciences

Bazhanov V.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, ACTING First Deputy Director for Scientific Work at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Transport and Energy, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Automotive Transport Operation, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Pashkevich Anton, Ph. D., Assistant Professor, Professor of the Department of Transportation Systems, Politechnika Krakowska, Krakow, Poland

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Economics and Entrepreneurship, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisjuk N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University, Director of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Director of the Research Institute for Economic Development and New Competences of the University, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontieva L.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Musina A.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Center for Socio-Economic Research, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Astana, Republic of Kazakhstan

Pankova S. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Suglobov A.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the All-Russian Scientific Institute for Organization of Production, Labor and Management in Agriculture- the branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories-All-Russian Research Institute of Agriculture», Moscow, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics, Organization and Production Management, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

Yumatov A.S., Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Digital Economy and Logistics, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Ankin D. V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Apollonov I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Belyaev I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culture and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kolomiets G. G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kosichenko A. G., Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Loiko A. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophical Studies», Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

Maksimov A.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

Fedyayev D.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department «Digital Technologies of Transport Process Management», Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Production Automation Systems, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Technosphere Safety Department, Director of the Research Institute of Energy Ecological Problems, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

С. В. Дорошенко

Неформальная занятость: влияет ли налоговый режим на профессиональный доход?11

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н. А. Восколович

Факторы повышения спортивной активности российского населения23

М. А. Краснова

Инструментарий оценки степени влияния инфраструктуры спорта на человеческий капитал33

Н. Е. Лактаева

Методологические подходы к формированию точек роста региональной экономики40

ТРАНСПОРТ

В. М. Власов, Н. А. Филиппова, А. В. Подзоров

Методика интеграции производственно-технических баз обслуживания и ремонта ведомственных автомобилей54

Д. В. Капский, С. В. Богданович, П. В. Куренков, Н. А. Филиппова

Вопросы совершенствования транспортной отрасли в условиях развития подключённых транспортных средств64

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

В. Ю. Васечко

«Методологический анархизм» Пола Фейерабенда и эпистемологический статус деятельности ученого в политарную эпоху74

А. В. Думов, В. И. Кудашов

Универсализм и партикуляризм: философские дискуссии об изучении конспирологических убеждений89

А. Г. Кислов

Незакрытые вопросы по неклассической логике (памяти профессора Д. В. Пивоварова)98

Д. В. Котелевский

К вопросу о керигматической вере108

И. А. Латыпов, Ф. Н. Поносов

К вопросу о полисубъектности интеллектуальной деятельности в отношениях духовной собственности115

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

S. V. Doroshenko

Informal employment: does the tax regime affect professional income?11

ECONOMICAL SCIENCES

N. A. Voskolovich

Factors increasing the sports activity of the Russian population23

M. A. Krasnova

Tools for assessing the impact of sports infrastructure on human capital33

N. E. Laktaeva

The methodological approaches used for growth points formation of the regional economy40

TRANSPORT

V. M. Vlasov, N. A. Filippova, A. V. Podzorov

Methodology for integrating production and technical bases for servicing and repairing departmental vehicles
.....54

**D. V. Kapski, S. V. Bogdanovich, P. V. Kurenkov,
N. A. Filippova**

Issues of transport sector improvement in the context of connected vehicles development64

PHILOSOPHICAL SCIENCES

V. Yu. Vasechko

Paul Feyerabend's «methodological anarchism» and the epistemological status of the scientist's activity in the polity age74

A. V. Dumov, V. I. Kudashov

Universalism and particularism: philosophical discussions about researching of conspiracy beliefs89

A. G. Kislov

Unclosed questions in non-classical logic (in memory of Professor D. V. Pivovarov)98

D. V. Kotelevsky

On the issue of kerygmatic faith108

I. A. Latypov, F. N. Ponosov

On the issue of polysubjectivity of intellectual activity in relations of spiritual property115

ГОСТЬ НОМЕРА

Научная статья
УДК 331.5.024.5

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11>

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ВЛИЯЕТ ЛИ НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД?

С. В. Дорошенко

Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: doroshenkos@mail.ru

Аннотация. Занятость в неформальном секторе является одной из востребованных экономических проблематик как в развитых, так и в развивающихся странах. Стартовавший в России в 2019 году эксперимент по введению налога на профессиональный доход оказал определенное положительное воздействие на финансово-экономические показатели, включая налоговые отчисления. Однако вопрос о действительном влиянии налогового режима на численность занятых в неформальном секторе пока открыт. Обычные сопоставления данных статистики не позволяют однозначно высказаться о влиянии введения нового налогового режима на занятость в неформальном секторе в России. Цель исследования – оценка влияния введения налога на профессиональный доход на занятость в неформальном секторе с помощью эконометрических методов. Основным методом исследования выбран один из количественных методов оценки поли-

тики – метод «difference-in-differences». Введение режима в российских регионах в разное время позволяет применить этот метод. Оценки такого рода пока отсутствуют в отечественных работах. Информационной базой расчетов послужили данные Росстата о занятости в неформальном секторе в разрезе 82 регионов за 2019–2020 годы, а именно показатель удельного веса занятых в неформальном секторе в общей численности занятого населения, который выступил зависимой переменной модели. Оценивалась регрессионная модель с фиксированными эффектами с учетом эффектов времени. Результаты оценки показали обратную зависимость и статистическую значимость переменной временных эффектов, что характеризует среднее уменьшение доли занятых в неформальном секторе во втором временном периоде в сравнении с первым. Но интересующая нас переменная введения налога оказалась статистически незначимой. Таким образом, мы не можем утверждать, что именно налог на профессиональный доход оказал понижающее или повышающее влияние на долю занятых в неформальном секторе в 19 регионах, где он был введен с января 2020 года, по крайней мере, в год непосредственного установления режима. Данные о численности занятых в неформальном секторе в последующие годы носят разнонаправленный характер, что косвенно также подтверждает сложность однозначного ответа на вопрос о влиянии налогового режима на занятость в неформальном секторе, к которому относятся и самозанятые.

Ключевые слова: занятость в неформальном секторе, самозанятость, оценка политики, налоговый эксперимент, метод «difference-in-differences», регионы России.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках госзадания Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. № 124021500019-9 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Для цитирования: Дорошенко С. В. Неформальная занятость: влияет ли налоговый режим на профессиональный доход? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 11–22. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11>.

Original article

INFORMAL EMPLOYMENT: DOES THE TAX REGIME AFFECT PROFESSIONAL INCOME?

S. V. Doroshenko

Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: doroshenkos@mail.ru

Abstract. *Informal employment is one of the most demanded economic issues in both developed and developing countries. The experiment on the introduction of a professional income tax, which started in Russia in 2019, had a certain positive impact on financial and economic indicators, including tax deductions. However, the question of the actual impact of the tax regime on the number of people employed in the informal sector is still open. The usual comparisons of statistical data do not allow us to speak unequivocally about the impact of a new tax regime on informal employment in Russia. The study purpose is to assess the impact of the professional income tax on the informal employment using econometric methods. One of the quantitative methods of policy assessment, the “difference-in-differences” method, was chosen as the main research method. The introduction of the regime in Russian regions at different times allows us to apply this method. Such estimates are not yet available in domestic works. The information base was Rosstat data on employment in the informal sector in the context of 82 regions for 2019–2020. A regression model with fixed effects was evaluated, taking into account the effects of time. The evaluation results showed that the tax introduction variable turned out to be statistically insignificant. Thus, we cannot say that it was the professional income tax that had a decreasing or increasing effect on the share of people employed in the informal sector. Data on the number of people employed in the informal sector in subsequent years are multidirectional, which indirectly also confirms the difficulty of an unambiguous answer to the question of the impact of the tax regime on employment in the informal sector, which includes the self-employed.*

Key words: *unformal sector employment, self-employment, policy assessment, tax experiment, «difference-in-differences» method, Russian regions.*

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state task of the Institute of Economics, the Ural Branch of the RAS for 2024-2026 No. 124021500019-9 «Mechanisms for regulating economic behavior of the population in conditions of structural changes».

Cite as: Doroshenko, S. V. (2024) [Informal employment: does the tax regime affect professional income?]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 11–22. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11>.

Введение

Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ закрепил право его применения физическим лицам и индивидуальным предпринимателям в случае получения доходов от деятельности, при которой они не являются работодателями и, соответственно, не привлекают наемных работников. Одной из важнейших причин эксперимента, рассчитанного на 10 лет и стартовавшего в российских регионах с 1 января 2019 года, было «осветление» доходов населения. По этому поводу Г. Ф. Ручкина подчеркивала, что действенным механизмом может оказаться «легализация самозанятых граждан посредством добровольного волеизъявления в сочетании с налоговым контролем, направленным на выявление таких лиц с целью постановки на учет» [12, с. 97].

Регионы вступили в эксперимент в разное время. Первоначально он начался в 4 субъектах: г. Москва,

Республике Татарстан, Московской и Калужской областях. С 1 января 2020 года к эксперименту подключились еще 19 регионов: г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Красноярский и Пермский края, а также Волгоградская, Воронежская, Ленинградская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области. С 1 июля 2020 года присоединились все оставшиеся российские регионы. Позднее, с 1 января 2023 года, этот налоговый режим распространился на Луганскую и Донецкую народные республики, а также Херсонскую и Запорожскую области. С 1 января 2022 года Федеральная налоговая служба Российской Федерации также ведет ежемесячный учет численности самозанятых на территории федерального значения «Сириус», а с 1 января 2023 года – города и космодрома Байконур.

Эксперимент признан успешным: численность

самозанятых граждан ежемесячно растет, налоговая база расширяется, поступления в бюджет идут. Считается также, что режим оказывает положительное влияние и на долю неформальной занятости, увеличивая ее, как например, в третьем квартале 2023 года до 19,1% против 19% третьего квартала 2022 года¹. Однако годом ранее, во втором квартале 2022 года, было отмечено снижение доли занятых до 18,7% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года². В рамках данного исследования с помощью одного из количественных методов оценки политики «difference-in-differences» мы планируем оценить влияние введения налога на профессиональный доход на долю занятых в неформальном секторе. Введение режима в регионах в разное время позволяет нам применить этот метод. Оценки такого рода пока отсутствуют в отечественных работах.

Теоретические аспекты исследования

Неформальная занятость в качестве предмета научных исследований проявилась более полувека назад, что было связано с интересом к развитию постколониальных экономик, в которых этот вид экономической активности обеспечивал определенный доход значительной части населения. Считается, что сам термин «неформальная занятость» был введен К. Хартом в результате проведенных им исследований жизни сельских иммигрантов в столице Ганы [18]. Но последующую популярность термин приобрел благодаря широкому его использованию в исследованиях МОТ и Всемирного банка.

Интерес российских исследователей, прежде всего экономистов и социологов, к неформальной занятости возник в 1990-е годы. В этот же период актуализировался интерес и за рубежом [19], что в том числе связано с переходом стран социалистического лагеря на капиталистическую идеологию хозяйствования. Поэтому сегодня достаточно много исследований в этой области проводится на примере государств постсоветского пространства [2; 14; 15].

Более того, первоначально неформальный сектор и неформальная экономика были предметом исследований исключительно в области экономики труда. Однако в конце 1980-х годов неформальная экономика заняла центральное место в дискуссии вокруг выработки политики, направленной, прежде всего, на борьбу с двумя ее основными компонентами, а именно, неформальной занятостью и неформальными фир-

мами. На сегодня существует большое разнообразие политик и мер, но наиболее распространенным подходом является формализация [17].

Несмотря на политические меры, этот сектор сохраняет устойчивые позиции не только в развивающихся странах, но в экономиках развитых стран [20], хотя и с существенной разницей в значениях удельного веса.

Одновременно дискуссии по поводу того, что же такое «неформальная занятость», как ее измерять и учитывать, не стихают и сегодня. Мы не будем подробно на этом останавливаться, поскольку в многих отечественных и зарубежных работах достаточно подробно изложена эволюция представлений о неформальной занятости в рамках существующих научных подходов, в том числе производственного, легалистского и других [10]. Мы отметим лишь два значимых для нашего исследования момента.

Во-первых, в отличие от методологии МОТ, основанной на легалистском подходе, в рамках которого к неформально занятым отнесены работники, не защищенные национальным трудовым законодательством, в России учет неформальности базируется на производственном подходе (или, как отмечается у ряда исследователей, расширенном производственном подходе [3; 11]), поэтому рассчитывается именно занятость в неформальном секторе экономики. И критерием здесь выступает, прежде всего, отсутствие регистрации в качестве юридического лица. Согласно методологии Росстата к этой группе относится занятое по месту основной работы население в возрасте 15 лет и старше: в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица; по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей и в фермерских хозяйствах; в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена. В целом, к занятым в неформальном секторе в России относят наемных работников на предприятиях неформального сектора; занятых в собственном домашнем хозяйстве для производства товаров для продажи и помогающих им семейных и наемных работников; помогающих наемных работников и членов семей на семейном предприятии и при ведении домашнего хозяйства, индивидуальных предпринимателей и самозанятых, а также неформальных наемных работников предприятий формального сектора. Из перечисленных групп, по расчетам

¹ Мингазов С. Число неформально занятых россиян выросло до 14,2 млн человек / Forbes.ru - URL: <https://www.forbes.ru/biznes/504244-cislo-neformal-no-zanatyh-rossian-vyroslo-do-14-2-mln-celovek> (дата обращения: 15.01.2024).

² Виноградова Е. В России резко сократилась занятость в неформальном секторе / РБК – URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2022/632989989a79471c92e0fd96> (дата обращения: 15.01.2024).

А. Л. Сафонова и Д. В. Некипеловой [13], в России на долю наемных работников неформального сектора приходится 57%, занятых в домашних хозяйствах и их наемных работников – около 25%, самозанятых – около 11%, а на самую скрытую группу – неформальных работников в формальном секторе – в среднем порядка 7%, однако значение может быть и выше с учетом неформальной дополнительной занятости работников формального сектора.

Второй момент. Несмотря на сохраняющуюся некоторую разность в определении неформальной занятости (к слову, во многих странах термин «неформальная занятость» официально не используется, а заменяется самозанятостью) [8], в подходах к ее учету (особенно на межстрановом уровне, что зачастую затрудняет сравнительные исследования [7]), экспертами признается, что этот вид трудовой активности зачастую является реакцией населения и работодателей на определенные события и явления. Во-первых, на негативные экономические процессы в обществе, обусловленные кризисными фазами развития, одним из результатов которых является безработица [1; 5]. В последние годы появились интересные исследования о взаимосвязи самозанятости, безработицы и предпринимательства. Так, на примере опроса жителей Германии получены результаты о так называемых «неденежных выгодах» предпринимательства [21]. В частности, было установлено, что предприниматели по необходимости (т.е. те, кто переходят от безработицы к самозанятости) испытывают улучшение своего психического, но не физического здоровья. Тогда как предпринимательство по возможности (т.е. переход от регулярной занятости к самозанятости) приводит к улучшению как физического, так и психического здоровья. При этом отмечается, что улучшение здоровья не может быть объяснено только изменениями в доходах или условиях труда и не обусловлено личностными качествами, предпочтениями риска или местными условиями безработицы. Таким образом, результаты подчеркивают именно неденежные выгоды предпринимательства.

Во-вторых, неформальная занятость – это ответ на не всегда благоприятный бизнес-климат. Это касается как бизнес-климата в целом в стране или регионе, включая излишнюю зарегулированность деятельности [4], так и специфического микроклимата внутри некоторых организаций и компаний, включая изменение ценностного формата. По поводу последнего стали появляться исследования, где затрагиваются причины перехода из корпоративной сферы в сферу самозанятости. Например, голландские исследователи на основании интервью с 18 независимыми консультантами, покинувшими элитные консалтинговые компании, обнаружили, что для этих людей нормативные

практики контроля, такие как возможности обучения и социальные мероприятия, со временем теряют привлекательность. Хотя в целом методы нормативного контроля направлены на повышение мотивации сотрудников и их приверженности профессиональным стандартам в фирмах, оказывающих профессиональные услуги. Но одновременно ведется много споров о том, когда и для кого такие методы остаются мотивационными. Было установлено, что такие последствия, как отсутствие автономии, снижение уровня обучения и растущий конфликт между работой и личной жизнью, все больше подрывают мотивационное воздействие практик нормативного контроля во время карьеры консультанта. Самозанятость часто помогает консультантам избежать этих нежелательных последствий, поскольку независимость решает проблемы автономии и улучшает баланс между работой и личной жизнью. Картирование этого недостаточно изученного, но очень распространенного перехода от занятости к самозанятости в консалтинговой отрасли вводит концепцию профессиональной карьеры в дискуссию о безграничной карьере [16].

В-третьих, неформальная занятость является и ответом на налоговые реформы, и прежде всего, в сфере налогообложения труда [9]. В этом контексте неформальная занятость часто рассматривается в качестве варианта снижения налогового бремени, в том числе и как нелегальный институт. Безусловно, эту позицию можно было бы отнести и к неблагоприятному бизнес-климату. Но поскольку в работе сделан акцент именно на налоговый режим, то мы сочли допустимым выделить этот фактор отдельно.

Динамика самозанятости и неформальной занятости в России

Рассмотрим динамику изменений численности занятых в неформальном секторе в России. Для этого обратимся к результатам обследований, проводимых Росстатом с начала 2000-х годов в области рабочей силы и занятости. На рисунке 1 представлены данные за 2001–2021 годы, за исключением 2002–2003.

На основе данных графика рисунка 1, отражающих изменения численности занятых в неформальном секторе России почти за 20 лет, можно условно выделить три периода, первые два из которых во многом схожи. Первый – 2001–2010 годы, когда до 2008 года наблюдался рост численности, а затем заметное снижение, особенно в 2010 году. Очевидно, существенное влияние оказал мировой финансовый кризис 2008–2009 годов. Второй период – 2011–2017 годы, когда также шестилетний рост сменился заметным снижением. Причиной роста являются структурные изменения экономики, особенно после 2014 года. Причинами со-

крашения в 2017 году считаются и давление государства в виде принудительной легализации, и распространение электронных сервисов, и стабилизация зарплат.

Более того, в этот период, в отличие от первого, сократилось число занятых в неформальном секторе, для которых это была дополнительная работа, подработка.

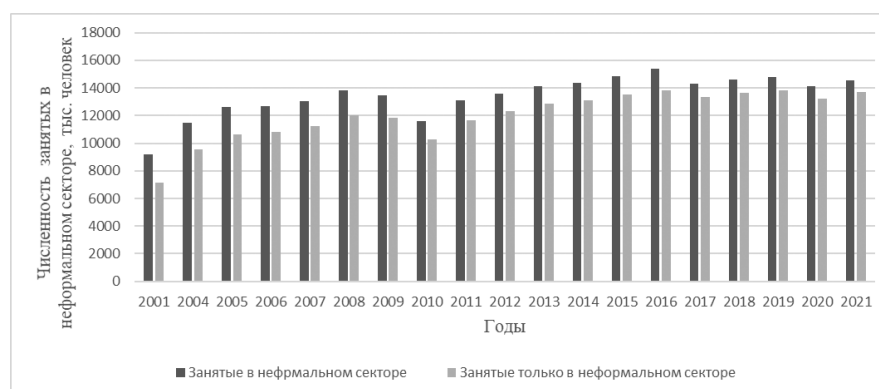

Рисунок 1. Динамика численности занятых в неформальном секторе в 2001–2021 годах в России, тыс. человек

Источник: рассчитано и составлено автором на основе: *Рабочая сила, занятость и безработица в России* // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.02.2024)

Третий период, начавшийся в 2018 году, и, на наш взгляд, продолжающийся и сегодня, будет отличаться от двух предыдущих. Для него уже стало характерным быстрое изменение вектора. Так, уже в 2020 г. мы наблюдаем существенное снижение численности, причиной которого стала пандемия COVID-19, но в 2021 году снова показатель пошел вверх. Однако

в дальнейшем, судя по данным, приведенным нами во введении, показатель численности будет, скорее, колебаться из года в год, прежде чем мы заметим ощутимую тенденцию роста или снижения.

Произошли и изменения в структуре занятых по видам экономической деятельности. На рисунке 2 сопоставлена структура 2009 и 2021 года.

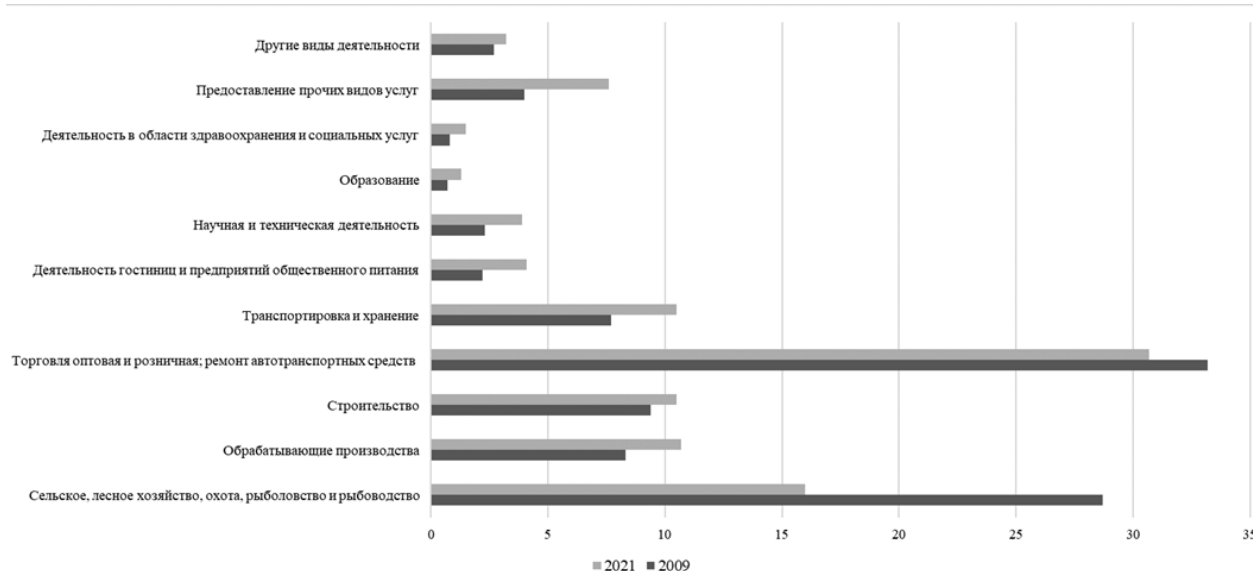

Рисунок 2. Структура занятых в неформальном секторе по видам экономической деятельности в 2009 и 2021 годах, %

Источник: рассчитано и составлено автором на основе: *Рабочая сила, занятость и безработица в России* // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.02.2024)

Из графиков рисунка 2 видно, что по-прежнему сохраняется самый высокий удельный вес оптовой и розничной торговли, хотя и несколько сократившийся за счет роста показателей других видов деятельности. Второе место в общей структуре сохранилось за сельским хозяйством. Однако его удельный вес сократился почти на 85%. Одновременно заметно увеличилась доля транспортировки и хранения, обрабатывающих производств, предоставления прочих видов услуг, а также гостиничного бизнеса, научной деятельности, услуг в области здравоохранения и образования. Последние в 2009 году имели долю менее

1%, и увеличили ее в 2021 году вдвое.

Проанализируем статистику по самозанятости, которую системно в нашей стране начали вести только с 2020 года (рисунок 3). Мы опираемся на годовые и полугодовые данные о численности самозанятых в России, представленные Федеральной налоговой службой в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства и используемые в том числе в качестве статистики для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»³.

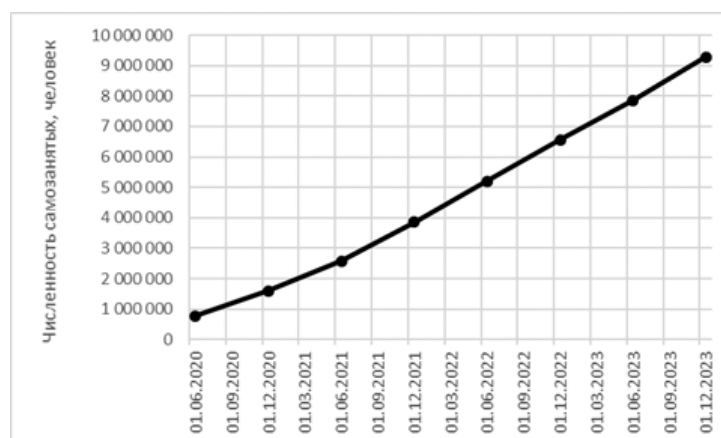

Рисунок 3. Динамика численности самозанятых в России в 2020–2023 годах, человек

Источник: рассчитано и составлено автором на основе источника «Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых»³

График на рисунке 3 демонстрирует кратное от периода к периоду увеличение самозанятых, численность которых к концу 2023 года достигла почти 9,3 млн человек. Наиболее ощутимый рост начался со второго полугодия 2021 года, что, вероятнее всего, связано с началом распространения на самозанятых «предпринимательских» льгот и поддержки.

Регионы, как мы уже отмечали выше, в разное время вступили в налоговый эксперимент, поэтому за четыре года произошли заметные изменения в численности самозанятых в разрезе как субъектов РФ, так и в целом федеральных округов. На рисунке 4 отражен удельный вес федеральных округов на конец 2020 года – периода, когда эксперимент в 4 субъектах продолжался второй год, еще в 19 – один год, и в 62 регионах – полгода. После названия федерального округа в квадратах отражено значение его удельного веса.

Из диаграммы рисунка 4 видно, что Центральный федеральный округ имел удельный вес более 46%, а наименьшая доля приходилась на Северо-Кавказский федеральный округ, все субъекты которого подключились к режиму только с 1 июля 2020 года.

Анализируемый в рамках статистики самозанятости период времени отмечен заметными изменениями как на карте нашей страны, так и в системе учета самозанятых граждан со стороны налоговых органов. Это внесло свой вклад и в распределение численности самозанятых по округам (рисунок 5).

На диаграмме рисунка 5 выделен «цифровой» блок, в котором 50 – это город и космодром Байконур, 90 – Запорожская область, 93 и 94 – Донецкая и Луганская народные республики, 95 – Херсонская область. На долю этих новых субъектов приходится пока порядка 0,2%, но и налоговый режим у них действует всего лишь с 1 января 2023 года. За период

³ Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 09.02.2024).

31.01.2023–31.12.2023 года численность самозанятых в этих пяти субъектах увеличилась почти в 25 раз. Наибольший рост наблюдался в Запорожской и Хер-

сонской областях – в 37 и 35 раз соответственно, наименьший на Байконуре – в 8,3 раза.

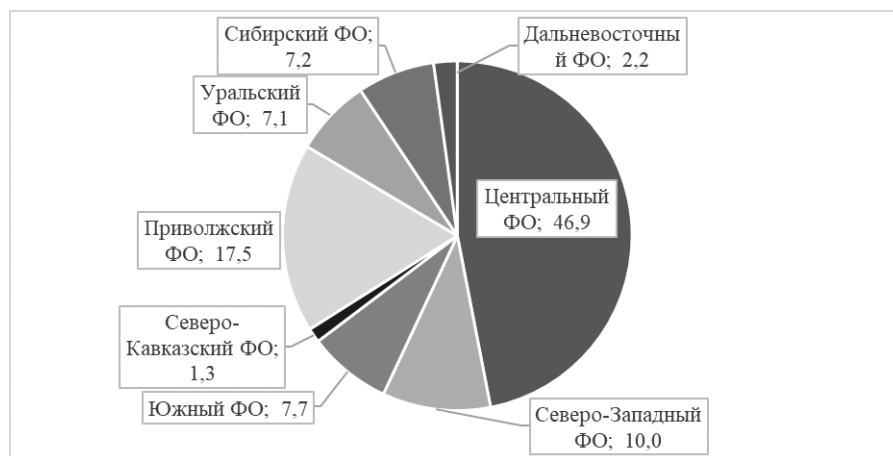

Рисунок 4. Удельный вес федеральных округов в численности самозанятых на 31.12.20 г., %

Источник: рассчитано и составлено автором на основе источника «Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых»³

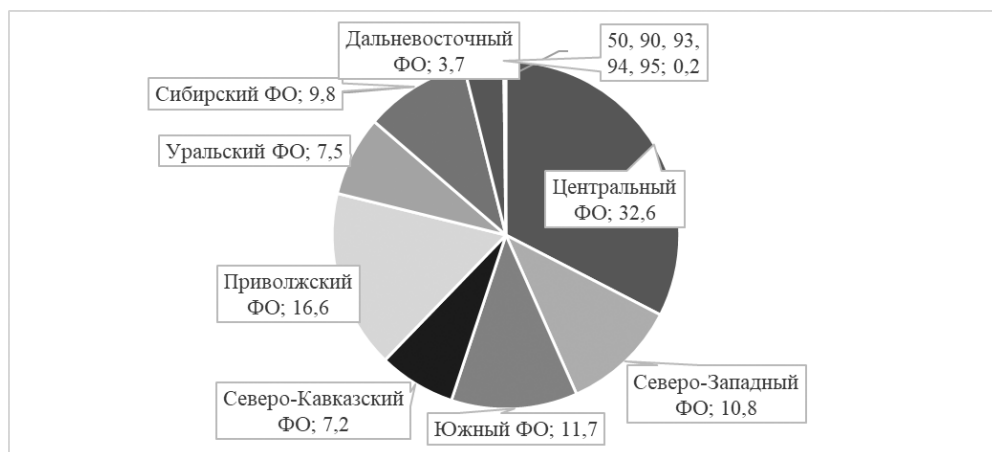

Рисунок 5. Удельный вес федеральных округов в численности самозанятых на 31.12.23 г., %

Источник: рассчитано и составлено автором на основе источника «Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых»³

Данные рисунка 5 свидетельствуют о заметном сокращении доли Центрального федерального округа до 32,6% за счет роста остальных округов, а также появления новых субъектов. Снизилась также доля Приволжского федерального округа до 16,6%. Наиболее заметно вырос удельный вес Северо-Кавказского федерального округа – с 1,3% до 7,2%, Сибирского – с 7,2% до 9,8%, Дальневосточного – с 2,2% до 3,7%, а также Южного – с 7,7% до 11,7%. В составе последнего с января 2022 года учитывается также численность самозанятых на территории федераль-

ного значения «Сириус». Но там значения показателя не столь существенны – на 31.12.2023 всего 257 человек, хотя рост с 31.01.2022 составил более 85 раз. Уральский и Северо-Западный федеральные округа практически сохранили свои позиции на достигнутом ранее уровне.

Большую часть самозанятых составляют физические лица. Сегодня на их долю приходится более 95% в среднем по России, а в Северо-Кавказском округе и новых регионах почти 98%. Оставшиеся проценты – это индивидуальные предприниматели.

Ранее мы подчеркивали, что самозанятые относятся к занятым в неформальном секторе. И казалось бы, что рост численности самозанятых должен приводить к росту занятых в неформальном секторе. Но прямая зависимость возникла бы, если все вновь зарегистрированные самозанятые появлялись бы из до этого официально трудоустроенных наемных сотрудников. Но число самозанятых пополняется в основном за счет лиц, которые в массе и до этого не имели официальных трудовых отношений (репетиторы, переводчики, массажисты, различные консультанты, мастера по ремонту и т. д.). Одновременно статус самозанятого сегодня оформили многие сдающие в аренду свободное жилье, при этом они могут быть и официально где-то трудоустроенными или пенсионерами. В целом это может повлиять на занятость в неформальном секторе, как сферы дополнительной занятости. Такой вариант также отражается в нашей статистике.

Поэтому сопоставляя данные графиков на рисунках 1 и 3 достаточно сложно однозначно высказаться о влиянии введения нового налогового режима на занятость в неформальном секторе. Попробуем применить эконометрические методы.

Методология и результаты модели

Метод «difference in differences» основан на сравнении двух групп объектов в двух временных периодах, одна из которых подверглась воздействию во втором временном периоде, а другая нет. В первом периоде воздействие не оказывается ни на одну из групп.

Состав групп не меняется. То есть мы наблюдаем за одними и теми же объектами, к примеру, как в нашей работе, за регионами, в два периода времени.

Поскольку налоговый режим «Налог на профессиональный доход» вводился в российских регионах не одновременно во всех, а поэтапно, то мы можем использовать метод «difference in differences» для анализа его воздействия на некоторые показатели в регионах. Подробнее применение метода именно для случая указанного налогового режима нами обосновано в статье [6], в которой представлены результаты оценки влияния налогового режима на структуру доходов населения регионов, конкретнее – на долю доходов от предпринимательской деятельности.

Информационной базой исследования послужили данные Росстата о занятости в неформальном секторе в разрезе 85 регионов России за 2019–2020 годы, а именно удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятого населения⁴.

При расчете из выборки 85 субъектов были исключены четыре региона, где налог был введен ещё в 2019 году. Напомним, что 19 регионов ввели налог с 1 января 2020 года, оставшиеся – с 1 июля 2020 года. Поэтому при оценке использовались значения доли занятых в неформальном секторе за 1 полугодие 2020 года. Таким образом, при оценке эффекта воздействия в 2019–2020 годах 62 региона были включены в контрольную группу, а 19 регионов – в экспериментальную группу. Оценивалась регрессионная модель с фиксированными эффектами с учетом эффектов времени (таблица 1).

Таблица 1. Результаты оценки модели с фиксированными эффектами

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	p-значение
const	24,1452***	0,185847	129,9	< 0,0001
D	0,778773	0,649766	1,199	0,2342
dt_2	–1,86807***	0,465284	–4,015	0,0001
N	162			
LSDV R ²	0,9769808			
Within R ²	0,212730			

Примечание: * – $p < 0.1$, ** – $p < 0.05$, *** – $p < 0.01$.

Источник: рассчитано и составлено автором в пакете Stata

Зависимой переменной является доля занятых в неформальном секторе. Независимой переменной выступает дамми-переменная D, равная 1 в случае

региона из экспериментальной группы (налог введен с 1 января 2020 года), и равная 0 в случае региона контрольной группы. Переменная dt_2 отража-

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.02.2024).

ет учет временных эффектов. Число наблюдений N в модели равно 162. Скорректированный коэффициент детерминации равен 0,21.

В итоге, переменная временных эффектов dt_2 значима на 1%-ом уровне и показывает, что доля занятых в неформальном секторе во втором периоде в среднем уменьшается в сравнении с первым периодом. Но интересующая нас переменная D оказалась статистически незначимой. Таким образом, мы не можем утверждать, что именно налог на профессиональный доход оказал понижающее или повышающее влияние на долю занятых в неформальном секторе, по крайней мере, в период непосредственного введения режима в регионе.

Заключение

Согласно принятой методологии самозанятые учитываются в составе неформальной занятости.

И само по себе внедрение налога на профессиональный доход затруднительно однозначно назвать фактором роста или снижения удельного веса численности занятых в неформальном секторе российской экономики. Здесь, вероятнее, сильнее работают другие факторы. Это требует проведения дополнительных исследований с использованием других методов. Безусловно, этот режим оказывает влияние на выход из тени неформально занятых, особенно после распространения на самозанятых граждан мер поддержки малого бизнеса, поскольку по ряду причин становится выгоднее быть официально зарегистрированным, особенно в молодом и среднем возрасте. При этом старшее поколение, возможно, предпочтет сохранить «более скрытый» статус своей занятости для получения большего размера пенсии.

Литература

1. Абрамова Е. А. Самозанятость как инструмент сокращения безработицы в период кризиса // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 11–1 (69). – С. 9–12. – <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10853>. – EDN: ASFDTA.
2. Боранбаева А. Е. Самозанятые в Республике Казахстан как экономическая основа гражданского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 6–11. – <https://doi.org/10.14529/law16030>. – EDN: WMULRR.
3. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / Н. Т. Вишневская [и др.]; Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капельюшников. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014. – 535 с. – EDN: VXAPOV.
4. Воскобойников И. Б., Гимпельсон В. Е. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 30–61. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>. – EDN: UXMDAL.
5. Гимпельсон В., Зудина А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 53–76. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76>. – EDN: OFPVIV.
6. Дорошенко С. В. Государственная политика и структура доходов населения: эксперимент с самозанятостью // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 338–352. – <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>. – EDN: NKGWU.
7. Дорошенко С. В. Самозанятость как форма экономической адаптации населения регионов России и Казахстана // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 6. – С. 10–23. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-6-10>. – EDN: CBBVJS.
8. Капельюшников Р. И. Неформальная занятость в России: Что говорят альтернативные определения? // Журнал Новой Экономической Ассоциации. – 2013. – № 4 (20). – С. 52–83. – EDN: RRVLAN.
9. Некипелова Д. В. Влияние реформ в сфере налогообложения труда на динамику неформальной занятости в России // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2020 – Т. 17, № 2 (110). – С. 103–114. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-103-114>. – EDN: MFRAHN.
10. Некипелова Д. В. Теоретико-методологические аспекты учета неформальной занятости. Часть 1. Теоретические основы определения неформальной занятости (основные научные подходы) // Труд и социальные отношения. – 2020. – Том 31, № 1. – С. 43–55. – <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2020-31-1-43-55>. – EDN: TPZCJQ.
11. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / В. Е. Гимпельсон [и др.]; Под общей редакцией Гимпельсон В. Е., Капельюшников Р. И., Роцин С. Ю. – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 145 с.
12. Ручкина Г. Ф. К вопросу о легализации самозанятых в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – № 3 (222). – С. 97–106. – <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304>. – EDN: MQDEKV.
13. Сафонов А. Л., Некипелова Д. В. Оценка влияния налогового маневра на сокращение количества за-

нятых в неформальном секторе экономики России // Социально-трудовые исследования. – 2018. – № 4 (33). – С. 28–41. – EDN: VSTZZQ.

14. Тагаев Б. Э. Регулирование неформальной занятости в Узбекистане в условиях модернизации экономики // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2020. – Т. 17, № 2 (110). – С. 74–84. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-74-84>. – EDN: JUXKDC.

15. Царцидзе М., Лацабидзе Н. Структурные и отраслевые особенности рынка труда и занятости населения в Грузии // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 1(38). – С. 153–163. – <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-153-163>. – EDN: VHYHYT.

16. Bouwmeester O., Slaats M. (2024). First up then out: Self-employment as a response to normative control practices in elite consultancies. *Scandinavian Journal of Management*. Vol. 40, No. 1. – Pp. 1–13. – <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2023.101313> (In Eng.).

17. Floridi A., Demena B. A., Wagner N. (2020) Shedding light on the shadows of informality: A meta-analysis of formalization interventions targeted at informal firms. *Labour Economics*. 67, 101925. – <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101925> (In Eng.).

18. Hart K. (1973). Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 11, No. 1. – pp. 61–89. (In Eng.).

19. Hart K. (1992). Market and State after the Cold War. *The Informal economy reconsidered. Contesting Markets. Analyses of Ideology, Discourse and Practice*. – Edinburgh University Press, pp. 217–219. (In Eng.).

20. Maiti D., Bhattacharyya C. (2020). Informality, enforcement and growth. *Economic Modelling*. Vol. 84(C), pp. 259–274. – <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.04.015> (In Eng.).

21. Nikolova M. (2019). Switching to self-employment can be good for your health. *Journal of Business Venturing*. Vol. 34, No. 4, pp. 664–691. – <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2018.09.001> (In Eng.).

References

1. Abramova, E. A. (2020) [Self-employment as a tool to reduce unemployment during the crisis]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. [Economics and Business: theory and practice]. Vol. 11–1(69), pp. 9–12. – <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10853>. (In Russ.).

2. Boranbayeva, A. E. (2016) [Self-employed in the Republic of Kazakhstan as the economic basis of civil society]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Pravo»*. [Bulletin of SUSU. The series «Law»]. Vol. 16 (3), pp. 6–11. – <https://doi.org/10.14529/law16030>. (In Russ.).

3. Vishnevskaya, N. T., et al. (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market]. Edited by V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. M.: Ed. HSE House, 535 p.

4. Voskoboinikov, I., Gimpelson, V. (2015) [Labor productivity growth, structural shifts and informal employment in the Russian economy]. *Voprosy ekonomiki*. [Economic issues]. Vol. 11, pp. 30–61. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>. (In Russ.).

5. Gimpelson, V. E., Zudina, A. A. (2011) [Informals in the Russian economy: how many of them and who are they?]. *Voprosy ekonomiki*. [Economic issues]. Vol. 10, pp. 53–76. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76>. (In Russ.).

6. Doroshenko, S. V. (2023) [State policy and the structure of income of the population: an experiment with self-employment]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. [Ars Administrandi (Art of management)]. Vol. 15. No. 2, pp. 338–352. – <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>. (In Russ.).

7. Doroshenko, S. V. (2021) [Self-employment as a form of economic adaptation of the population of the regions of Russia and Kazakhstan]. *Intellekt. Innovacii. Investicii*. [Intelligence. Innovation. Investment]. Vol. 6, pp. 10–23. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-6-10>. (In Russ.).

8. Kapelyushnikov, R. I. (2013) [Informal employment in Russia. What do the alternative definitions say?]. *Zhurnal Novoj Ekonomicheskoy Associacii*. [Journal of the New Economic Association]. Vol. 4 (20), pp. 52–83. (In Russ.).

9. Nekipelova, D. V. (2020) [The impact of labor taxation reforms on the dynamics of informal employment in Russia]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics]. Vol. 2, pp. 103–114. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-103-114>. (In Russ.).

10. Nekipelova, D. V. (2020) [Theoretical and methodological aspects of accounting for informal employment. Part 1. Theoretical foundations of the definition of informal employment (basic scientific approaches)]. *Trudisocial'nye otноsheniya*.

[Labor and social relations]. Vol. 31. No. 1, pp. 43–55. – <https://doi.org/10.20410/2073378155202003111143355>. (In Russ.).

11. Gimpelson, V. E., et al. (2017) *Gosudarstvennaya politika i struktura dokhodov naseleniya: eksperiment s samozanyatost'yu* [The Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. Edited by Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I., Roshchin S. Y. M.: *Center for Strategic Research*, 145 p.

12. Ruchkina, G. F. (2020) [On the issue of legalization of the self-employed in the Russian Federation]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii*. [Property relations in the Russian Federation]. Vol. 3 (222), pp. 97–106. – <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304>. (In Russ.).

13. Safonov, A. L., Nekipelova, D. V. (2018) [Assessment of the impact of the tax maneuver on reducing the number of people employed in the informal sector of the Russian economy]. *Trud i social'nye otnosheniya*. [Socio-labor research]. Vol. 4, pp. 28–41. (In Russ.).

14. Tagaev, B. E. (2020) [Regulation of informal employment in Uzbekistan in the context of economic modernization]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics]. Vol. 2, pp. 74–84. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-74-84>. (In Russ.).

15. Tsartsidze, M., Latsabidze, N. (2020) [Structural and sectoral features of the labor market and employment of the population in Georgia]. *Trud i social'nye otnosheniya*. [Socio-labor research]. Vol. 38(1), pp. 153–163. – <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-153-163>. (In Russ.).

16. Bouwmeester, O., Slaats, M. (2024) First up then out: Self-employment as a response to normative control practices in elite consultancies. *Scandinavian Journal of Management*. Vol. 40, No. 1, 101313. – <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2023.101313>. (In Eng.).

17. Floridi, A., Demena, B. A., Wagner, N. (2020) Shedding light on the shadows of informality: A meta-analysis of formalization interventions targeted at informal firms. *Labour Economics*. 67, 101925. – <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101925>. (In Eng.).

18. Hart, K. (1973) Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 11, No. 1, pp. 61–89. (In Eng.).

19. Hart, K. (1992) Market and State after the Cold War. The Informal economy reconsidered. *Contesting Markets. Analyses of Ideology, Discourse and Practice*. *Edinburgh University Press*, pp. 217–219. (In Eng.).

20. Maiti, D., Bhattacharyya, C. (2020) Informality, enforcement and growth. *Economic Modelling*. Vol. 84, pp. 259–274. – <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.04.015>. (In Eng.).

21. Nikolova, M. (2019) Switching to self-employment can be good for your health. *Journal of Business Venturing*. Vol. 34, pp. 664–691. – <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2018.09.001>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Светлана Викторовна Дорошенко, доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Research Profile ID:** L-6719-2017, **Scopus Author ID:** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Дорошенко Светлана Викторовна более 25 лет занимается научно-образовательной деятельностью в Институте экономики Уральского отделения РАН. Основными направлениями исследований являются региональные социально-экономические системы, социальная и экономическая адаптация населения, оценка влияния государственной политики.

Светлана Викторовна является автором более 270 научных работ, в том числе индексируемых в международных базах Scopus, Web of Science и RSCI.

Дорошенко С. В. – эксперт Российской академии наук, и Российского научного фонда.

Светлана Викторовна является членом Экспертного совета по экономике и управлению регионами, отраслями и межотраслевыми комплексами ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Она активно участвует в образовательной деятельности и подготовке кадров высшей квалификации. Дорошенко С. В. является заместителем председателя диссертационного совета при Институте экономики Уральского отделения РАН, членом диссертационных советов при Владивостокском государственном университете и Уральском федеральном университете.

Светлана Викторовна – лауреат конкурса «Лучший экономист РАН».

Достижения Дорошенко С. В. в области науки и высшего образования отмечены Почетными грамотами Российской академии наук, Министерства промышленности и науки Свердловской области, благодарностью Общественной Палаты Российской Федерации и др. Светлана Викторовна – член Общественного совета при ГУ МВД РФ по Свердловской области.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Svetlana Viktorovna Doroshenko, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Regional Systems Adaptation Research Sector, Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Research Profile ID** L-6719-2017, **Scopus Author ID** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Doroshenko Svetlana Viktorovna has been engaged in scientific and educational activities at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for more than 25 years. The main areas of research are regional socio-economic systems, social and economic adaptation of the population, assessing the impact of government policy.

Svetlana Viktorovna is the author of more than 270 scientific papers, including those indexed in the international databases Scopus, Web of Science, and RSCI.

Doroshenko S. V. is an expert of the Russian Academy of Sciences, as well as the Russian Science Foundation.

Svetlana Viktorovna is a member of the Expert Council on Economics and Management of Regions, Industries and Intersectoral Complexes of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Svetlana Viktorovna actively participates in educational activities and training of highly qualified personnel. Svetlana Viktorovna is deputy chairman of the dissertation council at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, a member of the dissertation council at Vladivostok State University, as well as the Ural Federal University.

Svetlana Viktorovna is a laureate of the «Best Economist of the Russian Academy of Sciences» competition.

S. V. Doroshenko's achievements in the field of science and higher education are marked with Certificates of Honor from the Russian Academy of Sciences, the Ministry of Industry and Science of the Sverdlovsk Region, gratitude from the Public Chamber of the Russian Federation, etc. Svetlana Viktorovna Doroshenko is a member of the Public Council at the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Sverdlovsk Region.

The paper was submitted: 28.03.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 338.24

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-23>

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ СПОРТИВНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Н. А. Восколович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: ninaaleks2020@list.ru

Аннотация. Улучшение здоровья и увеличение продолжительности жизни населения неразрывно связано с его вовлеченностью в занятия физической культурой и спортом. Наблюдения показывают, что наряду с ростом вовлеченности россиян в занятия массовым спортом, значительная часть граждан пока еще не использует физическую активность для своего оздоровления, восстановления сил, отдыха, социализации. Цель исследования – в ходе междисциплинарного анализа выявить факторы возможного вовлечения различных социально-демографических групп населения в регулярные занятия массовым спортом и обосновать направления его дальнейшего развития. Эмпирической базой исследования послужили материалы официальной статистики, выборочных наблюдений, обследований и опросов. Для обработки эмпирических данных использованы методы группировок, сравнительный анализ, экспертные оценки. В процессе исследования определены основные причины пассивного отношения отдельных групп населения к занятиям массовым спортом: нехватка времени, неудовлетворительное состояние здоровья, возраст, отсутствие доступных спортивных объектов и услуг, сложность преодоления себя. Элементы научной новизны данного исследования – обоснование необходимости более конкретной взаимосвязи медицины и спорта, сравнительный анализ возможностей расширения спортивной физической активности населения в платном и бесплатном сегментах массового спорта, развитие цифровой трансформации сферы массового спорта для повышения доступности и качества ее услуг. Практическое значение исследования состоит в том, что предлагаемые меры направлены на усиление заинтересованности и ценности спортивной активности различных целевых групп населения с одновременным рассмотрением реальных условий их реализации. В статье обоснована целесообразность более тесной взаимосвязи медицины, врачебных консультаций и рекомендаций по физической активности, особенно для людей старшего возраста, имеющих проблемы со здоровьем; проведение регулярных наблюдений за динамикой контингентов, занимающихся массовым спортом, и изменением их мотивации; усиление маркетинга и продвижение спортивных услуг и объектов в СМИ, социальной рекламе, соцсетях; предоставление преференций предпринимателям на аренду помещений, участков земли, организующих спортивные объекты, участвующих в спонсорстве массовых спортивных мероприятий; разработку и использование методик тренировок, сочетающих офлайн и онлайн элементы для целевых групп потребителей; более широкое применение цифровых технологий и сервисов для мониторинга бизнес-процессов в массовом спорте, повышении его эффективности и качества услуг.

Ключевые слова: массовый спорт, вовлеченность населения в физическую активность, мотивация спортивных занятий, целевые группы населения, цифровая трансформация сферы массового спорта.

Для цитирования: Восколович Н. А. Факторы повышения спортивной активности российского населения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 23–32. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-23>.

Original article

FACTORS INCREASING THE SPORTS ACTIVITY OF THE RUSSIAN POPULATION

N. A. Voskolovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: ninaaleks2020@list.ru

Abstract. Improving health and increasing life expectancy of the population is inextricably linked with its involvement in physical education and sports. Observations show that along with the growing involvement of Russians in mass sports, a significant part of citizens do not yet use physical activity for their health, recuperation, recreation, and socialization. The purpose of the study is, through interdisciplinary analysis, to identify factors for the possible involvement of various socio-demographic groups of the population in regular mass sports and to substantiate the directions for its further development. The empirical basis of the study was the materials of official statistics, sample observations, surveys and polls. To process empirical data, grouping methods, comparative analysis, and expert assessments were used. In the process of the study, the main reasons for the passive attitude of certain groups of the population towards mass sports were identified: lack of time, poor health, age, lack of accessible sports facilities and services, difficulty in overcoming oneself. The elements of scientific novelty of this study are the substantiation of the need for a more specific relationship between medicine and sports, a comparative analysis of the possibilities of expanding sports physical activity of the population in the paid and free segments of mass sports, the development of digital transformation of the sphere of mass sports to increase the accessibility and quality of its services.

The practical significance of the study is that the proposed measures are aimed at increasing the interest and value of sports activity of various target groups of the population while simultaneously considering the real conditions of their implementation. The article substantiates the feasibility of a closer relationship between medicine, medical consultations and recommendations for physical activity, especially for older people with health problems; conducting regular observations of the dynamics of the contingents involved in mass sports and changes in their motivation; strengthening marketing and promotion of sports services and facilities in the media, public service advertising, social networks; providing preferences to entrepreneurs for renting premises, plots of land, organizing sports facilities, participating in the sponsorship of mass sporting events; development and use of training methods combining offline and online elements for target consumer groups; wider use of digital technologies and services for monitoring business processes in mass sports, increasing its efficiency and quality of services.

Key words: mass sports, population involvement in physical activity, motivation for sports activities, target groups of the population, digital transformation of the sphere of mass sports.

Cite as: Voskolovich, N. A. (2024) [Factors increasing the sports activity of the Russian population]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 23–32. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-23>.

Введение

Для достижения одной из важнейших национальных целей развития Российской Федерации «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» на период до 2030 г. намечено повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет и увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70%¹.

Спорт становится неотъемлемой частью образа жизни современного человека. По данным Министерства спорта РФ доля людей, регулярно занимающихся спортом в 2022 г., достигла 52,95% от численности населения в возрасте от трех до 79 лет².

Однако процесс повышения спортивной активности различных групп российского населения происходит неоднозначно под воздействием многих факторов, что оказывает влияние на состояние здоровья и продолжительность жизни людей.

На основе сравнительного ретроспективного анализа получены выводы о схожести мотивов физической активности населения в Европе и в России, такие как заинтересованность в поддержке здоровья, физической формы, отдыхе, а также в отказе от спортивных занятий из-за нехватки времени, отсутствии близко расположенных спортивных объектов [6]. Необходимость усиления воздействия средств массовой

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.».

² Копылова Е. Согласно отчетам Министерства спорта, 53% населения России занимается спортом или физкультурой. // Лыжный спорт. – URL: <https://www.skisport.ru/news/other/113458/> (дата обращения: 10.01.2024).

информации, социальных сетей на формирование мотивации занятий спортом, популяризацию здорового образа жизни отмечена в работах ряда авторов [3; 4; 10]. Социальная значимость создания доступной инфраструктуры отмечается как важная предпосылка развития спорта [8]. Массовый спорт, как сфера деятельности малого и среднего бизнеса, нуждается в льготном кредитовании, аренде государственного имущества, субсидировании отдельных проектов [7]. Зарубежный опыт, практика разработки и реализации национальных концепций и рекомендаций по вовлечению населения европейских стран в активные спортивные занятия обобщены на материалах европейских стран [5]. Доступность услуг физкультуры и спорта по федеральным округам РФ анализируется в зависимости от состояния спортивной инфраструктуры [11] и от финансирования [9]. Необходимость дополнения государственных инвестиций в сферу спорта частными инвестициями обосновывается в статье Бобровского Е. А. [2]. Оценка эффективности федеральной программы «Спорт – норма жизни» показала недостаточность выделяемых государством финансовых ресурсов, что сдерживает модернизацию сферы физкультуры и спорта [1]. Взаимосвязь недостаточного финансирования и низких темпов вовлечения населения в спортивные занятия также отмечают и другие авторы [12]. Взаимосвязь физической активности людей старшего возраста и их когнитивных способностей, а также зависимость пешеходной активности и состояния здоровья, раскрывается в ряде публикаций [13; 14; 15].

Высокая социальная и экономическая значимость спортивной активности населения обуславливает необходимость поиска возможностей и факторов ее повышения, тем самым предопределяя актуальность проблематики данной статьи. Цель исследования – междисциплинарный анализ факторов вовлечения различных социально-демографических групп российского населения в регулярные занятия массовым спортом и обоснование направлений его дальнейшего развития.

Методы проведения исследования

Теоретическая основа исследования – экономика и организация спорта, фундаментальные положения и нормативные документы, регулирующие развитие массового спорта в РФ. Эмпирическим материалом

послужили данные официальной статистики, специально организованных выборочных обследований, наблюдений и опросов. Обработка эмпирического материала осуществлялась посредством метода группировок, сравнительного анализа, экспертных оценок. Проверяемая гипотеза предполагала проверку относительно возможности роста вовлеченности в спортивные занятия различных социально-демографических групп населения посредством усиления взаимосвязи с медициной, развития сегментов бесплатных и платных спортивных услуг, популяризации и цифровой трансформации сферы массового спорта.

Особенности вовлечения в массовый спорт различных групп российского населения

Согласно ст. 2. п. 4 федерального закона РФ «О физической культуре и спорте в РФ»³ к массовому спорту относят часть спорта, направленную на физическое воспитание и подготовку граждан, посредством вовлечения их в систематические спортивные занятия, проводимые как организованно, так и самостоятельные, а также привлечения к участию в спортивных мероприятиях и соревнованиях. Физическая культура⁴, как часть культуры, отражает совокупность ценностей, норм, знаний, используемых обществом для физического и интеллектуального развития способностей человека, укрепления его спортивной активности, здорового образа жизни и социальной адаптации.

Физическая активность и состояние здоровья людей взаимосвязаны между собой. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2022 г.⁵ состояние своего здоровья как очень хорошее, хорошее и удовлетворительное оценили 87% от общего числа опрошенных россиян, при этом мужчины дали более высокую оценку – 94,8%, женщины – 91,5%, молодежь в возрасте 16–29 лет – 99,2%, люди старше трудоспособного возраста – 80,3%, в городской местности – 93,3%, в сельской местности – 92,2%. Лишь 59,3% участников опроса положительно оценили свои возможности вести активный образ жизни в городских условиях – 61,6%, в сельских – 52,3%. Считают себя не способными вести активный образ жизни (не позволяет здоровье и/или возраст) 24,3% опрошенных, еще 15,1% не имеют интереса или желания вести активный образ жизни. Активный отдых во многом связан со спортом и, как показывают

³ Федеральный закон РФ от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.). – URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-329-fz-o/> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Там же.

⁵ Комплексное наблюдение условий жизни населения. Росстат. 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 12.01.2024).

результаты опроса⁶, 41,3% активных граждан посещали организованные занятия в спортивных секциях и школах, 18,2% – абонементные занятия плаванием, фитнесом, 18,9% – силовые тренировки, спортивные танцы, хоккей, футбол и другие виды спорта.

По данным мониторингового опроса, проведенного ВЦИОМ в октябре 2023 г.⁷, численность регулярно занимающихся спортом возросла с 40% в 2013 г. до 54% в 2023 г. Вовлеченность в регулярные спортивные занятия неодинакова в различных группах населения: женщин – 48%, мужчин – 61%, граждан в возрасте 18–24 года – 68%, 25–34 года – 62%, 35–44 года – 61%, 45–59 лет – 50%, 60 лет и старше – 45% (от числа опрошенных). В числе пяти наиболее популярных видов спорта названы: бег, спортивная ходьба,

легкая атлетика – 37%, фитнес – 31%, силовые упражнения, тяжелая атлетика – 18%, лечебная физкультура – 17%, плавание – 15% от числа опрошенных. Под руководством тренера или инструктора в спортивной секции, спортивном клубе, бассейне занимались не менее 1–3 раз в месяц 12%, в фитнес-клубе – 13% опрошенных. Самостоятельно на стадионе, спортивной площадке, в тренажерном зале, бассейне занимались 45%, и еще больше самостоятельно дома – 54% участников опроса. Мотивация спортивных занятий в целом представляется вполне конкретной и устойчивой, о чем свидетельствуют данные приведенного в феврале 2023 г. исследования социологического центра ЦСП «Платформа» при поддержке Министерства спорта РФ⁸ (Таблица 1).

Таблица 1. Основные мотивы спортивных занятий (в % к числу участников опроса)

Мотивы	Лица в возрасте 8–29 лет	Лица в возрасте 30–39 лет	Лица в возрасте 40–49 лет	Лица в возрасте 50 и старше
Поддерживать тонус мышц, форму тела	41	49	44	36
Улучшить самочувствие	34	60	49	48
Сбросить лишний вес	29	42	41	22
Занять свободное время	13	9	8	4
Расширить круг общения	8	4	5	8

Источник: составлено автором по данным «Как сформировать среду для спортсменов-любителей и стимулировать физическую активность во всех возрастах». Социологический центр «Платформа». С. 15. – URL: <https://pltf.ru/2023/02/14/kak-sformirovat-sredu-dlya-sportsmenov-lyubitelej-i-stimulirovat-fizicheskuyu-aktivnost-vo-vseh-vozrastah/> (дата обращения: 14.01.2024)

В Европейском союзе 45% жителей никогда не занимались физкультурой и спортом, а по данным опросного исследования «Евробарометр» каждый третий житель ЕС недостаточно физически активен⁹. Недостаточная физическая активность повышает риск неинфекционных заболеваний, увеличивает преждевременную смертность, ведет к росту бюджетных расходов на здравоохранение. Результаты исследований, проведенных в ЕС, свидетельствуют о том, что

повышение уровня физической активности хотя бы до минимальных значений (не менее 150 мин. в неделю на каждого жителя ЕС) может предотвратить до 10 тыс. преждевременных смертей ежегодно¹⁰.

Доля никогда не занимающихся спортом составила в 2023 г. 40%, среди женщин – 46%, среди мужчин – 34%, при этом с возрастом этот показатель увеличивался¹¹. Наиболее часто причинами, мешающими спортивным занятиям, были: нехватка времени – 40%,

⁶ Там же.

⁷ Спорт для всех // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh> (дата обращения: 12.01.2024).

⁸ Как сформировать среду для спортсменов-любителей и стимулировать физическую активность во всех возрастах. // Платформа. – URL: <https://pltf.ru/2023/02/14/kak-sformirovat-sredu-dlya-sportsmenov-lyubitelej-i-stimulirovat-fizicheskuyu-aktivnost-vo-vseh-vozrastah/> (дата обращения: 14.01.2024).

⁹ Новый доклад ВОЗ и ОЭСР: повышение уровня физической активности населения позволит ЕС ежегодно экономить миллиарды бюджетных средств. // Всемирная организация здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/europe/ru/news/item/17-02-2023-new-who-oecd-report-increasing-physical-activity-could-save-the-eu-billions-annually> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

неудовлетворительное состояние здоровья – 36%, сложность заставить себя заниматься – 22%, отсутствие потребности – 20%, отсутствие доступных близко расположенных спортивных площадок или стадионов – 17% от числа опрошенных. Обеспеченность граждан спортивными сооружениями, исходя из их единовременной пропускной способности, на начало 2023 г. составила 62,6%, на начало 2022 г. – 60,32%¹², в крупных городах этот показатель выше, в малых городах и населенных пунктах, в сельской местности спортивная инфраструктура менее развита, что также является фактором, ограничивающим возможности спортивных занятий. Тем не менее, люди, пока еще не включившиеся в спортивные занятия по тем или иным причинам, выражают интерес к отдельным ви-

дам спортивных дисциплин, причем на первом месте независимо от возраста отмечается плавание (Таблица 2). Приверженность к плаванию проявляют многие люди, чаще всего лица среднего возраста, поскольку оно способствует гармоническому функционированию всего человеческого организма, улучшает работу мышц и кровообращения. В городских условиях, особенно в крупных городах, больше бассейнов и больше возможностей заниматься плаванием круглый год. В соответствии с поручением Президента РФ от 07.10.2021 г. № Пр-1919¹³ разработана и реализуется межведомственная программа «Плавание для всех», где предусмотрено расширение всеобщего обучения различных социальных групп населения плаванию как базовому жизнеобеспечиваемому навыку.

Таблица 2. Предпочтения относительно видов спорта, которыми хотели бы заниматься люди, которые пока еще не вовлечены в спортивные занятия (в % от числа опрошенных лиц)

Виды спорта	Лица в возрасте 17–29 лет	Лица в возрасте 30–59 лет	Лица в возрасте 60 лет и старше
Плавание	22,3	22,1	15,4
Восточные системы (йога, цигун, др.)	4,4	7,1	2,1
Танцы (спортивные, современные, народные и др.)	7,0	6,5	2,5
Велоспорт, велотуризм	6,5	5,5	3,1
Аэробика, фитнес, ритмика	5,8	4,8	1,9
Волейбол	11,4	4,3	2,6
Занятия на тренажерах	6,9	4,3	3,8
Бокс, единоборства	14,0	4,0	1,1
Легкая атлетика	6,4	3,9	2,4
Лыжный спорт	3,8	3,8	2,6
Теннис	5,5	3,5	0,8
Лечебная физкультура	2,6	2,5	4,9
Пешие прогулки	1,7	2,5	7,1

Источник: составлено автором по данным Основные направления, формы и методы повышения физкультурно-спортивной активности различных социально-демографических групп населения: Аналитические материалы / под общ. ред. проф. В. И. Стоярова; ФГБУ ФНЦ ВНИИФК. – 2023. – С. 11–14.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что необходимо усилить внимание к запросам целевых групп потребителей услуг массового спорта. Положительный опыт в этом направлении имеется у Москомспорта по организации сайта для выбора бесплатных секций для

занятий с профессиональным инструктором одним из 70 предлагаемых видов спорта с помощью онлайн-сервиса «Поиск спортивных услуг» на портале «mos.ru»¹⁴. Заслуживает внимания опыт реализации проекта мэра Москвы «Московское долголетие», в рамках которого

¹² Уровень обеспеченности граждан спортивными сооружениями исходя из единовременной пропускной способности (P5) // ЕМИСС. Государственная статистика. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59663> (дата обращения: 14.01.2024).

¹³ Поручение Президента РФ от 07.10.2021 г. № Пр-1919 «Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию физкультуры и спорта».

¹⁴ Запись в бесплатные секции Москвы. // Москомспорт. – URL: <https://section.mosgorsport.ru/> (дата обращения: 14.01.2024).

для активных москвичей старшего возраста предлагаются на выбор занятия по различным видам спорта. В Москве, Подмосковье, других городах развивается воркаут – это комплекс упражнений с отягощением собственного веса занимающегося, что способствует развитию силы, выносливости и ловкости¹⁵. Поскольку оборудование воркаута (в основном брусья и турникеты) устанавливается в парке или во дворе жилого комплекса, он общедоступен, но, тем не менее, нужно иметь представление о правильной методике выполнения упражнений, для чего на площадке вывешивается инструкция либо указывается время прихода консультанта (обычно волонтера).

Фонд Потанина в 2023–2024 годах проводит конкурс «Спорт для всех», как часть благотворительной программы «Сила спорта», на поддержку инициативы некоммерческих организаций по развитию социального спорта, для этого оформляются заявки в 4 номинациях: «Спорт и здоровье», «Спорт и образование», «Спорт и равенство», «Спорт и устойчивое развитие»¹⁶.

Развитие платных спортивных услуг

Отсутствие возможности пользоваться спортивными услугами бесплатно побуждает заниматься на платной основе – это отметили 26,6% лиц в возрасте 25–29 лет, 30,8% – в возрасте 30–59 лет, 32,4% лиц старше 60 лет (от числа опрошенных)¹⁷. Материалы проведенных опросов свидетельствуют о том, что наиболее часто причинами использования платных спортивных услуг называют хорошие условия занятий на современном оборудовании, индивидуальный подход и комфортную психологическую обстановку, возможность дополнительных услуг в виде массажа, парной, солярия и др., удобное расписание и доступное местонахождение.

Один из основных организаторов платного обслуживания массового спорта в России – фитнес-индустрия. По данным Национального фитнес-сообщества России совокупная выручка отрасли в 2023 г. состави-

ла 172 млрд руб., что на 3 млрд руб. больше чем в 2019 г.¹⁸. Общее число фитнес-клубов, работавших по всей территории страны, в 2019 г. было около 13 тыс., на конец 2023 г. их стало 9050, (часть клубов закрылись в период пандемии, открытие новых клубов сдерживается подорожанием строительных материалов и работ, специального оборудования). Тем не менее, за этот период увеличилось количество проданных клубных карт и абонементов на 3,2%. Основной формат вновь открываемых фитнес-клубов – студия (78%), доля классических широкоформатных клубов без бассейна – 12%, еще 10% – крупные многофункциональные спортивные объекты. Формат небольших спортивных фитнес-залов площадью до 150 кв. м. стал в 2023 г.¹⁹ самым быстрорастущим сегментом, поскольку обычно располагается в шаговой доступности в жилых районах и стоимость клубной карты или абонемента ниже, чем в крупных спортивных клубах.

В определенной степени стимулирует использование платных спортивных услуг введение социального налогового вычета на занятия спортом²⁰. Сдерживает развитие фитнес-индустрии рост арендной платы на помещения, поглощающей до 30% выручки, и высокие налоги на землю²¹. Национальное фитнес-сообщество обращалось в Правительство с просьбой оказать государственную поддержку путем снижения налогов на землю и имущество при предоставлении помещений арендаторам из фитнес-индустрии.

Разные форматы фитнес-клубов привлекают контингенты потребителей, различающиеся по социальному статусу, платежеспособности, спортивным интересам и другим признакам. Создание устойчивого лояльного контингента потребителей требует детального изучения его состава по многим признакам: частоты посещений и длительности членства, мотивов занятий, заинтересованности в индивидуальных или групповых занятиях с участием тренера, потребности в дополнительных услугах врача, диетолога, массажиста, косметолога, спортивного питания и др.

¹⁵ Школы воркаута в Москве // ZOON. – URL: https://zoon.ru/msk/trainings/type/shkoly_vorkauta/ (дата обращения: 16.01.2024).

¹⁶ Фонд Потанина начинает прием заявок на конкурс «Спорт для всех» 2023/24. // Агентство социальной информации. – URL: <https://www.asi.org.ru/news/2023/10/19/otkryt-priem-zayavok-na-konkurs-sport-dlya-vseh-2023-24> (дата обращения: 16.01.2024).

¹⁷ Факторы-детерминанты и барьеры физкультурно-спортивной активности населения различного возраста: Аналитические материалы / под общ. ред. проф. В. И. Столярова; ФГБУ ФНЦ ВНИИФК. – 2023. – С. 10–15.

¹⁸ Исследование Национального фитнес-сообщества финансово-экономического состояния фитнес-отрасли России по итогам 2023 г. // Национальное фитнес-сообщество. – URL: <https://nationalfitness.ru/2023/12/29/issledovanie-natsionalnogo-fitness-soobshchestva-finansovo-ekonomicheskogo-sostoyaniya-fitness> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁹ Скобцова Е. Фитнес осваивает новый формат. // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6352756> (дата обращения: 14.01.2024).

²⁰ Статья 219. Социальные налоговые вычеты. // Федеральная налоговая служба. – URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/2c2d4c47652499da777b2c19de85035c/> (дата обращения: 16.01.2024).

²¹ Национальное фитнес-сообщество назвало одну из главных проблем отрасли. // NEWS.ru. – URL: <https://news.ru/society/fitness-soobshchestvo-prizvalo-mishustina-snizit-nalogi-arendodatelam/> (дата обращения: 14.01.2024).

Вклад в популяризацию и финансирование спорта вносят букмекерские компании. Ежегодно формируются национальные рейтинги лицензированных российских букмекерских компаний, выстраиваемые по комплексу признаков (срок присутствия на рынке, число пунктов приема ставок и их география, узнаваемость и популярность, вклад в развитие российского спорта и др.)²², что способствует большей информированности игроков. По данным за 2023 г. целевые отчисления букмекеров государству составили 18,6 млрд руб., что на 35% больше, чем годом ранее²³. С 1 января 2024 г. размер целевых отчислений букмекеров увеличен с 1,5% до 2%, что позволит улучшить финансовое обеспечение спорта. Одновременно изменится стратегия распределения денежных средств: если ранее 20% перечислялось на развитие детско-юношеского спорта, то теперь планируется до 30%, также больше будет выделяться на развитие массового спорта.

Реклама в основном направлена на профессиональный спорт и спорт высших достижений. Услуги массового спорта рекламируются гораздо меньше, хотя аудитория по отдельным видам спорта вполне сопоставима, что сдерживает возможности привлечения спонсоров. Так например, в ходе выборочного опроса в отношении привлечения спонсоров к поддержке чир-спорта²⁴ положительно к приглашению отнеслись только 48,5% опрошенных бизнесменов²⁵. Это ставит задачу активизации спонсорской деятельности путем создания дополнительных преференций на региональном и местном уровнях в виде льгот в аренде помещений, земельных участков, лизинге оборудования и др.

В рамках федерального проекта «Спорт – норма жизни» проводится всероссийский конкурс «Ты в игре», который направлен на поддержку интересных спортивных инициатив, создающих условия для того, чтобы массовый спорт стал нормой жизни многих россиян²⁶. Участники конкурса в сотрудничестве с профессиональными экспертами разрабатывают перспективные идеи, популяризуют их, привлекают заинтересованных партнеров, а также наиболее отличившиеся получают солидные призы для реализации своих инициатив. Три года проведения подобных конкурсов позволили реализовать более 11 тыс. инициатив по всей России.

Цифровая трансформация сферы массового спорта

В соответствии с приказом Министерства спорта РФ от 25.11.2019 г. № 971 «Об утверждении Концепции цифровизации государственной системы подготовки и управления в сфере физической культуры и спорта Министерства спорта РФ на период 2019–2024 гг.» создана Единая платформа «Цифровой спорт», функционирование которой направлено на повышение эффективности управления отраслью, статистические наблюдения за ходом включения населения в спортивные занятия, а также на получение доступной информации для жителей региона о работе спортивных организаций и предоставляемых услугах²⁷. Получаемая аналитика должна использоваться для более полного изучения особенностей основных социально-демографических групп населения (женщины и мужчины в трудоспособном возрасте, старшего возраста, неработающие пенсионеры) и их отношения к занятиям массовым спортом, разработке «цифровых портретов» отдельных групп потребителей, что позволит более эффективно разрабатывать и реализовывать меры по вовлечению в спортивные занятия.

Цифровую трансформацию сферы спорта в значительной степени ускорила пандемия коронавируса, ограничивавшая возможности личного присутствия на спортивном объекте, тренировки вынужденно проводились онлайн. Накопленный опыт создал гибридную модель персонализированных тренировок, совмещающую онлайн и офлайн, которая получила распространение в виде разнообразных автоматизированных систем и сервисов, используемых до 20% российских фитнес-клубов²⁸.

Портативные фитнес-трекеры в виде носимых на теле устройств (умные часы, браслеты, мониторы сер-

²² Национальный рейтинг букмекеров 2023. // РБК. – URL: <https://rating.sportrb.ru/> (дата обращения: 19.01.2024).

²³ Михайлов К. 18,6 млрд рублей целевых отчислений заплатили российские букмекеры в 2023 г. // Sports.ru. – URL: <https://www.sports.ru/bet/1115774760-18-6-mlrd-rublej-czelevyx-otchislenij-zaplatili-rossijskie-bukmekery-v.html> (дата обращения: 19.01.2024).

²⁴ Чир-спорт – командный вид спорта, сочетающий элементы акробатики, гимнастики, поддержек, перестроений, танцевальных элементов, дополненных красочными костюмами, образующий яркое эффектное зрелище. С 2007 г. признан официальным видом спорта.

²⁵ Щапова К. Управление развитием чирлидинга, как новым видом спорта, в России. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2023.

²⁶ Всероссийский конкурс спортивных проектов «Ты в игре». // Спорт – норма жизни. – URL: https://xn--b1acgk5bi7d.xn--p1ai/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=101458368&utm_content=15417291029&utm_term=%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE (дата обращения: 19.01.2024).

²⁷ Единая платформа «Цифровой спорт» // CDO2DAY. – URL: <https://cdo2day.ru/cases/223/> (дата обращения: 19.01.2024).

²⁸ Активный тренд: как меняется фитнес-индустрия вслед за клиентом. // Деловой Петербург. – URL: <https://www.dp.ru/a/2023/11/02/aktivnij-trend-kak-menjaetsja> (дата обращения: 18.01.2024).

дечного ритма, устройства GPS-слежения, гаджеты оценки активности, способные измерять сердечный ритм, потребляемые калории, периоды активности, счетчики шагов, длительность сна и др.) способствуют более правильному индивидуальному подходу в выборе и выполнении конкретных спортивных тренировок. Мобильные приложения включают звуковые и визуальные подсказки, как выполнять то или иное упражнение, контролировать время физической нагрузки и др. Умные тренажеры, использующие технологию искусственного интеллекта, помогают корректировать особенности тренировки с учетом уровня физической подготовки. За рубежом фитнес-клубы широко применяют технологии, улучшающие бизнес-процессы по контролю за процессом продажи, поддержкой лояльности, отслеживанием технического состояния оборудования, особенно сложного, связанного с эксплуатацией бассейнов, ледовых арен и др., что постепенно появляется и в России.

Важное направление цифровой трансформации – коммуникации в средствах массовой информации, социальных сетях с целевыми аудиториями населения для поддержания адресной мотивации спортивных занятий. Соцсети – это удобная площадка для общения с индивидуальными любителями спорта, а также с командами, объединенными общими интересами и ценностями, например, сбросить лишний вес, использовать новые прогрессивные приемы тренировок, организовать мастер-класс и консультацию опытного тренера, спортсмена или врача и п. д. Вместе с тем, соцсети весьма удобны для популяризации отдельных видов массового спорта или спортивных программ, поскольку создают условия для обмена мнениями, уточнения отдельных моментов в организации занятий, оценке качества спортивных услуг и товаров. Соцсети представляют известные и новые спортивные бренды, создавая центры притяжения для аудитории с общими интересами и запросами, при этом необходимо разрабатывать конкретную контент-стратегию, направленную на рост вовлеченности в занятия спортом.

В ходе подготовки к Олимпиаде–2014 в Сочи, Чемпионату мира по футболу–2018, студенческим универсиадам и спортивным фестивалям в Казани в соответствии с проектом «Умный спортивный объект» были построены спортивные сооружения, обеспечивающие внедрение цифровых технологий в управление инфраструктурой, обеспечивающей безопасность, экономное потребление электроэнергии, воды, тепла. Практика создания и эксплуатации таких спортивных объектов продемонстрировала свою эффективность и, несмотря на высокие затраты, должна продолжаться как применительно к крупным соору-

жениям, так и, по мере развития цифровых технологий, к объектам меньших размеров.

Основные результаты и выводы

Социально-экономическая значимость массового спорта, как представляется, требует изучения возможностей вовлечения различных половозрастных и социально-демографических групп населения применительно к конкретным спортивным дисциплинам. Необходимо отметить связь спорта и медицины, ориентацию массового спорта на достижение оздоровляющего эффекта и социализацию населения.

Представляется целесообразным для повышения физической активности и увеличения вовлеченности различных групп населения в занятия массовым спортом следующее:

- установить более конкретную взаимосвязь между медициной, консультациями врачей и рекомендациями по физической активности, особенно для людей старшего возраста и людей с проблемами здоровья;
- проводить регулярные наблюдения и аналитические исследования контингента занимающихся массовым спортом, мотивов и факторов изменения мотивации занятий различных социально-демографических групп;
- разработать «цифровые портреты» применительно к основным социально-демографическим группам потребителей спортивных услуг для усиления маркетинга и продвижения информации о различных видах спорта и спортивных объектах в СМИ, в социальной рекламе, в социальных сетях и др.;
- в рамках федеральных, региональных и местных проектов предусматривать преференции для предпринимателей, выступающих спонсорами различных массовых спортивных мероприятий (марафонов, велогонок, состязаний в спортивной/скандинавской ходьбе и т. п.);
- подготовить программы по лизингу спортивного оборудования для малых студий в жилых комплексах, льготы по аренде помещений, привлечении волонтеров-спортсменов в качестве тренеров;
- разработать варианты тренировок, сочетающие онлайн и офлайн методики, и пропагандировать их как для самостоятельных занятий, так и для занятий с тренером;
- для повышения эффективности бизнес-процессов фитнес-клубов, спортивных организаций разрабатывать технологии и сервисы для мониторинга реализации спортивных услуг и продуктов, лояльности потребителей, контроля качества обслуживания и технического состояния оборудования спортивных клубов и объектов.

Литература

1. Бобровский Е. А. Оценка эффективности внедряемых государственных проектов по повышению уровня активности в сфере физической культуры и спорта среди граждан страны // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 95–98. – <https://doi.org/10.21640/anie-2021-1001-0022>. – EDN: MVJKRS.
2. Бобровский Е. А. Роль государственных проектов в развитии спортивного оснащения и продвижения спортивных информационных технологий // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 91–94. – <https://doi.org/10.21640/anie-2021-1001-0021>. – EDN: ZHKAYX.
3. Восколович Н. А. Использование цифровых технологий для повышения активности потребителей услуг спортивных мероприятий // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 6. – С. 10–18. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-6-10>. – EDN: AQAZHH.
4. Восколович Н. А., Юнусов Р. И. Проблемы вовлечения российского населения в занятия спортом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 3. – С. 31–41. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-3-31>. – EDN: OZFUHX.
5. Долматова Т. В., Зубкова А. В. Основные тенденции регулирования в сфере физической активности и спорта за рубежом: анализ ведущих зарубежных практик // Человек. Спорт. Медицина. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 108–116. – <https://doi.org/10.14529/hsm210114>. – EDN: WNLTBL.
6. Енченко И. В., Егорова Н. М. Сравнительный анализ уровня физической активности в Европе и в Российской Федерации. // Человек. Спорт. Медицина. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 103–110. – <https://doi.org/10.14529/hsm200412>. – EDN: GZCPGN.
7. Зубакин Р. Э. Анализ основных проблем развития массового спорта в России. // Молодой ученый. – 2022. – № 50(445). – С. 445–447. – EDN: FPEMOX.
8. Казиахмедов А. М., Иванова Ю. О., Винокуров А. С. Социальная значимость инфраструктуры массового спорта в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 7–1. – С. 88–95. – <https://doi.org/10.17513/vaael.2304>. – EDN: ZGFYXR.
9. Перькова Е. Ю. О финансировании массового спорта в федеральных округах России // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9, № 4(33). – С. 264–266. – <https://doi.org/10.21640/anie-2020-0904-0062>. – EDN: APQGQB.
10. Самыгин С. И. Массовый спорт в современной России: новые вызовы и перспективные направления развития // Гуманитарий юга России. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 235–243. – <https://doi.org/10.18522/2227-8556.2023.1.18>. – EDN: GHPBBH.
11. Скобликова Т. В. Стратегические ресурсы вовлечения населения в занятия физической культурой и спортом – развитие спортивной инфраструктуры // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 1(215). – С. 470–474. – <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p470-474>. – EDN: HGXEJN.
12. Соломахина Т. Р., Скобликова Т. В., Конотопченко О. А. Повышение физической активности населения: влияние финансового фактора // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 5–2. – С. 261–266. – <https://doi.org/10.17513/vaael.2206>. – EDN: EKUDCF.
13. Colley R. C., et al. (2019) The association between walkable neighbourhoods and physical activity across the lifespan. *Health Reports*. – Vol. 30, No. 9. – pp. 3–13. – <https://doi.org/10.25318/82-003-x201900900001-eng> (In Eng.).
14. Etner J. L., et al. (2017) Motivating Mature Adults to be Physically Active. *Journal of Aging and Physical Activity*. – Vol. 25, No 2. – pp. 325–331. – <https://doi.org/10.1123/japa.2015-0294> (In Eng.).
15. Liu W. A., et al. (2020) Physical frailty and its associated factors among elderly nursing home residents in China. *BMC Geriatrics*. – Vol. 20, No. 1. – pp. 294–304. – <https://doi.org/10.1186/s12877-029-01695-5>. (In Eng.).

References

1. Bobrovsky, E. A. (2021) [Assessing the effectiveness of implemented government projects to increase the level of activity in the field of physical culture and sports among the country's citizens]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economics and management]. Vol. 10, No. 1(34), pp. 95–98. – <https://doi.org/10.21640/anie-2021-1001-0022>. – EDN: MVJKRS. (In Russ.).
2. Bobrovsky, E. A. (2021) [The role of government projects in the development of sports equipment and promotion of sports information technologies]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economics and management]. Vol. 10, No. 1(34), pp. 91–94. – <https://doi.org/10.21640/anie-2021-1001-0021>. – EDN: ZHKAYX. (In Russ.).
3. Voskolovich, N. A. (2022) [Using digital technologies to increase the activity of consumers of sporting

events services]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 10–18. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-6-10>. – EDN: AQAZHH. (In Russ.).

4. Voskolovich, N. A., Yunusov, R. I. (2020) [Problems of involving the Russian population in sports]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 31–41. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-3-31>. – EDN: OZFUHX. (In Russ.).

5. Dolmatova, T. V., Zubkova, A. V. (2021) [Main trends in regulation in the field of physical activity and sports abroad: analysis of leading foreign practices]. *Chelovek. Sport. Meditsina* [Man. Sport. Medicine]. Vol. 21, No. 1, pp. 108–116. – <https://doi.org/10.14529/hsm210114>. – EDN: WNLTLB. (In Russ.).

6. Enchenko, I. V., Egorova, N. M. (2020) [Comparative analysis of the level of physical activity in Europe and the Russian Federation]. *Chelovek. Sport. Meditsina* [Man. Sport. Medicine]. Vol. 20, No. 4, pp. 103–110. – <https://doi.org/10.14529/hsm200412>. – EDN: GZCPGN. (In Russ.).

7. Zubakin, R. E. (2022) [Analysis of the main problems of the development of mass sports in Russia]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. Vol. 50(445), pp. 445–447. – EDN: FPEMOX. (In Russ.).

8. Kaziakhmedov, A. M., Ivanova, Yu. O., Vinokurov, A. S. (2022) [Social significance of the infrastructure of mass sports in the Russian Federation]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. Vol. 7–1, pp. 88–95. – <https://doi.org/10.17513/vaael.2304>. – EDN: ZGFYXR. (In Russ.).

9. Perkova, E. Yu. (2020) [On the financing of mass sports in the federal districts of Russia]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economics and management]. Vol. 9, No. 4(33), pp. 264–266. – <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0062>. – EDN: APQGB. (In Russ.).

10. Samygin, S. I. (2023) [Mass sports in modern Russia: new challenges and promising directions of development]. *Gumanitarniy yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 12, No. 1, pp. 235–243. – <https://doi.org/10.18522/2227-8556.2023.1.18>. – EDN: GHPBBH. (In Russ.).

11. Skoblikova, T. V. (2023) [Strategic resources for involving the population in physical culture and sports - development of sports infrastructure]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific notes of the University P.F. Lesgafta]. Vol. 1(215), pp. 470–474. – <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p470-474>. – EDN: HGXEJN. (In Russ.).

12. Solomakhina, T. R., Skoblikova, T. V., Konotopchenko, O. A. (2022) [Increasing the physical activity of the population: the influence of the financial factor]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. Vol. 5–2, pp. 261–266. – <https://doi.org/10.17513/vaael.2206>. – EDN: EKUDCF. (In Russ.).

13. Colley, R. C., et al. (2019) The association between walkable neighbourhoods and Physical Activity across the lifespan. *Health Reports*. – No 30(9), pp. 3–13. – <https://doi.org/10.25318/82-003-x201900900001-eng>. (In Eng.).

14. Etner, J. L., et al. (2017) Motivating Mature Adults to be Physically Active. *Journal of Aging and Physical Activity*. Vol. 2, pp. 325–331. – <https://doi.org/10.1123/japa.2015-0294>. (In Eng.).

15. Liu W. A., et al. (2020) Physical frailty and its associated factors among elderly nursing home residents in China. *BMC Geriatrics*. – Vol. 20, No. 1. – pp. 294–304. – <https://doi.org/10.1186/s12877-029-01695-5>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Нина Александровна Восколович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и персонала, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1395-4930, **SPIN-код РИНЦ:** 3471-1650

e-mail: ninaaleks2020@list.ru

Статья поступила в редакцию: 31.01.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Nina Aleksandrovna Voskolovich, Doctor of Economics, Professor of the Department of Labor and Personnel Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1395-4930, **SPIN code RSCI:** 3471-1650

e-mail: ninaaleks2020@list.ru

The paper was submitted: 31.01.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ СПОРТА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

М. А. Краснова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: krasnova@mail.sport-olimp80.ru

Аннотация. Актуальность представленного исследования заключается в том, что на современном этапе повышается значение спорта как фактора развития человеческого капитала. В рамках реализации программ и мероприятий по формированию эффективной инфраструктуры спорта целесообразным является проведение оценки степени влияния спорта на развитие человеческих ресурсов, для этого используются специальные инструменты и методы. Развитие массового спорта как фактора повышения качества человеческого капитала зависит от состояния существующей инфраструктуры и темпов ввода новых спортивных объектов. Современные непростые социально-экономические условия предъявляют повышенные требования к физиологическому состоянию граждан Российской Федерации и поддержанию физической активности, что не может не отразиться на изменении требований к общему состоянию материальной базы массового спорта и физической культуры. Именно поэтому выбор инструментария оценки степени влияния инфраструктуры спорта на человеческий капитал актуален, так как позволяет сформулировать перспективы развития всего комплекса инфраструктуры в целом.

Ключевые слова: спорт, инфраструктура, человеческий капитал, ресурс, потенциал, оценка влияния.

Для цитирования: Краснова М. А. Инструментарий оценки степени влияния инфраструктуры спорта на человеческий капитал // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 33–39. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-33>.

Original article

TOOLS FOR ASSESSING THE IMPACT OF SPORTS INFRASTRUCTURE ON HUMAN CAPITAL

M. A. Krasnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: krasnova@mail.sport-olimp80.ru

Abstract. The relevance of the presented research lies on the fact that at the present stage the importance of sport as a factor in the development of human capital is increasing. As part of the implementation of programs and activities to create an effective sports infrastructure, it is advisable to assess the degree of influence of sports on the development of human resources; for this purpose, special tools and methods are used. The development of mass sports as a factor in improving the quality of human capital depends on the state of the existing infrastructure and the pace of commissioning of new sports facilities. Modern difficult socio-economic conditions place increased demands on the physiological state of citizens of the Russian Federation and the maintenance of physical activity, which cannot but affect changes in the requirements for the general state of the material base of mass sports and physical culture. That is why the choice of tools for assessing the degree of influence of sports infrastructure on human capital is relevant, since it allows us to formulate the prospects for the development of the entire complex of infrastructure as a whole.

Key words: sport, infrastructure, human capital, resource, potential, impact assessment.

Cite as: Krasnova, M. A. (2024) [Tools for assessing the impact of sports infrastructure on human capital]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 33–39. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-33>.

Введение

Продвижение здорового образа жизни как одного

из приоритетов социально-экономического развития формирует новую концепцию, согласно которой раз-

витие доступной спортивной инфраструктуры обеспечит не только дальнейшее повышение конкурентоспособности российского спорта на мировом рынке, но и повышение уровня и качества массового спорта и физической культуры. Именно поэтому целью исследования является формирование принципов инструментария оценки степени влияния инфраструктуры спорта на повышение качества человеческого капитала, через расширение возможностей занятиями физической культурой всех слоев населения.

Растущий спрос на улучшение и обновление спортивных объектов, в частности, в государственной сфере физической культуры и спорта, в условиях ограничения государственного финансирования, определяет необходимость развития механизмов сотрудничества между государственным и частным секторами, направленных на привлечение частного капитала в специфические для данной сферы предприятия [3, с. 180]. Методический аппарат исследования включает в себя теоретический обзор проблемы развития спорта в текущих условиях, роль материальных факторов, влияющих на физическое состояние человеческого капитала, на основе контент-анализа литературы, общих и специальных методов исследования: исторического и логического, анализа и синтеза, обобщения и др. К числу научных результатов, имеющих признаки научной новизны, следует отнести элементы инструментария оценки влияния спортивной инфраструктуры на состояние человеческого капитала общества.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для разработки программ, стратегий по развитию спорта в России как потенциала развития человеческого капитала.

Теоретический обзор проблемы исследования

Организация Объединенных Наций (ООН) признает занятие спортом и физическое воспитание фундаментальным правом любого человека. Осознавая преимущества спорта в целом и спортивной инфраструктуры в частности, многие страны стали вкладывать огромные средства в соответствующую инфраструктуру [12, с. 1419]. Модель человеческого капитала является результатом многочисленных попыток объединить доказательную базу, подтверждающую преимущества спорта и других физических нагрузок. А. С. Воронов и соавторы при подсчете компонентов человеческого капитала в рамках национального благосостояния учитывают физиологический капитал как основной [6, С. 112–113].

Вопросы развития физической культуры и спорта, по мнению многих авторов, приобретают особую важность в аспекте социально-экономического разви-

тия Российской Федерации [9, с. 199]. Исследователи Шинкевич А. И. и Ногуманов Р. У. устанавливают прямую зависимость жизни населения, а также состояния национальной экономики от уровня развития сферы спортивно-физкультурных услуг [12, с. 1413]. При анализе значимости инфраструктуры спорта такими авторами, как Е. И. Григорьев, Е. А. Бобровский, выявлена проблема влияния процесса формирования материально-технической базы на доступность занятий спортом [2, с. 103]. Роль физической культуры и спорта в развитии человеческого капитала доказывается в исследовании Н. Ф. Лозик [4, с. 63]. Такие исследователи, как Д. П. Аркалов, А. В. Литвин обосновали экономико-правовую характеристику спорта и рассмотрели зарубежный опыт инфраструктуры спорта [1, с. 37].

В целом основу концепции человеческого капитала образует принятое многими учеными утверждение о том, что совокупность навыков, опыта и индивидуальных особенностей заключена в способности заниматься спортом и связанными с ним физическими упражнениями, что ведет к воспитанию добродетелей, которые приводят к повышению благосостояния, академическим успехам и, в конечном счете, к экономической выгоде. Однако влияние инфраструктуры спорта, как материально-технической базы, на повышение качества человеческого капитала не получило пока комплексного, системного анализа.

Результаты исследования

Таким образом, на основе проведения систематизации существующих подходов взаимосвязи инфраструктуры спорта, темпов и качества развития физиологического капитала как составляющей человеческого капитала удалось получить следующие теоретические и практические результаты.

Для совершенствования социально-экономической политики в области формирования и продвижения здорового образа жизни необходимо сформировать государственную концепцию по трансформации подходов использования национальной инфраструктуры спортивных мега мероприятий, находящихся в федеральной и региональной собственности. Это связано с тем, что спортивная инфраструктура является основой экосистемы развития массового спорта и физической культуры. Кроме инфраструктуры спорта в экосистему входят сферы и отрасли, связанные управленческими, организационными, хозяйственными и экономическими взаимоотношениями. К ним относится производство товаров и услуг, непосредственно улучшающих и развивающих социальные процессы профессионального и массового спорта:

– организация спортивных и тренировочных мероприятий, сопровождаемых производством и роз-

ничной торговлей спортивными товарами;

- развитие спортивного туризма;
- медико-биологические исследования в сфере улучшения физиологических характеристик и качества жизни, в результате продвижения современных спортивных технологий;
- девелопмент в сфере спортивной недвижимости и благоустройства прилегающих территорий;
- развитие спортивно-медицинского образования и консультирования.

Таким образом, понятие инфраструктуры спорта имеет, по нашему мнению, как узкую, так широкую трактовку: инфраструктура как материальная база и инфраструктура, как экосистема развития спорта в целом. Широкая трактовка предполагает формирование нематериальных ценностных составляющих, которые являются мотивирующей базой социального капитала экосистемы спорта. Социальный капитал, включающий в себя такие основополагающие компоненты, как доверие в обществе, социальные связи, общие стандарты и принципы, существенно зависят от физических нагрузок и занятий спортом, которые, в свою очередь, повышают интерес к здоровому образу жизни и являются базовой методикой по формированию эффективности развития человеческого капитала в целом.

Можно присоединиться к мнению ряда авторов, считающих, что с функциональной точки зрения спортивная инфраструктура позволяет гражданам принимать участие в занятиях спортом и включает в себя объекты, системы, товары и услуги, необходимые для спорта и имеющие жизненно важное значение для страны, с целью конкуренции на международной спортивной арене [5, с. 77]. В процессе исследования выявлено, что широкое использование инфраструктуры спорта высших достижений для перехода массового спорта и физической культуры общества на новый уровень формирует косвенные экономические преимущества. Эти преимущества важны не только на индивидуальном уровне, но и с точки зрения развития человеческого капитала, так как отражаются в улучшении самочувствия отдельных социальных и возрастных групп, в снижении расходов на здравоохранение с учетом профилактической значимости физической культуры и массового спорта, повышения производительности труда благодаря позитивным изменениям человеческого капитала на основе продвижения здорового образа жизни.

Далее в таблице 1 можно увидеть характеристики конкретных факторов воздействия спортивной деятельности и их показатели, которые позволяют оценить степень влияния на человеческий капитал в целом.

Таблица 1. Элементы спортивной экосистемы, влияющие на человеческий капитал

Название элементов спортивной деятельности	Источник информации
Положительные эффекты занятий спортом	
Занятия спортом повышают самостоятельность, улучшают контроль	Папп, Приштока, 1995
Спорт учит, формирует личность, объединяет	Гоф, 1997
Формирование характера и развитие социального сотрудничества	Элиас, 1971; Манделл, 1984
Формирование ключевых механизмов социального капитала: обмен информацией, влияние и формирование личной и групповой идентичности	Леви, 1996; Столле, 2001, 2003; Джонсон, 2003; Зейппель, 2006; Лин, 2001
Возможные негативные последствия занятий спортом с точки зрения создания социального капитала	
Ориентация на коммерциализацию, конкурентный успех, профессионализм	Харгривз, 1986; Лэш, 1991; Груно, 1993; Морган, 1994
Национализм, шовинизм, расизм и насилие	Таннсе и Тамбуррини, 2000

Источник: составлено автором с использованием работы [11, с. 134]

Изучение правительственных стратегий, касающихся развития спортивной инфраструктуры, позволило выявить четыре фундаментальных основы, которые являются базой и главными стратегическими на-

правлениями для содействия развитию человеческого капитала через физические упражнения и спорт¹:

- степень осведомленности граждан о положительном влиянии спорта;

¹ Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 г. № 3081-р // Правительство России: – URL: <http://government.ru/docs/all/131173/> (дата обращения: 05.02.2024).

- достаточное внимание со стороны государства с целью привлечения к спорту на регулярной основе;
- контроль, оценка вовлечения граждан в массовый спорт;
- программы по привлечению населения на добровольных началах в спорт, наставничество, тренерство [14, с. 526].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» одной из главных целей на период до 2030 года является сохранение здоровья и благополучия населения [1, с. 36]. Ключевые показатели эффективности, которые свидетельствуют о достижении этой цели, включают в себя:

- обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации;
- увеличение продолжительности жизни до 78 лет;
- сокращение уровня бедности в два раза по сравнению со статистикой 2017 года;
- увеличение доли граждан, регулярно занимающихся физической культурой и спортом, до 70% [13, с. 1513].

Существуют показатели, которые можно характеризовать как основу для инструментария оценочного способа влияния спорта на развитие человеческого капитала в регионах России. Среди основных показателей стоит выделить следующие:

- доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в общей численности населения;
- денежные ресурсы и финансирование на культуру и спорт из расчета на душу населения (в рублях);
- процент учащихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом;
- процент лиц с ограниченными возможностями здоровья, систематически занимающихся физической культурой и спортом, от общего числа лиц данной демографической группы;
- количество спортсменов из субъектов Российской Федерации, включенных в списки кандидатов в сборные команды страны.

На рисунке 1 можно увидеть, как происходит трансформация человеческого капитала в ресурс для региона с точки зрения повышения интереса к спорту и развитию его инфраструктуры.

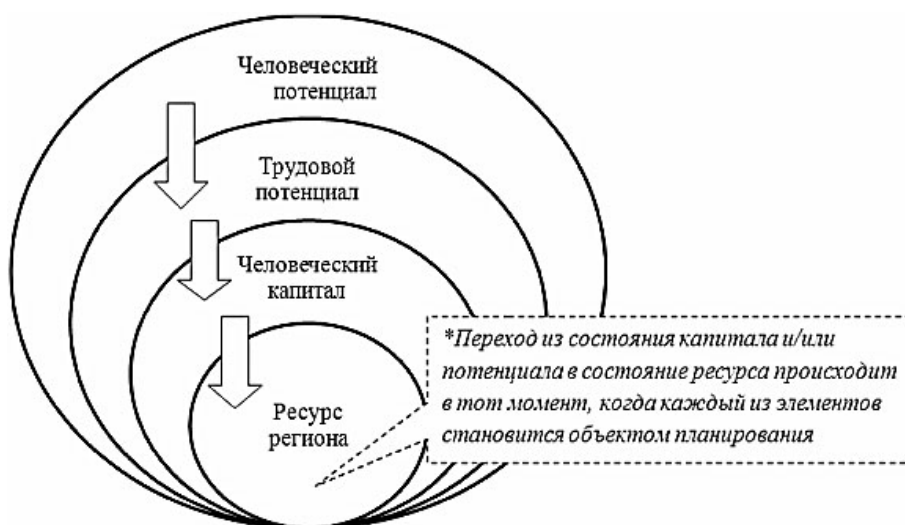

Рисунок 1. Трансформация человеческого капитала в ресурс

Источник: взято автором из работы [10, с. 472]

В качестве инструментария в оценке моделирования развития человеческого капитала через инфраструктуру спорта в субъектах России стоит выбрать технологию интеллектуального анализа данных. Использование искусственных нейронных сетей позволяет кластеризовать субъекты Российской Федерации по уровню развития человеческого капитала [7, с. 3].

Тесная взаимосвязь кластерной динамики с повышением конкурентоспособности на региональном и национальном уровнях усиливает необходимость утверждения в современных теоретических рамках и практической реализации особой методологии, известной как кластерная политика [10, с. 472]. Эта политическая основа влияет на создание и развитие

кластеров. Переплетая кластерную парадигму, основанную на систематическом анализе обогащения человеческого капитала посредством физической культуры и спорта, со стратегическими и программными планами, можно потенциально смягчить неустойчивость, присущую процессам принятия решений об инвестициях и инновациях [15, с. 1107].

Традиционными инструментами выявления степени влияния на человеческий капитал и взаимосвязи со спортом выступают такие методы как статистический анализ данных, основанный на оценке уровня образования населения, общего благосостояния людей, производительности труда в регионе [8, с. 216], и метод экономического анализа, позволяющий оценить эффективность и риски возможных инвестиций в спортивную индустрию и строительство объектов.

С помощью опросов и анкетирования можно определить заинтересованность населения в занятии спортом, поддержании здорового образа жизни,

удовлетворенности спортивной инфраструктурой.

Выводы

Таким образом, можно сделать выводы о том, что развитие человеческого капитала целесообразно в современных условиях рассматривать с точки зрения формирования и строительства спортивных объектов инфраструктуры, которые могут быть серьезным шагом на пути к здоровью нации и позволить развиваться потенциалу с точки зрения повышенного интереса к спортивным мероприятиям.

Государством в последние годы уделено особое внимание инфраструктуре спорта и это проявляется в строительстве большого количества спортивных сооружений, объектов в регионах страны. Поддержка и повышение спортивной активности позволяет выбрать наиболее подходящие инструменты оценки влияния спорта на человеческий капитал как главный трудовой ресурс страны.

Литература

1. Алексина А. О., Храпунова М. С. Активизация массового спорта посредством развития спортивной инфраструктуры // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – Т. 1, № 12 (29). – С. 35–37. – EDN: YUKOGD.
2. Григорьев В. И., Пшеничников А. Ф. Управление спортивной инфраструктурой в реализации нацпроекта «Спорт – норма жизни» // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 1 (179). – С. 103–109. – <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.1.p103-109>. – EDN: YCLIMV.
3. Ланская Д. В., Панченко А. Н. Ключевые направления в развитии социальной инфраструктуры регионов // Естественно-гуманитарные исследования 2022. – № 44 (6). – С. 179–183. – EDN: HWKOFK.
4. Лозик Н. Ф. Роль физической культуры и спорта в развитии человеческого капитала // Вестник института мировых цивилизаций – 2018. – Т. 9, № 3 (20). – С. 61–65. – EDN: YMZRKP.
5. Ногуманов Р. У. Моделирование управления экономическим развитием сферы спортивных услуг // Экономический вестник Республики Татарстан. – 2018. – № 3. – С. 72–77. – EDN: XZTLZZ.
6. Оценка состояния человеческого капитала на этапе шестого технологического уклада: региональный аспект / А. С. Воронов [и др.] // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 90. – С. 108–125. – <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-108-125>. – EDN: SVSSJL.
7. Перькова Е. Ю. О результативности инвестиций в создание спортивных объектов для проведения официальных спортивных мероприятий // Иннов: электронный научный журнал. – 2018. – № 1 (34). – С. 10. – EDN: YNZLKH.
8. Перькова Е. Ю. Структура финансирования спортивной инфраструктуры созданной в субъектах Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 1 (22). – С. 215–218. – EDN: YWYKMS.
9. Савельева О. В., Иванова Л. А., Суркова Д. Р. К вопросу о реализации культурно-целевой программы по развитию физической культуры и спорта в РФ // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2016. – № 5 (135). – С. 198–202. – EDN: WBCFOP.
10. Скобликова Т. В. Стратегические ресурсы вовлечения населения в занятия физической культурой и спортом – развитие спортивной инфраструктуры // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 1 (215). – С. 470–474. – <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.01.p470-474>. – EDN: HGXEJN.
11. Соломахина Т. Р., Бобровский Е. А. Оценка влияния обеспеченности спортивной инфраструктурой на возможности населения заниматься спортом // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 3–1. – С. 133–137. – EDN: YHGORV.
12. Шинкевич А. И., Ногуманов Р. У. Экономическое содержание инфраструктуры сферы спортивных услуг // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 8. – С. 1413–1420. – <https://doi.org/10.18334/>

rp.18.8.37797. – EDN: YPCYIL.

13. Barmina K. V. et al. (2017) Infrastructure Projects Management in Service Sector, *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. – Vol. 12, No. 7b. – pp. 1513–1519. – <https://doi.org/10.12973/ejac.2017.00280a>. – EDN: VSGFCX.

14. Hallmann K., et al. (2012) Understanding the importance of sport infrastructure for participation in different sports-findings from multi-level modeling, *European Sport Management Quarterly*. Vol. 12. No. 5. pp. 525–544. – <https://doi.org/10.1080/16184742.2012.687756> (In Eng.).

15. Jaworek M., et al. (2020) Investment expenditure on sport infrastructure in Poland: diagnosis, general trends, and possible prospects, *Journal of Physical Education and Sport*. Vol. 20. No. 2. pp. 1106–1114. – <https://doi.org/10.7752/jpes.2020.s2154> (In Eng.).

References

1. Aleksina, A. O., Khrapunova, M. S. (2018) [Activation of mass sports through the development of sports infrastructure]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki* [Modern scientific research and development]. Vol. 1, No. 12 (29), pp. 35–37. – EDN: YYKOGD. (In Russ.).

2. Grigoriev, V. I., Pshenichnikov, A. F. (2020) [Management of sports infrastructure in the implementation of the national project «Sport is the norm of life»]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki* [Scientific Notes of the University named after. P.F. Lesgafta]. Vol. 1 (179), pp. 103–109. – <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.1.p103-109>. – EDN: YCLIMV. (In Russ.).

3. Lanskaya, D. V., Panchenko, A. N. (2022) [Key directions in the development of the social infrastructure of the region]. *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya 2022* [Natural and Humanitarian Research 2022]. Vol. 44 (6), pp. 179–183. – EDN: HWKOFK. (In Russ.).

4. Lozik, N. F. (2018) [The role of physical culture and sports in the development of human capital]. *Vestnik instituta mirovykh tsivilizatsiy* [Bulletin of the Institute of World Civilizations]. Vol. 9, No. 3 (20), pp. 61–65. – EDN: YMZRKP. (In Russ.).

5. Nogumanov, R. U. (2018) [Modeling management of economic development of the sphere of sports services]. *Ekonomicheskiy vestnik Respubliki Tatarstan* [Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan]. Vol. 3, pp. 72–77. – EDN: XZTLZZ. (In Russ.).

6. Voronov, E. Yu. (2022) [Assessment of the state of human capital at the stage of the sixth technological structure: regional aspect]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic newsletter]. Vol. 90. pp. 108–125 – <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-108-125>. – EDN: SVSSJL. (In Russ.).

7. Perkova, E. Yu. (2018) [On the effectiveness of investments in the creation of sports facilities for holding official sporting events]. *Innov: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Innov: electronic scientific journal]. Vol. 1 (34), pp. 10. – EDN: YNZLKH. (In Russ.).

8. Perkova, E. Yu. (2018) [Structure of financing of sports infrastructure created in the constituent entities of the Russian Federation]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economics and management]. Vol. 7. No. 1 (22). – pp. 215–218. – EDN: YWYKMS. (In Russ.).

9. Savelyeva, O. V., Ivanova, L. A., Surkova, D. R. (2016) [On the issue of implementing a cultural-target program for the development of physical culture and sports in the Russian Federation]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta* [Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta]. Vol. 5 (135), pp. 198–202. – EDN: WBCFOP. (In Russ.).

10. Skoblikova, T. V. (2023) [Strategic resources for involving the population in physical education and sports – development of sports infrastructure]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific notes of the University. P.F. Lesgafta]. Vol. 1 (215), pp. 470–474. – <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.01>. – EDN: HGXEJN. (In Eng.).

11. Solomakhina, T. R., Bobrovsky, E. A. (2017) [Assessing the impact of the provision of sports infrastructure on the population's ability to play sports]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. Vol. 3–1, pp. 133–137. – EDN: YHGORV. (In Russ.).

12. Shinkevich, A. I., Nogumanov, R. U. (2017) [Economic content of the infrastructure of the sphere of sports services]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship]. Vol. 18. No. 8, pp. 1413–1420. – <https://doi.org/10.18334/rp.18.8.37797>. – EDN: YPCYIL. (In Russ.).

13. Barmina, K. V. et al. (2017) Infrastructure Projects Management in the Service Sector. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. Vol. 12, No. 7b, pp. 1513–1519. – <https://doi.org/10.12973/ejac.2017.00280a>. – EDN: VSGFCX. (In Eng.).

14. Hallmann, K., et al. (2012) Understanding the importance of sport infrastructure for participation in different sports-findings from multi-level modeling. *European Sport Management Quarterly*. Vol. 12. No. 5, pp. 525–544. – <https://doi.org/10.1080/16184742.2012.687756>. (In Eng.).

15. Jaworek, M., et al. (2020) Investment expenditure on sport infrastructure in Poland: diagnosis, general trends, and possible prospects. *Journal of Physical Education and Sport*. Vol. 20. No. 2. pp. 1106–1114. – <https://doi.org/10.7752/jpes.2020.s2154>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Маргарита Андреевна Краснова, аспирант, направление подготовки 38.06.01 Экономика, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: 0009-0006-5433-3195

e-mail: krasnova@mail.sport-olimp80.ru

Статья поступила в редакцию: 14.02.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Margarita Andreevna Krasnova, postgraduate student, training program 38.06.01 Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0009-0006-5433-3195

e-mail: krasnova@mail.sport-olimp80.ru

The paper was submitted: 14.02.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ТОЧЕК РОСТА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Н. Е. Лактаева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: LaktaevaNE@spa.msu.ru

Аннотация. В условиях межрегиональной социально-экономической дифференциации и необходимости распределения ограниченных финансовых ресурсов грамотный выбор точек роста региональной экономики выступает важнейшей задачей как для аппарата государственного управления, так и для частных инвесторов.

Статья посвящена анализу методологических подходов к формированию точек роста региональной экономики.

Цель данного исследования заключается в агрегировании и систематизации имеющихся способов идентификации точек (полюсов, центров) роста региональной экономики. Автором определены две группы методов выявления точек роста: математико-статистические и экспертной оценки. В рамках первой группы автором рассмотрены примеры поиска точек роста на основе использования кластерного анализа, пространственного анализа, анализа структурных сдвигов в экономике, циклического анализа (волны Китчина), дескриптивного (описательного) и сравнительного анализа. Основным преимуществом данных методов является возможность проведения комплексного исследования на основе экономико-математического и эконометрического моделирования. В рамках второй группы автором выделены ресурсный, критериальный, инновационный, пространственный, когнитивный (форсайт) и директивный подходы. Основные преимущества данных методов состоят в их относительной простоте, практической направленности, возможности творческого подхода к поиску точек роста. Общим недостатком является недостаточная увязка процесса формирования точек роста с повышением показателей качества жизни населения. Оптимальным решением, по мнению автора, выступает комбинация математико-статистического метода и метода экспертной оценки.

Научная новизна исследования заключается в агрегировании существующих методов поиска точек роста региональной экономики и систематизации используемых исследователями инструментов.

Практическая значимость статьи заключается в том, что знание подходов и инструментария, направленных на выявление точек роста, обеспечивает органы государственного и муниципального управления возможностями для трансформации структуры экономики, увеличения потока инвестиций в регион, повышения качества жизни его населения, укрепления и развития межрегиональных экономических связей и др.

В ходе исследования были применены контент-анализ, сравнительный анализ и системный подход.

Ключевые слова: точка роста, полюс роста, центр роста, пространственная поляризация, методы выявления точек роста, экономика региона, инвестиции, конкурентоспособность региона.

Для цитирования: Лактаева Н. Е. Методологические подходы к формированию точек роста региональной экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 40–53. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-40>.

Original article

THE METHODOLOGICAL APPROACHES USED FOR GROWTH POINTS FORMATION OF THE REGIONAL ECONOMY

N. E. Laktaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: LaktaevaNE@spa.msu.ru

Abstract. In the context of interregional socio-economic differentiation and the need for assigning limited financial resources, the most important issue for public administration and private investors is a competent choice of growth points in the regional economy.

The article is devoted to the analysis of methodological approaches used for growth points formation of the regional economy.

The aim of the article is to aggregate and systematize the available methods for identifying points (poles, centers) of regional economic growth. The author defines the mathematical and statistical methods group and the expert assessment methods group for determining growth points. Within the first group, the author considers examples of growth points searching based on the use of cluster analysis, spatial analysis, analysis of structural shifts in the economy, cyclical analysis (Kitchin waves), descriptive and comparative analysis. The possibility of use the economic, mathematical and econometric modeling is the main advantage of these methods group. Within the second group, the author identifies resource, criteria, innovation, spatial, cognitive (foresight) and directive approaches. The relative simplicity, practical orientation and the possibility of a creative approach in the search for growth points is the main advantage of these methods. The insufficient correlation of the growth points forming process with an increase of the life quality of the population is the common disadvantage of the both methods groups. According to the author, the optimal solution is a combination of mathematical and statistical methods and the expert assessment methods.

The scientific novelty of the research lies in the aggregation of existing methods for growth points searching in the regional economy and the systematization of the tools used by researchers.

The practical significance of the article lies in the fact that knowledge of approaches and tools aimed at identifying growth points provides state and municipal authorities with opportunities to structural transformation, increase the investment flows into the region, improve the life quality of its population, strengthen and develop interregional economic ties, etc.

The following methods are used for the study: content analysis, comparative analysis and a systematic approach.

Key words: growth point, growth pole, growth center, spatial polarization, methods for identifying growth points, regional economy, investments, regional competitiveness.

Cite as: Laktaeva, N. E. (2024) [The methodological approaches used for growth points formation of the regional economy]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 40–53. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-40>.

Введение

В условиях необходимости решения вопроса межрегиональной социально-экономической дифференциации и ограниченности возможностей для увеличения финансовой поддержки региональных бюджетов¹ концепция полюсов (точек) роста, основанная на идее географической неравномерности экономического роста, является актуальной для современной России.

Термин «полюс роста» введён в 1950-е годы французским экономистом Ф. Перру [18], под которым он понимал компактно размещённые и динамично развивающиеся отрасли промышленности или отдельные предприятия, в которых сосредоточен «импульс развития», распространяющий своё влияние на территориальную структуру хозяйства и её динамику. Сегодня в научной литературе также широко используются термины «точка роста» [2–5; 8; 11–13] и «центр роста» [7; 9; 19; 21], как правило, рассматриваемые исследователями как синонимичные первому, либо в его более узкой интерпретации – в качестве состав-

ных элементов полюса роста.

Грамотный выбор точек роста выступает ключевой задачей в распределении финансовых средств как для аппарата государственного управления, так и для частных инвесторов, поскольку важность получения наибольшей отдачи от инвестиций в дальнейшем не вызывает сомнений. При этом основное содержание полюсов роста заключается не в соотношении затрат и выпуска, а в акцентировании внимания на инновациях и структурных изменениях в ходе экономического развития [21, с. 3].

Следует отметить, что полюса и точки роста способны создавать сети инновационного сотрудничества, обеспечивая тем самым развивающиеся районы условиями для их экономической интеграции [15, с. 262]. Это, в том числе, соответствует задаче усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов РФ, поставленной в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года².

¹ «О параметрах проекта федерального бюджета на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. – 2023. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/148548/> (дата обращения: 31.01.2024).

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 31.01.2024).

Сегодня существует множество подходов к выявлению точек роста региональной экономики. Цель данного исследования заключается в агрегировании, классификации и систематизации способов их идентификации. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд следующих задач: определить теоретические подходы к интерпретации понятия «точка роста» («полюс роста», «центр роста») и их формированию, изучить методы поиска точек роста с приведением конкретного методического инструментария, осуществить анализ их сильных и слабых сторон.

Дифференциация подходов к выявлению точек регионального роста

Как в научной литературе, так и в документах стратегического планирования вне зависимости от его уровня предлагаются разнообразные способы выявления точек роста региональной экономики. В теории полюса (точки) роста, как правило, обсуждаются в контексте единиц экономической деятельности, таких как фирмы и отрасли промышленности. На практике их эквивалентами выступают города, рассматриваемые как центры роста региональной и национальной экономики [21, с. 3].

Таким образом, определение методов выявления точек (полюсов, центров) регионального роста будет осуществляться в зависимости от подхода к интерпретации данного понятия: *территориальный* (точкой, полюсом или центром роста может выступать регион, муниципальное образование, агломерация, ОЭЗ, ТОСЭР); *отраслевой* (вид экономической деятельности, отрасль); *кластерный* (территориально-производственный комплекс, группа сотрудничающих предприятий и организаций – промышленный кластер, НОЦ, ИНТЦ); *организационный* (предприятие, институт развития); *проектный* (региональная программа развития, масштабный проект); *функциональный* (например, экспорт, туризм, инновации).

Обычно выделяют два варианта (подхода) формирования полюсов экономического роста [7, с. 37–38]:

- спонтанный (естественный) – в результате воздействия случайных факторов: благоприятного географического фактора, наличия востребованных природных ресурсов, сложившейся экономической и политической ситуации, исторических событий, демографических и личностных факторов, предпринимательской активности и др.;
- управляемый (искусственный) – в результате сознательного выбора и принятия проектных реше-

ний, осуществления активной региональной политики, внедрения методов стратегического планирования и инновационного менеджмента.

В частности, О. Е. Герасимова³ отмечает три подхода, используемых при определении точек роста:

- zero-approach («нулевой») подход – планирование перспектив развития «от желаемого», без учёта текущего состояния региона и его районов. Данный метод подходит для выявления точек роста в регионе-лидере;
- подход на основе решений – формирование целевого ориентира с учётом текущего состояния региональной социально-экономической системы. Данный подход целесообразен при наличии серьёзных, но не носящих катастрофического характера для региона проблем, связанных с пространственной поляризацией;
- подход на основе детального анализа – совершенствование действующих механизмов формирования и обеспечения функционирования точек роста в регионе.

Методология определения точки роста экономики опирается на два основных подхода: первый связан с качественным анализом и обработкой информации, а второй представлен инструментальными методами и сбором доказательной базы на основе отобранных исследователем критериев. В рамках инструментального подхода можно выделить два направления: анализ динамики основных экономических показателей в целом и в разрезе отраслей и построение моделей нелинейной динамики [12, с. 1155].

По итогам анализа подходов к формированию точек и полюсов роста региональной экономики целесообразно выделить две основные группы используемых методов:

- математико-статистические методы;
- методы экспертной оценки.

Математико-статистические методы

Особенностью применения данных методов выявления точек экономического роста является необходимость наличия специализированного программного обеспечения, позволяющего обрабатывать и моделировать большие массивы данных (MS Excel, IBM SPSS Statistics, Mathcad и др.).

Кластерный анализ. Как правило, кластерный анализ применяется в рамках поиска *территориальных* точек роста. Например, румынскими исследователями в целях выявления полюсов роста (городов второго уровня) стран – членов Европейского союза

³ Герасимова О. Е. Управление пространственной поляризацией в регионе на основе формирования точек роста (на примере Республики Татарстан): дис. ... канд. экон. наук. – Казань, 2009. – 147 с.

проводится двухэтапный кластерный анализ входящих в его состав государств [14, с. 922]:

- иерархический кластерный анализ с использованием метода Уорда и евклидова (квадратичного) расстояния;
- кластерный анализ методом К-средних (англ. K-means).

В основе кластеризации лежат показатели уровня занятости населения, валовых внутренних расходов на НИОКР, уровня высшего образования и профессиональной подготовки, выбросов парниковых газов, доли возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии, индекса экономической свободы, ВВП на душу населения и др. Для проверки наличия статистически значимых различий между кластерами для каждой из включенных переменных проводится дисперсионный анализ (ANOVA).

При выявлении муниципальных образований (далее – МО) как точек экономического роста региона А. А. Виноградова⁴ также применяет метод Уорда, базирующийся на расчете евклидова расстояния, и использует для обработки данных программное обеспечение IBM SPSS Statistics. Авторский метод главных компонент и кластеризации МО включает три этапа:

- анализ фактически сложившихся муниципальных точек роста в результате рассмотрения индикаторов численности населения и трудовых ресурсов, индикаторов экономической и финансовой деятельности;
- комплексная оценка индикаторов результативности развития муниципальных территорий;
- генерация новых точек роста в регионе: первого уровня («мерцающие», «перспективные»), второго уровня («неопределившиеся», «прогрессирующие»), третьего уровня («консервативные», «ядробразующие»).

Пространственный анализ. Использование инструмента точек роста осуществляется в рамках управления пространственным развитием территорий, при анализе которого целесообразно рассматривать показатели интенсивности использования пространства и связности его элементов в динамике (в средне- и долгосрочной ретроспективе – 5, 15 и 30 лет) с выявлением неблагоприятных факторов [17].

Для выявления *территорий* как точек роста в рамках данной методологии могут использоваться методы пространственной автокорреляции и картографического анализа, что предполагает следующие шаги [10]:

- 1) построение матрицы расстояний (например, с учетом информации о протяженности автомобильных дорог);

- 2) расчёт значения глобального индекса Морана:

$$I = \frac{n \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{S_0 \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2},$$

где

I – глобальный индекс Морана;

x – рассматриваемый показатель;

S_0 – совокупность всех пространственных весов

($S_0 = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij}$);

n – число анализируемых территорий.

Сопоставление индекса Морана с математическим ожиданием позволяет сделать вывод о наличии и характере пространственной автокорреляции:

$$E(I) = \frac{-1}{n-1}$$

где

$E(I)$ – математическое ожидание индекса;

n – число анализируемых территорий.

3. Расчёт значения локального индекса Морана и определение тесноты взаимосвязей между отдельными территориями:

$$IL_i = z_i \sum w_{ij} z_j,$$

где

IL_i – локальный индекс Морана для i -той территории;

w_{ij} – стандартизированная дистанция между i -той и j -той территориями;

z_i и z_j – стандартизированные значения изучаемого показателя для i -той и j -той территорий.

4. Группировка территорий в соответствии с соотношением характерных для них стандартизированных значений рассматриваемого показателя (например, по численности постоянного населения, ВРП) и значений пространственного фактора. Выделение регионов, наиболее сильно влияющих друг на друга.

Потенциальными полюсами роста выступают регионы в группах, которые отличаются высокими значениями показателей и тесной взаимосвязью между собственным развитием и развитием прочих территорий [10, с. 115].

Использование пространственного анализа также возможно при поиске точек роста (*например, отраслей и производств*), исходя из возможности оказывать внешние экстерналии (*например, на смежные производства и отрасли*) в результате роста собствен-

⁴ Виноградова А. А. Организационно-методический инструментарий активизации точек экономического роста в регионе: дис. ... канд. экон. наук. – Тамбов, 2015. – 196 с.

ных объемов производства и реализации продукции. Здесь может предполагаться следующий алгоритм действий [11]:

- расчёт темпов роста объема производства продукции и услуг минимум за 5 лет по отдельным отраслям экономики региона и их средних значений, а также определение темпов роста валового регионального продукта (ВРП);
- оценка среднего удельного веса объема производства продукции отрасли в объеме ВРП региона. Потенциальные отрасли роста характеризуются темпами роста производства продукции выше среднего темпа роста ВРП и наибольшими удельными весами объема производства продукции;
- анализ деятельности предприятий выбранных отраслей по двум выше рассмотренным условиям. Потенциальными точками роста являются предприятия с темпами роста объема производства продукции выше темпа роста отрасли, с наибольшими удельными весами;
- выявление вертикально диверсифицированных связей точек роста. Определение отраслей и предприятий, способных порождать цепную реакцию в технологически связанных отраслях и производствах – «локомотивов роста»;
- определение полюса развития в региональной экономике, которым может выступать региональный узел предприятий – точки роста. Выделение границ распространения действия полюсов развития. Составление карты.

Вместе с этим необходимо отметить, что теории полюсов роста, связывающие экономические и пространственные внешние эффекты с размером города (или региона), пренебрегая социокультурными факторами в процессах регионального развития, считаются некоторыми исследователями устаревшими [19, с. 655].

Анализ структурных сдвигов. Поиск точек инновационного роста (*отраслей*) в рамках анализа структурных сдвигов в экономике регионов предполагает расчёт [13]:

- 1) индекса Рябцева (число от 0 до 1) – чем ближе значение показателя к 1, тем сильнее различия в структуре экономики:

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{1i} - d_{0i})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{1i} + d_{0i})^2}},$$

где

d_{1i} – значение структурного показателя в текущем периоде;

d_{0i} – значение структурного показателя в базовом

периоде.

- 2) Коэффициента специализации на производстве инновационной продукции (душевого производства):

$$K_{ис} = \frac{V_{ij}/V_{ic}}{P_j/P_c},$$

где

V_{ij} – объем производства инновационной продукции в j -м регионе;

V_{ic} – объем производства инновационной продукции в стране;

P_j – численность населения в j -м регионе;

P_c – численность населения в стране.

- 3) Коэффициент специализации по среднесписочной численности работников:

$$K_{сп} = \frac{R_{ij}}{R_{ic}},$$

где

R_{ij} – среднесписочная численность работников i -й отрасли в j -м регионе;

R_{ic} – среднесписочная численность работников i -й отрасли в стране.

- 3) Коэффициент использования передовых производственных технологий, позволяющий выделить субъекты макрорегиона, активно создающие и внедряющие инновации в производственный процесс:

$$K_{инт} = \frac{T_d}{T_u} * 1000,$$

где

T_d – число разработанных передовых производственных технологий за период 2006–2020 гг.;

T_u – число используемых передовых производственных технологий в 2020 г.

Здесь также следует отметить работу китайских исследователей, нелинейная эконометрическая модель которых, основанная на использовании данных по провинциям КНР с 2000 по 2014 гг., сосредоточена на изучении направления технологических инноваций и структурных изменений в целях стимулирования экономического роста страны [20].

Циклический анализ Особенного внимания заслуживают научные труды отечественных исследователей, предлагающих метод поиска точек роста региональной экономики на основе циклического анализа (циклов Китчина). Благодаря информации о средних значениях длин цикла возможна оценка временных перспектив отдачи от частных и государственных инвестиций. Здесь точками роста выступают *секторы экономики*, способные показать устойчивый, выше средних значений рост, в среднесрочной перспективе (4–6 лет) [12, с. 1151].

В рамках данного исследования необходим расчёт среднегеометрических темпов роста промышленного производства и среднеквадратических отклонений (по анализируемым регионам за выбранный период). Для расчета циклов используется показатель индекса производства (в процентах к предыдущему периоду), наиболее полно отражающий динамику физического

объема производства продукции в течение года и лишенный влияния изменений цен. Для анализа отраслевой цикличности и повышения точности её моделирования могут быть использованы 11 аддитивных и аддитивно-мультипликативных моделей трендов [12, с. 1157–1158]:

$$\begin{aligned}T_t &= C_0 + A_0 t, T_t = C_0 + A_0 t^\alpha, T_t = C_0 + A_0 e^{at}, \\T_t &= C_0 + \frac{A_0}{1 + e^{-\alpha(t-t_0)}}, T_t = C_0 + A_0 \arctg(\alpha(t-t_0)), \\T_t &= C_0 + A_0 \exp(-\exp(-\alpha(t-t_0))), \\T_t &= C_0 + A_0 (1 + \exp(-\alpha(t-t_0)))^\sigma, \sigma > 0, \\T_t &= C_0 + A_0 \exp(-\alpha(t-t_0)^2), \\T_t &= C_0 + \frac{A_0}{1 + \alpha(t-t_0)^2}, \\T_t &= C_0 + \frac{A_0}{1 + \frac{\alpha}{1 + \exp(-\sigma(t-t_0))}(t-t_0)^2}, \\T_t &= C_0 + \frac{A_0}{1 + \alpha(t-t_0)^2} \cdot \frac{1}{1 + \exp(-\sigma(t-t_0))},\end{aligned}$$

где

C_0 – асимптотический уровень, отражающий предельное значение, которого может достигнуть тренд;
 A_0 – амплитуда тренда – уровень насыщения для логистических трендов или высота пика колоколообразного тренда;
 α – скорость роста/спада тренда, отражает быстроту изменения индикатора во времени и направление динамики (рост/спад, в зависимости от знака);
 t_0 – характеристика параллельного переноса тренда по оси абсцисс, позволяющая определить положение важных точек на тренде (точка перегиба логист, пик колокола);
 σ – коэффициент асимметрии колоколообразного тренда: если $\sigma > 0$, то колокол имеет рост, более быстрый, чем спад, а если $\sigma < 0$, то, наоборот, рост к максимуму более медленный, чем последующий спад.

Для сглаживания циклических колебаний используются вейвлет-преобразование и моделирование полученных компонент разложения ARMA-моделями. Оценка точности полученных моделей и прогнозов осуществляется благодаря коэффициенту детерминации и коэффициенту Тейла [12].

Помимо этого, циклический анализ применим в рамках *функционального* подхода к точкам роста. Например, развитие местной экономики, полюсом роста которой является экспорт, будет уязвимо к циклическим колебаниям в национальной и международной среде, что может обеспечить нестабильность на внутреннем рынке [16, с. 87].

Дескриптивный (описательный) анализ. Поиск точек роста в рамках комплексного анализа стати-

стических данных может осуществляться на основе составления экономических профилей территорий, содержащих общие экономические характеристики по текущему состоянию экономики и перспективам её развития.

Методика построения экономического профиля городского поселения может включать следующие этапы [6, с. 91]:

- 1) формирование базы данных по отобранным экономическим и социальным показателям;
- 2) вычисление max, min, среднего значения по каждому показателю:

$$x_j^{\max} = \max_i x_{ij}, j = \overline{1, n},$$

$$x_j^{\min} = \min_i x_{ij}, j = \overline{1, n},$$

$$x_j^{cp} = \frac{\sum_{i=1}^m x_{ij}}{m},$$

где

j – номер показателя;

i – номер городского поселения;

x_{ij} – значение показателя.

3. Расчет уровней для каждого показателя по каждому городскому поселению (среднее значение выступает базой для сравнения):

$$z_{ij} = \frac{x_{ij}}{x_j^{cp}}, i = \overline{1, m}, j = \overline{1, n}.$$

Вычисление min и max для уровней по каждому показателю.

4. Построение диаграммы разброса значений по каждому показателю для каждого городского поселения, на которую наносятся 2 графика: средних значений и значений показателей для данного поселения. Полученная комбинированная диаграмма представляет собой экономический профиль.

Для реализации указанной методики характерно использование табличного процессора MS Excel.

Следует отметить, что способы поиска точек роста, связанные с описательным анализом статистических данных, являются наиболее популярными и вполне релевантными, поскольку позволяют оперативно получать информацию, сравнивая элементы региональных систем без сложных математических вычислений. Например, широкое распространение получили способы определения отраслевых точек роста: по удельному весу отрасли в общем объеме

продукции, произведенной в регионе за определенный период; по доле убыточных предприятий в отрасли; по уровню рентабельности отраслей; по денежному выражению полученной отраслями прибыли; по совокупности ведущих предприятий; по бюджетной эффективности (размеру налоговых платежей) отраслей [5, с. 500].

Сравнительный анализ. Есть мнение, что сетевые связи между точками роста могут укрепить межрегиональное взаимодействие в макрорегионе. При этом эффективное сотрудничество возможно лишь между теми из них, которые равны или близки по уровню. В данном случае для выявления разноуровневых *территориальных* центров роста (на примере МО) может быть использована модель 4-х фильтров, включающая два этапа исследования [9]:

1) оценка уровня поляризации социально-экономического пространства (макрорегионального и регионального) по показателям в разрезе трех «слоёв» пространства (экономическое, социальное, экологическое) макрорегиона, среди которых: среднемесячная заработная плата работников организаций; доля площади жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах; уловлено и обезврежено загрязняющих веществ в процентах от общего количества загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников и др. По каждому показателю для каждого региона и макрорегиона в целом рассчитываются среднее значение коэффициента вариации за период (%) и средний темп прироста коэффициента вариации за период (%);

2) выявление центров роста различного уровня в макрорегионе с помощью модели 4-х фильтров (таблица 1).

Таблица 1. Центры роста в рамках модели четырех фильтров

Фильтры				Тип МО
1. Входит ли МО в число лидеров по показателю экономической активности на душу населения в большинстве периодов?	2. Средний темп прироста показателя экономической активности на душу населения за весь период выше нуля?	3. Темп прироста показателя экономической активности на душу населения в последнем из исследуемых лет не уменьшился по сравнению с темпом прироста в первом из исследуемых лет?	4. Миграционный прирост среди молодого населения (25–39 лет) за весь период положительный?	
да, входит в топ-20%	да	да	да	«потенциальный центр роста»
да, входит в топ-10%	да	да	да	«региональный центр роста»
да, входит в топ-5%	да	да	да	«макрорегиональный центр роста»

Источник: составлено автором по работе [9, с. 219–220]

Кроме того, применение метода сравнительного анализа предлагается И. А. Новиковой⁵ при поиске точек роста конкурентоспособности региона *по виду экономической деятельности*, включая производство необходимых для этого математических расчётов. Авторская методика состоит из трёх этапов:

- 1) формирование состава частных диагностических показателей потенциала, динамики развития и мультиплицирующего эффекта точки роста (характеризует степень приумножающего влияния точки роста на ВРП и коэффициент акселерации ВРП по инвестициям в основной капитал). Сравнение исследуемого элемента региональной экономической системы с аналогичным элементом-лидером, а также ближайшими конкурентами;
- 2) получение оценок по частным показателям точки роста;
- 3) расчет интегрального показателя точки роста:

$$I_{ТРК} = \sqrt[3]{P_{ТРК} \times ДиЭ_{ТРК} \times M_{ТРК}},$$

где

$P_{ТРК}$ – групповой показатель потенциала точки роста;

$ДиЭ_{ТРК}$ – групповой показатель динамики развития точки роста;

$M_{ТРК}$ – групповой показатель мультиплицирующего эффекта точки роста. Следует отметить, что групповые показатели являются средними геометрическими значениями входящих в группы частных показателей.

Автор выделяет следующие точки роста: «развивающиеся» (все групповые показатели > 1); «формирующиеся» или «утрачивающие потенциал» ($P_{ТРК} < 1$); «стабилизировавшегося» или «угасающего» роста ($ДиЭ_{ТРК} < 1$); точки роста с незначительным мультиплицирующим эффектом ($M_{ТРК} < 1$).

Методы экспертной оценки

Наиболее простым способом выявления точек роста в рамках метода экспертной оценки выступает ранжирование точек роста по отобранным количественным и качественным показателям (например, размеру территории, численности постоянного населения, числу предприятий и организаций, комплексу показателей качества жизни).

В целом данные методы выявления точек роста не предполагают использование специализированного программного обеспечения с целью проведения слож-

ных математических вычислений.

Ресурсный подход. О. Е. Герасимова⁶ осуществляет выбор точек роста региона, исходя из составления ресурсных профилей МО, характеризующих обеспеченность МО финансовыми, трудовыми, предпринимательскими, инфраструктурными и природными ресурсами. Доминирующий ресурс определяет соответствующий тип точки роста: трудовая, предпринимательская, инновационная, инфраструктурная или государственная. Автор использует лепестковые диаграммы, а в целях определения приоритетного направления сглаживания пространственной поляризации составляет SWOT-анализ МО.

Выявление точек роста в рамках метода экспертных оценок, в основе которого лежит ресурсный подход, может предполагать появление источника конкурентного развития в какой-либо отрасли или сфере деятельности, способного стимулировать как собственное развитие, так и развитие других экономических субъектов, находящихся в поле притяжения.

Алгоритм действий для отбора потенциальных «точек экономического роста» в регионе (отраслей, сфер деятельности), связанный с оценкой финансовых ресурсов, может иметь следующий вид (рисунок 1).

Критериальный подход. Также возможно выделение специфических признаков точек роста, таких как лучшая доступность к краевому центру, наличие преимуществ в демографическом составе населения и уровне экономического развития, развитости инфраструктурного обеспечения, гарантирующего мобильность населения и проницаемость района [2, с. 316].

Среди наиболее значимых критериев при отборе точек экономического роста с ориентацией на имеющийся в регионе социально-экономический потенциал можно выделить [8, с. 32]:

- способность экономического субъекта (отрасли, сферы) влиять на прирост ВРП и в случае сконцентрированного управленческого воздействия вывести регион по объемам внутреннего продукта в группу регионов-лидеров;
- ориентированность на выход со своей продукцией на внешние рынки;
- возможности создать в случае расширения масштабов деятельности рабочие места, решать проблему повышения доходов населения региона;
- возможность оказывать мультипликативное воздействие на другие субъекты экономики региона для получения синергетического эффекта от взаимодействия;

⁵ Новикова И. А. Развитие точек роста конкурентоспособности региона: дис. ... канд. экон. наук. – Уфа, 2021. – 204 с.

⁶ Герасимова О. Е. Управление пространственной поляризацией в регионе на основе формирования точек роста (на примере Республики Татарстан): дис. ... канд. экон. наук. – Казань, 2009. – 147 с.

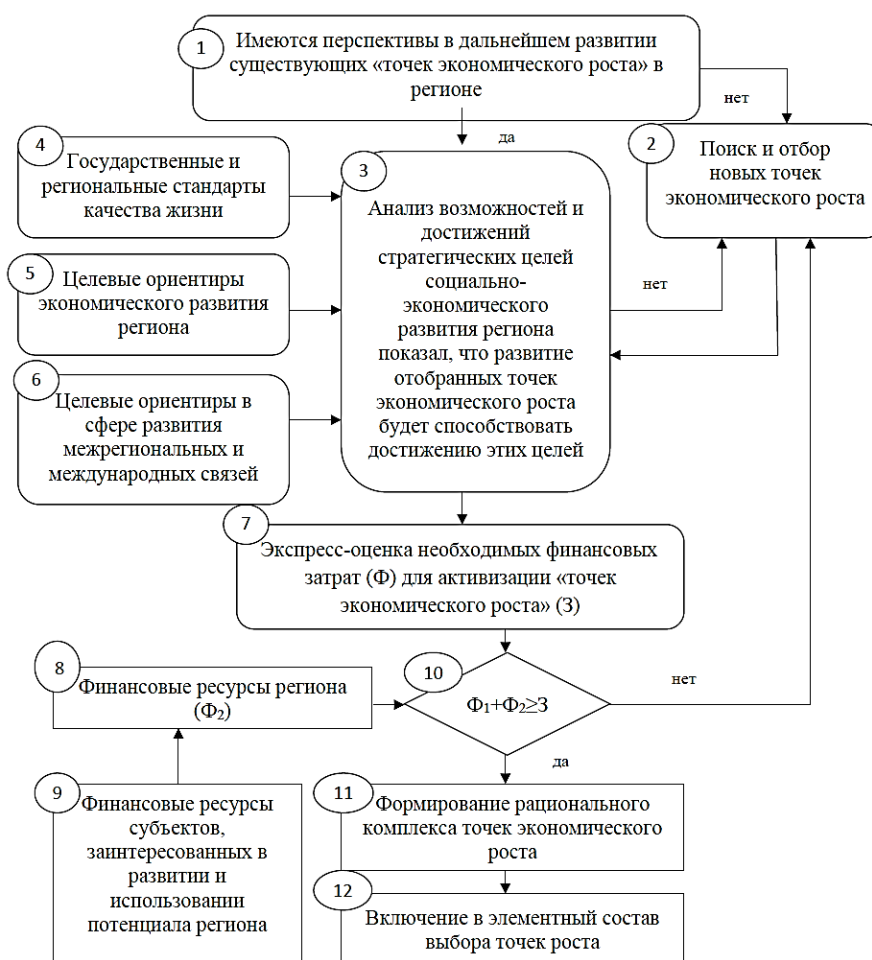

Рисунок 1. Алгоритм формирования комплекса «точек экономического роста» в регионе

Источник: взято из работы [8, с. 31]

– возможность привлекать на территорию региона инвестиции для реализации масштабных проектов, вовлекать в эти проекты субъекты малого бизнеса (данный критерий имеет решающее значение).

Инновационный подход. Определение точек роста в рамках данного подхода напрямую связано с необходимостью решения вопроса импортозависимости экономики страны или региона. При этом необходимо отметить первостепенную роль совместных усилий представителей науки, бизнеса и государства.

В качестве точек роста, основанных на научно-технологическом развитии, могут рассматриваться инновационно научно-технологические центры (например, ИНТЦ «Сколково», ИНТЦ «Воробьевы горы», ИНТЦ «Сириус») и региональные научно-образовательные центры [3].

Как точки роста экономики монопрофильных населенных пунктов в рамках инновационного подхода могут рассматриваться территории опережающего

социально-экономического развития (ТОСЭР, ТОР) и предпринимательские парки, а также конкретные инструменты развития, например, субсидирование затрат энерго- и ресурсоснабжающим организациям до 95%, создание доступных ресурсов для развития бизнеса (как «Точка кипения», «Мой бизнес»). В качестве оптимального пути развития экономики моногородов также предлагается создание кластеров вокруг градообразующих предприятий. Данная мера подразумевает не отказ от монозависимости, а обеспечение возможностей для создания вокруг градообразующих предприятий новых связанных, но при этом автономных производств [4, с. 215].

Пространственный подход. Некоторыми исследователями отмечается необходимость сопряжения концепции полюсов роста (преимущественно экономической) с концепцией опорного каркаса территории (преимущественно географической). Так, в зависимости от уровня транспортной доступности

полюсов роста можно разбить пространство региона на зоны [1, с. 805]:

- интенсивного развития – это МО, основным фактором развития которых является территориальная близость инфраструктуры опорного каркаса и соответствующих полюсов роста;
- перспективного развития – это МО с ограниченным доступом к опорному каркасу социально-экономического развития.

Вместе с этим по результатам факторного анализа потенциала социально-экономического развития региона можно выделить полюса роста различного порядка [1, с. 806–807]:

- 1) первого порядка – например, агломерация, образующая инновационно-технологический пояс региона и выступающая «донором идей», интеллектуального капитала и инновационных разработок;
- 2) второго порядка – часть региона, характеризующаяся высокой инвестиционной активностью, наличием многопрофильных промышленных парков, современными производствами, развитой образовательной и инновационной базой, образующая индустриальный пояс;
- 3) третьего порядка – средние и малые города с развитой производственной базой, сферой услуг, активной деловой средой, что обеспечивается их расположением на важнейших транспортных коридорах и достаточной обеспеченностью инженерно-транспортной инфраструктурой, образующие агроиндустриальный пояс.

Когнитивный (форсайт) подход. АНО «Центр стратегических исследований» Ульяновской области в целях выявления и анализа точек роста региона сформировал пул из 20 экспертов, включив представителей Российской академии наук, Агентства стратегических инициатив, Общественной палаты РФ, МО Ульяновской области, сотрудников и преподавателей вузов и т.д. Экспертам были выданы листы, содержащие порядка 300 существующих точек роста с возможностью добавления новых «потенциальных», в том числе выявленных по результатам региональных исследований (экспедиционных, архивных, космического мониторинга, ГИС-анализа и т.д.). В качестве возможных точек роста МО Ульяновской области были предложены новые производственные комплексы, предприятия, техно- и индустриальные парки, транспортно-логистические центры, исследовательские центры, проекты в сфере АПК и арт-про-

екты, кластеры творческих индустрий, событийные мероприятия и др.⁷ По итогам завершившейся форсайт-сессии был сформирован список инвестиционных проектов региона.

Необходимо отметить, что в условиях дефицита точной количественной информации можно использовать методологию, основанную на моделировании субъективных представлений экспертов, и главным инструментом которой является когнитивная карта ситуации, составленная в виде ориентированного функционального графа. Однако применимость когнитивного моделирования в вопросе поиска потенциальных точек регионального экономического роста является на сегодняшний день сложной задачей, требующей комплексного научного решения [5, с. 503].

Директивный подход. Критерии и способы формирования точек роста также могут отражаться в стратегических документах государственного и регионального развития. Например, Стратегия социально-экономического развития Московской области до 2030 г.⁸ предполагает развитие опорных точек роста за счёт преобразования старопромышленных городских территорий (проекты редевелопмента), создания туристско-рекреационных кластеров и многофункциональных деловых центров, развития промышленно-логистических центров и научно-технологических кластеров, обеспечения центров и точек роста скоростными транспортными коммуникациями и дорожно-транспортной инфраструктурой; формирования пояса занятости населения в зоне тяготения Центральной кольцевой автомобильной дороги.

Результаты исследования

Определение точек (полюсов, центров) роста региональной экономики осуществляется в контексте географических и негеографических представлений об их содержании. Выбор методов их выявления во многом зависит от поставленных перед исследователем задач и средств, которыми он располагает.

Основным преимуществом *математико-статистических методов* поиска точек роста выступает возможность комплексного анализа. Использование приёмов экономико-математического и эконометрического моделирования позволяет наиболее полно отразить текущее состояние социально-экономической системы и выявить неявные точки роста экономики региона со значительным потенциалом. Напри-

⁷ Михайлова Н. ЦСИ. Точки роста муниципальных образований Ульяновской области // Улпресса. – URL: <https://ulpressa.ru/2020/09/24/точки-роста-муниципальных-образований/> (дата обращения: 03.02.2024).

⁸ Стратегия социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года // Правительство Московской области. – URL: <https://mosreg.ru/ob-oblasi/priority-razvitiya> (дата обращения: 03.02.2024).

мер, в результате апробации циклического анализа выяснилось, что, несмотря на лидирующие позиции по производству фармацевтической продукции в 2020 году в Новосибирской области и Республике Татарстан наблюдается долгосрочный нисходящий тренд развития сектора фармацевтической промышленности. В то же время Калужская, Кировская, Самарская и Курская области, несмотря на отдельные периоды отрицательной динамики, в целом показывают устойчивый рост фармсектора, который может выступить их точкой роста [12, с. 1164–1166]. Также, например, применение метода пространственной автокорреляции позволяет оценить взаимосвязи между отдельными территориями, обозначить лидеров (как по масштабам развития, так и по силе их влияния на соседей) и аутсайдеров [10, с. 115]. В результате выделяются точки роста (регионы, МО), близость к которым способна обернуться для соседствующих территорий масштабным оттоком ресурсов. Среди недостатков данной группы методов можно выделить: несовершенство массива доступной для исследования статистической информации, сложность вычислений и применения креативного подхода («out of the box thinking»).

Преимуществами *методов экспертной оценки* служат их сравнительная простота, сильная практическая направленность, возможность творческого подхода. Однако имеет место ряд проблем научно-практического характера, связанных с рисками ошибочного провозглашения исследуемых объектов полюсами и точками роста на основе субъективных представлений эксперта. Так, в результате определения основных факторов, формирующих структуру экономического пространства Ростовской области, обозначены восемь перспективных полюсов роста

региона, среди которых города Зерноград, Семикаркорск и Пролетарск, а также пос. Матвеев-Курган [1, с. 802, 806].

Учитывая, в том числе специфику управленческой деятельности, оптимальным решением является *комбинация приёмов* математико-статистических методов и методов экспертной оценки. Это особенно актуально при искусственном создании точек роста с высокими рисками утери полученного потенциала и увеличения нагрузки на бюджет (например, Олимпийские игры в г. Сочи). Также следует отметить недостаточную увязку рассмотренных в статье методик с показателями качества жизни населения.

Заключение

Изначально теория полюсов роста, появившаяся в 50-е годы XX века, была сфокусирована на менее благополучных регионах. Сегодня произошло смещение фокуса внимания на процветающие регионы и города [19, с. 655], усиливается акцент на повышение конкурентоспособности городских и региональных экономик в рамках реализации стратегий мезо-уровня.

Знание подходов для выявления точек роста обеспечивает органы государственного и муниципального управления возможностями для позитивной трансформации структуры экономики региона, увеличения потока инвестиций, повышения качества жизни населения, укрепления и развития межрегиональных экономических связей и др.

При этом разработка инструментария, позволяющего выявлять точки и полюса роста на основе потребностей и уникальных возможностей региона, его социально-экономических и культурных характеристик, остается сегодня одной из ключевых задач методологического характера.

Литература

1. Абдуллаев Р. А., Мищенко К. Н. Исследование теоретико-методических основ концепции территориального развития региона и формирование системы полюсов роста Ростовской области // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 5 (440). – С. 802–813. – <https://doi.org/10.24891/re.15.5.802>. – EDN: YNDOCN.
2. Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г. Определение точек роста сельских территорий // Modern Economy Success. – 2023. – № 6. – С. 316–322. – EDN: WHQBAS.
3. Донцова О. И. Точки роста российской экономики, основанные на научно-технологическом развитии // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 471–484. – <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112263>. – EDN: VDJQOA.
4. Ефимова О. Н. Точки роста экономики моногородов современной России // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4. – № 3. – С. 212–218. – EDN: WXJJBA.
5. Казанская А. Ю., Налесная Я. А. Потенциальные точки экономического роста региона: возможности когнитивного подхода // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2019 г. – Политех-Пресс, 2019. – С. 498–504. – EDN: UQZLLD.
6. Методика определения экономического профиля территории и её апробация на примере городских по-

селений Воронежской области / Д. И. Быстрынцева [и др.] // Современная экономика: проблемы и решения. – 2017. – № 11 (95). – С. 87–100. – <https://doi.org/10.17308/meps.2017.11/1759>. – EDN: YUTHCI.

7. Осипов А. К. Современные урбанистические концепции в их приложении к территории Удмуртии // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2022. – Т. 18. – № 3. – С. 30–42. – <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2022-3-30-42>. – EDN: QPUUIX.

8. Полянин А. В., Проняева Л. И. Современная концепция региональных точек экономического роста // Регион: системы, экономика, управление. – 2020. – № 2 (49). – С. 24–33. – <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-49-2-24-33>. – EDN: ESWZDE.

9. Стрябова Е. А., Кочергин М. А. Центры роста в поляризованном макрорегиональном пространстве: пример Центрально-Черноземного макрорегиона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2019. – Т. 46. – № 2. – С. 214–227. – <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2019-46-2-214-227>. – EDN: MBLFJP.

10. Суворова А. В. Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 110–128. – <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.6>. – EDN: XUUTWR.

11. Урунов А. А., Авезова М. М., Насимова М. А. Методологические и практические аспекты выявления полюсов развития и точек роста в региональной экономике // Вестник университета. – 2020. – № 5. – С. 161–168. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-5-161-168>. – EDN: AXKXAZ.

12. Хмелева Г. А., Семенычев В. К., Коробецкая А. А. Циклический анализ в поиске перспективных точек роста (на примере российской фармацевтической промышленности) // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 1151–1170. – <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.112348>. – EDN: EARICE.

13. Широкова Е. Ю. Инновационные точки роста обрабатывающей промышленности региона // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2022. – № 60. – С. 48–69. – <https://doi.org/10.17223/19988648/60/4>. – EDN: WYVJMZ.

14. Bere R. C., Precup I. B., Silvestru C. I. (2015) On Growth Poles from EU Countries in The Framework of Europe 2020. *Procedia Economics and Finance*. Vol. 23, pp. 920–925. – [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00519-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00519-5) (In Eng.).

15. Dobrescu E. M., Dobre E. M. (2014) Theories regarding the role of the growth poles in the economic integration. *Procedia Economics and Finance*. Vol. 8, pp. 262–267. – [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00089-6](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00089-6) (In Eng.).

16. Joaquim I. M., Tundumula E. T., Armando R. (2022) Theoretical Approach of Growth Poles and Export Base Theories in Economic Development of Mozambique. *Asian Journal of Management Entrepreneurship and Social Science*. Vol. 2. No. 3, pp. 70–98. – <https://doi.org/10.98765/ajmesc.v2i03.31> (In Eng.).

17. Leontieva L. S., Proskurnova K. Yu. (2023) Assessment of Spatial Development of the Volga Regions. *E-journal public administration*. Vol. 99, pp. 106–114. – <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-99-106-114>. – EDN: WDNCQP.

18. Perroux F. (1955) Note sur la notion des poles de croissance. *Economie Appliquee*. Vol. 8–1–2, pp. 307–320. (In Fr.).

19. Rossi U. (2009) Growth Poles, Growth Centers, in: Kitchin R., Thrift N. J. (Editors). *International Encyclopedia of Human Geography*. Vol. 4, pp. 651–656. – <https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00842-7> (In Eng.).

20. Technological innovation and structural change for economic development in China as an emerging market. (2021) Zhou X. [et al.] *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 167. No. 1, p. 120671. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120671> (In Eng.).

21. Wang J., Li P.-F. (2017) Growth Poles and Growth Centers. *International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment, and Technology*. Vol. 15. – <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg0469> (In Eng.).

References

1. Abdullaev, R. A., Mishchenko, K. N. (2017) [A research into the theoretical and methodological foundations of the concept of regional spatial development and the formation of growth poles of the Rostov oblast]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. Vol. 15. No. 5 (440), pp. 802–813. – <https://doi.org/10.24891/re.15.5.802>. (In Russ.).

2. Avdeeva, T. T., Lavrova, T. G. (2023) [Determination of growth points of rural territories]. *Modern Economy Success* [Modern Economy Success]. Vol. 6, pp. 316–322. (In Russ.).

3. Dontsova, O. I. (2021) [Growth points of the Russian economy based on scientific and technological

development]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki* [Russian Journal of Innovation Economics]. Vol. 11. No. 2, pp. 471–484. – <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112263>. (In Russ.).

4. Efimova, O. N. (2021) [Growth points of the economy of single-industry towns in modern Russia]. *Rossijskij ekonomicheskij vestnik* [Russian Economic Bulletin]. Vol. 4. No. 3, pp. 212–218. (In Russ.).

5. Kazanskaya, A. Yu., Nalesnaya, Y. A. (2019) [Potential economical growth points of a region: opportunities of a cognitive approach]. *Sistemnyj analiz v proektirovanii i upravlenii: Sbornik nauchnyh trudov XXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [System analysis in design and management: Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference]. Saint-Petersburg, pp. 498–504. (In Russ.).

6. Bystryanceva, D. I. et al. (2017) [The method of determining the economic profile of the territory and its approbation on the example of urban settlements of the Voronezh region]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* [Modern economy: problems and solutions]. Vol. 11 (95), pp. 87–100. – <https://doi.org/10.17308/meps.2017.11/1759>. (In Russ.).

7. Osipov, A. K. (2022) [Modern urban concepts in their application to the territory of Udmurtia]. *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika* [Socio-economic management: theory and practice]. Vol. 18. No. 3, pp. 30–42. – <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2022-3-30-42>. (In Russ.).

8. Polyatin, A. V., Pronyaeva, L. I. (2020) [Modern concept of regional points of economic growth]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie* [Region: systems, economics, management]. Vol. 2 (49), pp. 24–33. – <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-49-2-24-33>. (In Russ.).

9. Stryabkova, E. A., Kochergin, M. A. (2019) [Growth centres in polarized macro-regional space: an example from Russia's Central Black Earth macro-region]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Computer science]. Vol. 46. No. 2, pp. 214–227. – <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2019-46-2-214-227>. (In Russ.).

10. Suvorova, A. V. (2019) [Development of growth poles in the Russian Federation: direct and reverse effects]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 12. No. 6, pp. 110–128. – <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.6>. (In Russ.).

11. Urunov, A. A., Avezova, M. M., Nasimov, M. A. (2020) [Methodological and practical aspects of identifying development poles and growth points in the regional economy]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. Vol. 5, pp. 161–168. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-5-161-168>. (In Russ.).

12. Khmeleva, G. A., Semenychev, V. K., Korobetskaya, A. A. (2021) [Cyclical analysis in the search for promising growth points (on the example of the Russian pharmaceutical industry)]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki* [Russian Journal of Innovation Economics]. Vol. 11. No. 3, pp. 1151–1170. – <https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.112348>. (In Russ.).

13. Shirokova, E. Yu. (2022) [Innovative growth points of the region's manufacturing industry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics]. Vol. 60, pp. 48–69. – <https://doi.org/10.17223/19988648/60/4>. (In Russ.).

14. Bere, R. C., Precup, I. B., Silvestru, C. I. (2015) On Growth Poles from EU Countries in The Framework of Europe 2020. *Procedia Economics and Finance*. Vol. 23, pp. 920–925. – [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00519-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00519-5). (In Eng.).

15. Dobrescu, E. M., Dobre, E. M. (2014) Theories regarding the role of the growth poles in the economic integration. *Procedia Economics and Finance*. Vol. 8, pp. 262–267. – [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00089-6](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00089-6). (In Eng.).

16. Joaquim, I. M., Tundumula, E. T., Armando, R. (2022) Theoretical Approach of Growth Poles and Export Base Theories in Economic Development of Mozambique. *Asian Journal of Management Entrepreneurship and Social Science*. Vol. 2. No. 3, pp. 70–98. – <https://doi.org/10.98765/ajmesc.v2i03.31>. (In Eng.).

17. Leontieva, L. S., Proskurnova, K. Yu. (2023) Assessment of Spatial Development of the Volga Regions. *E-journal public administration*. Vol. 99, pp. 106–114. – <https://doi.org/https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-99-106-114>. (In Eng.).

18. Perroux, F. (1955) Note sur la notion des poles de croissance. *Economie Appliquee*. Vol. 8–1–2, pp. 307–320. (In Fr.).

19. Rossi, U. (2009) Growth Poles, Growth Centers, in: Kitchin R., Thrift N. J. (Editors). *International Encyclopedia of Human Geography*. Vol. 4, pp. 651–656. – <https://doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00842-7>. (In Eng.).

20. Zhou, X. et al. (2021) Technological innovation and structural change for economic development in China as an emerging market. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 167. No. 1, p. 120671. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120671>. (In Eng.).

21. Wang, J., Li, P.-F. (2017) Growth Poles and Growth Centers. International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment, and Technology. Vol. 15. – <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg0469>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Надежда Евгеньевна Лактаева, аспирант, направление подготовки 38.06.01 Экономика, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

SPIN-код РИНЦ: 6509-1800, **Istina Researcher ID (IRID):** 402005428

e-mail: LaktaevaNE@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Nadezda Evgen'evna Laktaeva, postgraduate student, training program 38.06.01 Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

RSCI SPIN: 6509-1800, **Istina Researcher ID (IRID):** 402005428

e-mail: LaktaevaNE@spa.msu.ru

The paper was submitted: 19.02.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ТРАНСПОРТ

Научная статья
УДК 656

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-54>

МЕТОДИКА ИНТЕГРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ БАЗ ОБСЛУЖИВАНИЯ И РЕМОНТА ВЕДОМСТВЕННЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

В. М. Власов

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия
e-mail: ttr_madi@inbox.ru

Н. А. Филиппова

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия;
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
e-mail: umen@bk.ru

А. В. Подзоров

ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта», Москва, Россия
e-mail: a.v.podzorov@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что автотранспортное обслуживание федеральных министерств и ведомств Российской Федерации, подведомственных им агентств, силовых и надзорных органов осуществляется ведомственным автомобильным транспортом (ВАТ). Эксплуатация ВАТ в современных условиях основывается на документах, разработанных для автомобильного транспорта общего пользования (АТОП). В отдельных случаях несистемно используются ведомственные акты по организации работы автотранспортных средств и персонала применительно к функциям и задачам соответствующего подразделения. Эксплуатация ВАТ характеризуется избыточной рассредоточенностью региональных производственно-технических баз (ПТБ) для содержания, технического обслуживания и ремонта (ТОиР) специализированного автопарка, как правило, закреплённого за отдельными учреждениями. В результате в перевозочном процессе ВАТ задействовано больше материально-технических ресурсов, подвижного состава (ПС) и персонала, чем на АТОП. Повышение эффективности ВАТ состоит в укрупнении и централизации региональных ПТБ, а также в нормировании ресурсного обеспечения транспортного процесса. Предметом исследования являются закономерности функционирования ПТБ подразделений ведомственной структуры. Цель данного исследования заключается в повышении эффективности эксплуатации ВАТ за счёт территориальной интеграции ПТБ. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, специфика которых определяется особенностями специализированного ВАТ на примере подразделений регионального Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ростовской области, заключавшиеся: а) в сборе, группировке и обработке статистической информации с подразделений по типу, модели, численности и затрат на эксплуатацию и выполнение перевозок в сфере транспорта специализированными ПС; б) определению по географическим координатам расположения подразделений в регионе; в) составлению смежной матрицы расстояний между подразделениями. Методология исследования включает методику территориальной интеграции ПТБ региональных подразделений ВАТ на основе метода «центра тяжести» с учётом затрат на эксплуатацию специализированного автопарка и определению головного ПТБ. Полученные результаты исследования могут быть использованы для других управлений, подразделений, организаций и служб ведомственных структур, в которых задействуется специализированный автопарк.

Ключевые слова: ведомственный автомобильный транспорт, производственно-техническая база, подразделения, техническое обслуживание и ремонт автотранспорта, интеграция, специализированные автомобили, подвижной состав.

Для цитирования: Власов В. М., Филиппова Н. А., Подзоров А. В. Методика интеграции производственно-технических баз обслуживания и ремонта ведомственных автомобилей // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 54–63. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-54>.

Original article

METHODOLOGY FOR INTEGRATING PRODUCTION AND TECHNICAL BASES FOR SERVICING AND REPAIRING DEPARTMENTAL VEHICLES

V. M. Vlasov

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia
e-mail: ttr_madi@inbox.ru

N. A. Filippova

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia; M. K. Ammosov
North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: umen@bk.ru

A. V. Podzorov

JSC «Scientific Research Institute of Automobile Transport», Moscow, Russia
e-mail: a.v.podzorov@mail.ru

Abstract. *The relevance of this study lies in the fact that motor transport services of federal ministries and departments of the Russian Federation, agencies subordinate to them, law enforcement and supervisory authorities are carried out by departmental road transport. The operation of departmental road transport in modern conditions is based on documents developed for public road transport. In some cases, departmental acts on the organization of the work of vehicles and personnel in relation to the functions and tasks of the relevant department are not systematically used. The operation of departmental road transport is characterized by excessive dispersion of regional production and technical bases for the maintenance, maintenance and repair of a specialized fleet, as a rule, assigned to individual institutions. As a result, more material and technical resources, rolling stock and personnel are involved in the transportation process of departmental road transport than at public road transport. Increasing the efficiency of departmental road transport consists in the consolidation and centralization of regional production and technical bases, as well as in rationing the resource provision of the transport process. The subject of the study is the regularities of the functioning of the production and technical bases units of the departmental structure. The purpose of this study is to increase the efficiency of departmental road transport operation due to the territorial integration of production and technical bases. To achieve this goal, it is necessary to solve a number of tasks, the specifics of which are determined by the features of a specialized departmental road transport on the example of the divisions of the regional Department of the Federal Penitentiary Service for the Rostov region, concluded: a) in the collection, grouping and processing of statistical information from divisions by type, model, number and costs of operation and performance of transportation in the field of transport by specialized rolling stock; b) determination by geographical coordinates of the location of divisions in the region; c) the compilation of an adjacent matrix of distances between divisions. The methodology of the study includes a methodology for the territorial integration of production and technical bases of regional units of departmental road transport based on the «center of gravity» method, taking into account the costs of operating a specialized fleet and determining the head production and technical bases. The obtained research results can be used for other departments, divisions, organizations and services of departmental structures in which a specialized fleet is involved.*

Key words: *departmental road transport, production and technical base, divisions, maintenance and repair of vehicles, integration, specialized vehicles, rolling stock.*

Cite as: Vlasov, V. M., Filippova, N. A., Podzorov, A.V. (2024) [Methodology for integrating production and technical bases for servicing and repairing departmental vehicles]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 54–63. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-54>.

Введение

По итогам проведённого анализа установлено, что перевозки ВАТ характеризуются большей ресурсоёмкостью по сравнению с перевозками АТОП. На выполнение единицы транспортной работы задействуется больше автопарка (на 20–30%), эксплуата-

ционные затраты – в 1,4–1,5 раза выше. Ремонтное хозяйство специализированного подвижного состава ВАТ имеется практически в каждом учреждении, а аутсорсинг сервисных услуг по причине ведомственных регламентов безопасности и специфики автопарка развит слабо.

Современная инфраструктура ТООР подвижного состава ВАТ представляет сеть избыточно рассредоточенных региональных ПТБ. При этом фактическое количество ремонтных площадей, оборудования и персонала превышает потребность в 2–3 раза. Это является следствием несовершенства нормативно-методического обеспечения перевозочного процесса ВАТ, несистемной разработки и использования ведомственных нормативных актов, решающих задачи организации работы автотранспортных средств и кадрового обеспечения в рамках работы отдельного подразделения.

На основании результатов проведённого анализа определено, что предлагаемая теоретическая база, направленная на совершенствование процессов эксплуатации, поддержания и восстановления работоспособности автомобильного подвижного состава АТОП, в том числе за счёт укрупнения и централизации региональных ПТБ, не учитывает особенности эксплуатации ВАТ, определяющие структуру специализированного автопарка, выпуск и режим работы на линии регламентами работы обслуживаемого подразделения.

В связи с чем, для повышения эффективности эксплуатации ВАТ применен метод «центра тяжести»

и транспортных потоков в части интеграции ПТБ подразделений ведомственной структуры.

Теоретические основы территориальной интеграции ПТБ

Вопросы, посвященные ПТБ, рассмотрены в работах по технологическому проектированию [5; 7; 11; 15], технологическому перевооружению [6], созданию ПТБ [13; 16], развитию и совершенствованию [4; 8; 1], использованию информационных технологий [14] и в других научных трудах. Ввиду того, что научно-технические разработки в сфере перевозок ВАТ практически не разрабатывались, была предложена методика территориальной интеграции ПТБ для 22 подразделений ведомственной структуры.

Территориальную интеграцию ПТБ региональных подразделений ВАТ предлагается основывать с помощью метода «центра тяжести» и транспортных потоков, которые описаны в работах [10; 2; 12; 3; 9], с учётом затрат на эксплуатацию специализированного автопарка.

Координаты центра тяжести рассматриваемой совокупности ПТБ определяются по формулам:

$$X_c = \frac{\sum_{j=1}^k (X_j \times \sum_{m=1}^z (N_{ATCm} \times n_m \times 3_{1км m}))}{\sum_{j=1}^k (\sum_{m=1}^z (N_{ATCm} \times n_m \times 3_{1км m}))}, \quad (1)$$

$$Y_c = \frac{\sum_{j=1}^k (Y_j \times \sum_{m=1}^z (N_{ATCm} \times n_m \times 3_{1км m}))}{\sum_{j=1}^k (\sum_{m=1}^z (N_{ATCm} \times n_m \times 3_{1км m}))}, \quad (2)$$

где

X_c, Y_c – соответственно абсцисса и ордината центра тяжести в границах региона, км;

X_j и Y_j – местоположение ПТБ по координатам от начала отчёта до j -го регионального подразделения, км;

N_{ATCm} – численность специализированных транспортных средств m -го типа, ед.;

n_m – число поездок специализированного транспортного средства m -го типа;

$3_{1км m}$ – приведённые затраты на эксплуатацию специализированного транспортного средства m -го типа, руб./км;

k – число обслуживаемых региональных подразделений, ед.;

z – число типов специализированных транспортных средств, ед.

Затраты на эксплуатацию специализированного автопарка определяются по формуле:

$$Z_{общ} = \sum_{i=1}^n (Z_{i ПТБ}) + \sum_{i=1}^n (\sum_{j=1}^k (S_{ij} \times D_{\Gamma} \times \sum_{m=i}^z (N_{ATCm} \times n_m \times 3_{1км m}))) \rightarrow \min \quad (3)$$

где

$Z_{i ПТБ}$ – затраты на содержание ПТБ, руб.;

S_{ij} – расстояние от i -го ПТБ до j -го учреждения, км;

D_{Γ} – количество рабочих дней ПТБ в году.

Посредством полученных координат на карте любого региона обозначаются центры тяжести транспортных потоков, являющихся местами возможного размещения ПТБ. Транспортным потоком в данном случае считается общее количество перемещений специализированных

автотранспортных средств (АТС) между региональными подразделениями и ПТБ, исчисляемое в автомобилях за рассматриваемый период времени. Графическая модель территориальной интеграции ПТБ региональных подразделений ВАТ приведена на рисунке 1.

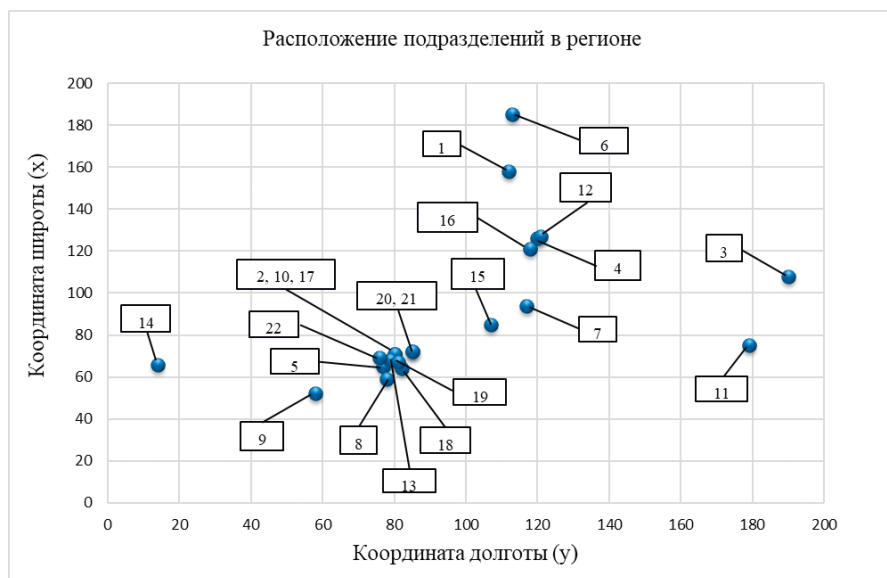

Рисунок 1. Графическая модель территориальной интеграции ПТБ региональных подразделений ВАТ
Источник: разработано авторами

Головная ПТБ размещается на территории ближайшего к найденному местоположению регионального подразделения. Необходимым условием для размещения ПТБ является наличие производственных площадей и персонала для проведения ТОиР специализированного автопарка. О правильности выбора местоположения головных ПТБ свидетельствует минимум $Z_{\text{общ}}$ по рассматриваемым вариантам. Для обеспечения автоматизации расчетов необходимо сформировать матрицу расстояний между региональными подразделениями.

Методика территориальной интеграции ПТБ региональных подразделений ВАТ представляет собой последовательность итераций по определению начала координат, построению матрицы расстояний между региональными подразделениями.

Полученные и обработанные данные по подразделениям позволили построить сетку координат на карте региона по координатам широты X и долготы Y их расположения. Матрица расстояний между рассматриваемыми региональными подразделениями приведена в таблице 1.

Таблица 1. Матрица расстояний между региональными подразделениями, км

№ подразделения	П № 1	П № 2	П № 3	П № 4	П № 5	П № 6	П № 7	...	П № 22
П № 1	–	96	89	35	105	23	69	...	99
П № 2	96	–	114	67	8	120	39	...	4
П № 3	89	114	–	70	120	102	76	...	112
П № 4	35	67	70	–	75	60	33	...	68
П № 5	105	8	120	75	–	128	46	...	7
П № 6	23	120	102	60	128	–	46	...	123
П № 7	69	39	76	33	46	91	–	...	39
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
П № 22	99	4	112	68	7	123	39	...	–

Источник: разработано авторами

Предлагаемая методика территориальной интеграции ПТБ региональных подразделений ВАТ в виде алгоритма приведена на рисунке 2.

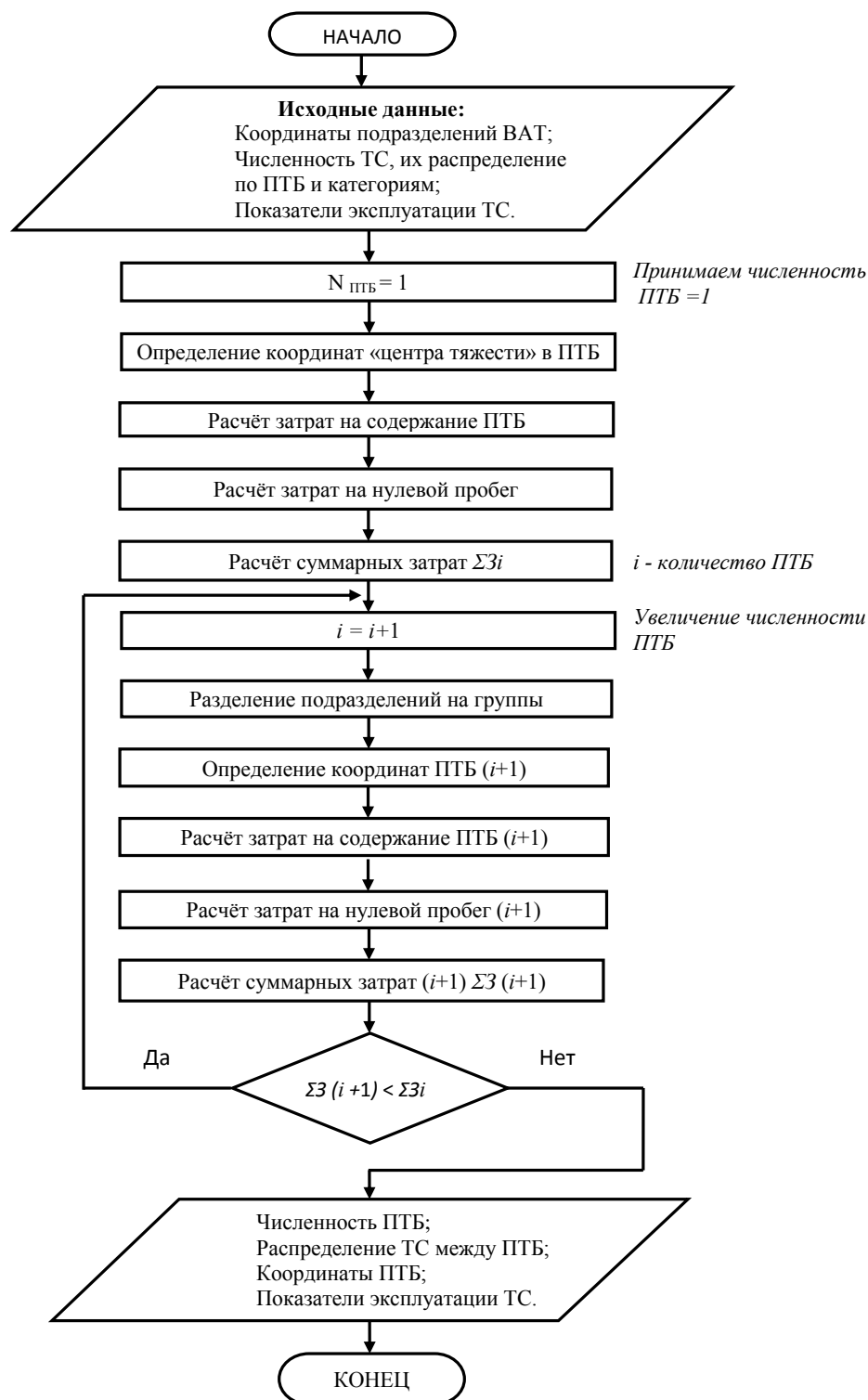

Рисунок 2. Структурная схема разбиения групп подразделений к «центру тяжести» интеграции ПТБ
Источник: разработано авторами

Далее определялись центры тяжести транспортных потоков с учётом затрат на эксплуатацию специализированного автопарка. По итогам этих расчётов были определены места дислокации шести головных ПТБ (см. рисунок 3).

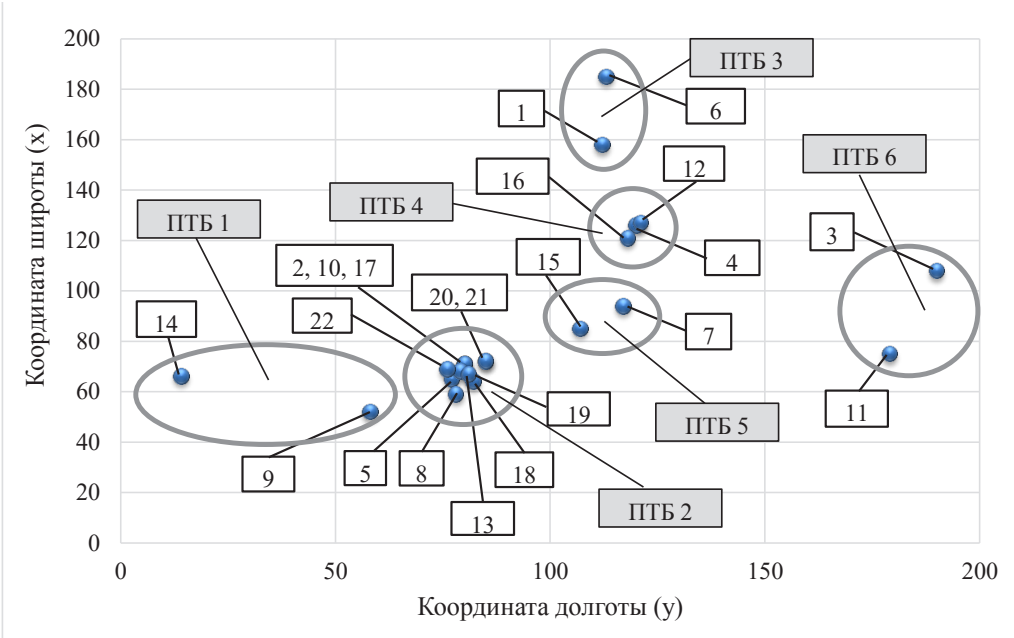

Рисунок 3. Предлагаемые места дислокации головных ПТБ
Источник: разработано авторами

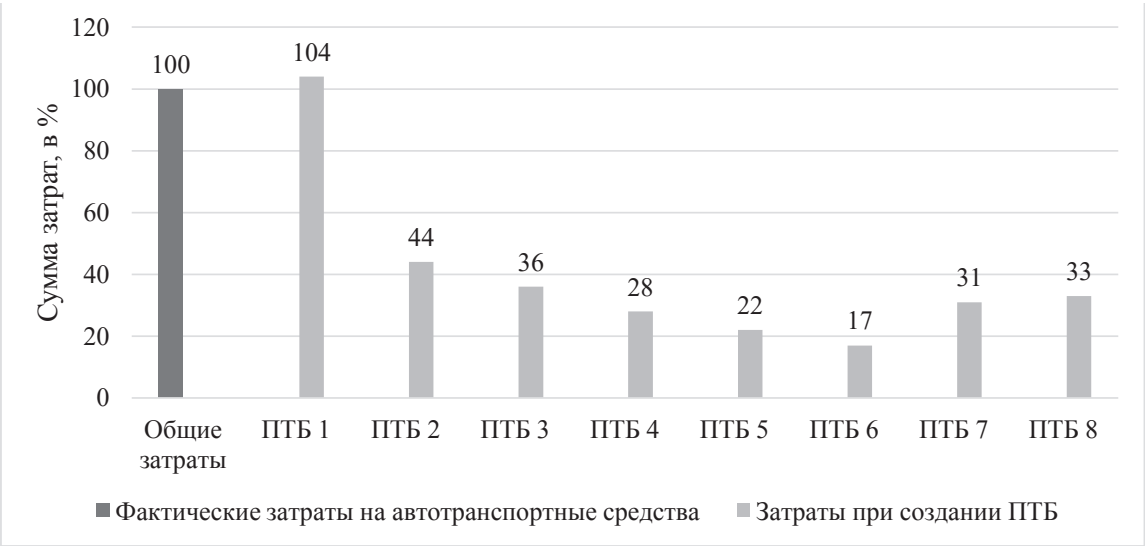

Рисунок 4. Численность производственно-технических баз, ед.
Источник: разработано авторами

Рекомендации по выбору подразделений для размещения головных ПТБ, а также по распределению автопарка между ними приведены в таблице 2.

Таблица 2. Рекомендации по выбору подразделений для размещения головных ПТБ, а также распределению автопарка

Показатель, ед. изм.	ПТБ-1	ПТБ-2	ПТБ-3	ПТБ-4	ПТБ-5	ПТБ-6	Итого
Номер подразделения для размещения головного ПТБ	9	2	6	4	7	11	–
Номера подразделений, обслуживаемых головным ПТБ	9, 14	2, 5, 8, 10, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22	1, 6	4, 12, 16	7, 15	3, 11	22
Численность специализированного автопарка, ед.	19	203	33	28	29	26	338

Источник: разработано авторами

Полученные затраты на эксплуатацию специализированного автотранспорта, его обслуживание и содержание, с учетом различной численности ПТБ представлено на рисунке 4.

Согласно рисунку 4 установлено, что наименьшее снижение затрат на специализированные транспортные средства при создании шести ПТБ, что позволит существенно снизить бюджетные расходы на 83%.

Заключение

Обоснована методика территориальной интеграции ПТБ региональных подразделений ВАТ, пред-

ставляющая собой последовательность итераций по координатам подразделений, построению матрицы расстояний между региональными подразделениями, расчёту координат местоположения головного ПТБ. Местоположение головного ПТБ определяется на основе метода «центра тяжести» и транспортных потоков. Повышение эффективности эксплуатации ВАТ достигается за счёт снижения затрат на эксплуатацию специализированного автопарка при создании шести ПТБ, что позволит существенно снизить бюджетные расходы, выделяемые для ведомственной структуры, на 83% и направить их для других целей АТ.

Литература

1. Анализ развития производственно-технической базы предприятий автомобильного транспорта / И. Х. Хасанов [и др.] // Прогрессивные технологии в транспортных системах: материалы XVI международной научно-практической конференции, Оренбург, 11–13 ноября 2021 года – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2021. – С. 546–550. – EDN: KLXIUL.
2. Бедакова Н. В. Анализ методов размещения складской сети пространственно распределенного предприятия // Научные труды КУБГТУ. – 2016, № 6. – С. 123–135. – EDN: WDFNEH.
3. Богданов А. И., Монгуш Б. С. Математическая модель оптимизации регионального размещения производств для предприятия легкой промышленности // Организатор производства. – 2021, Т. 29, № 2. – С. 77–88. – EDN: MNICDV.
4. Бурков В. В., Тузов Н. С. Пути развития производственно-технической базы по ТО и ТР грузовых автомобилей и автобусов на региональном уровне // Ученые заметки ТОГУ. – 2020, Т. 11, № 3. – С. 38–42. – EDN: BYZZAM.
5. Быховцев Е. В., Третьяков А. А., Корытов М. С. Технологическое проектирование производственно-технической базы вооруженных сил России // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева. – 2018. – № 4 (16). – С. 66–69. – EDN: OEYRPH.
6. Ветчинкин А. В., Семигласов А. О., Павлишин С. Г. Обоснование необходимости технологического перевооружения производственно-технической базы транспортного цеха ФКУ ИК-13 // Ученые заметки ТОГУ. – 2020, Т. 11, № 2. – С. 278–282. – EDN: RAAENV.
7. Дрючин Д. А. Совершенствование методики проектирования производственно-технической базы АТП на основе сравнительной оценки эффективности производственной деятельности // Прогрессивные технологии в транспортных системах: материалы XVI Международной научно-практической конференции, 11–13 ноября 2021 г. – Оренбург – 2021, – С. 215–221. – EDN: BJZWXX.
8. Жумамуратова В. Б., Жумабаева Г. Т. Развитие производственно-технической базы автомобильного транспорта // Академическая публицистика. – 2021, № 7. – С. 81–83. – EDN: DJAPVE.

9. Ивуть Р. Б., Зиневич А. С., Скориков В. А. Теоретико-методические основы развития национальной логистической системы в Республике Беларусь // Наука и техника. – 2016, Т. 15, № 6. – С. 504–510. – <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2016-15-6-504-510>. – EDN: XYFZZH.
10. Ларин О. Н., Альметова З. В. Повышение эффективности эксплуатации автомобильного транспорта при транзитных грузоперевозках // Вестник ЮУрГ – 2012, № 30 (289). – С. 161–166. – EDN: PCPSIV.
11. Левин Н. Ю. Оценка эффективности применения теории массового обслуживания при проектировании производственно-технической базы СТО // Управление качеством в транспортной и социальной сферах: материалы XLV Всероссийской студенческой научной конференции. Оренбург. – 2023. С. 34–38. – EDN: OYXCHL.
12. Мишурова А. И., Солдаткина О. В. Критерии обоснования оптимальной дислокации логистического центра на примере Оренбургской области // Управление устойчивым развитием. – 2020, № 4 (29). – С. 25–36. – EDN: NALXND.
13. Подзоров А. В. Эффективность управления автомобильным парком в территориальных органах ФСИН России // Автотранспортное предприятие. – 2016. – № 8. – С. 54–56. – EDN: WMPFVT.
14. Развитие производственно-технических баз с учетом использования информационных технологий на ведомственном автомобильном транспорте / А. В. Подзоров [и др.] // Сборник научных трудов 10-й Международной научно-практической конференции «Реализация транспортной стратегии РФ до 2030 года в части развития автотранспортного комплекса», Махачкала, 5 и 6 марта 2024 г. – С. 40–43.
15. Тузов Н. С., Попов Е. В. Общий подход к разработке технологического проекта производственно-технической базы (ПТБ) по ТО и ТР предприятий автомобильного транспорта // Ученые заметки ТОГУ. – 2014. Т. 5, № 2. – С. 138–144. – EDN: SHCLSN.
16. Управление, планирование и стимулирование на автомобильном транспорте // Сб. науч. тр. / Гос. НИИ автомоб. трансп. – М.: НИИАТ – 1986. – С. 32–39.

References

1. Khasanov, I. Kh., et al. (2021) [Analysis of the development of the production and technical base of automobile transport enterprises]. *Progressivnyye tekhnologii v transportnykh sistemakh: materialy XVI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Orenburg, 11–13 noyabrya [Progressive technologies in transport systems: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Orenburg, November 11–13]. Orenburg: Orenburg State University, pp. 546–550. – EDN: KLXIUL. (In Russ.).
2. Bedakova, N. V. (2016) [Analysis of methods for placing a warehouse network of a spatially distributed enterprise]. *Nauchnyye trudy KUBGTU* [Scientific works of KUBGTU]. Vol. 6, pp. 123–135. – EDN: WDFNEH. (In Russ.).
3. Bogdanov, A. I., Mongush, B. S. (2021) [Mathematical model for optimizing the regional location of production for a light industry enterprise]. *Organizator proizvodstva* [Production Organizer]. Vol. 29, No. 2, pp. 77–88. – EDN: MNICDV. (In Russ.).
4. Burkov, V. V., Tuzov, N. S. (2020) [Ways of development of the production and technical base for maintenance and repair of trucks and buses at the regional level]. *Uchenyye zametki TOGU* [Scientific notes of Tomsk State University]. Vol. 11, No. 3, pp. 38–42. – EDN: BYZZAM. (In Russ.).
5. Bykhovtsev, E. V., Tretyakov, A. A., Korytov, M. S. (2018) [Technological design of the production and technical base of the Russian armed forces]. *Vestnik Voennoy akademii material'no-tekhnicheskogo obespecheniya im. generala armii A. V. Khruleva* [Bulletin of the Military Academy of Material and Technical Support named after. Army General A. V. Khrulev]. Vol. 4 (16), pp. 66–69. – EDN: OEYRPH. (In Russ.).
6. Vetchinkin, A. V., Semiglasov, A. O., Pavlishin, S. G. (2020) [Justification of the need for technological re-equipment of the production and technical base of the transport workshop FKU IK-13]. *Uchenyye zametki Tomskiy Gosydarstvenniy universitet* [Scientific notes of Tomsk State University]. Vol. 11, No. 2, pp. 278–282. – EDN: RAAEHV. (In Russ.).
7. Dryuchin, D. A. (2021) [Improving the methodology for designing the production and technical base of ATP based on a comparative assessment of the efficiency of production activities]. *Progressivnyye tekhnologii v transportnykh sistemakh: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 11–13 noyabrya [Progressive technologies in transport systems: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, November 11–13], pp. 215–221. – EDN: BJZWKX. (In Russ.).
8. Zhumamuratova, V. B., Zhumabaeva, G. T. (2021) [Development of the production and technical base of automobile transport]. *Akademicheskaya publitsistika* [Academic journalism]. Vol. 7, pp. 81–83. – EDN: DJAPVE. (In Russ.).

9. Ivut, R. B., Zinevich, A. S., Skorikov, V. A. (2016) [Theoretical and methodological foundations for the development of the national logistics system in the Republic of Belarus]. *Nauka i tekhnika* [Science and technology]. Vol. 15, No. 6, pp. 504–510. – <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2016-15-6-504-510>. – EDN: XYFZZH. (In Russ.).
10. Larin, O. N., Almetova, Z. V. (2012) [Increasing the efficiency of operation of road transport during transit cargo transportation]. *Vestnik YUUrG* [Bulletin of SURG]. Vol. 30 (289), pp. 161–166. – EDN: PCPSIV. (In Russ.).
11. Levin, N. Yu. (2023) [Assessing the effectiveness of applying the theory of queuing in the design of the production and technical base of service stations]. *Upravleniye kachestvom v transportnoy i sotsial'noy sferakh: materialy XLV Vserossiyskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii* [Quality management in the transport and social spheres: materials of the XLV All-Russian Student Scientific Conference]. Orenburg, pp. 34–38. – EDN: OYXCHL. (In Russ.).
12. Mishurova, A. I., Soldatkina, O. V. (2020) [Criteria for justifying the optimal dislocation of a logistics center using the example of the Orenburg region]. *Upravleniye ustoychivym razvitiyem* [Sustainable Development Management]. Vol. 4 (29), pp. 25–36. – EDN: NALXND. (In Russ.).
13. Podzorov, A. V. (2016) [Efficiency of vehicle fleet management in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Avtotransportnoye predpriyatiye* [Motor transport enterprise]. Vol. 8, pp. 54–56. – EDN: WMPFVT. (In Eng.).
14. Podzorov, A. V., et al. (2024) [Development of production and technical bases taking into account the use of information technologies in departmental road transport]. *Sbornik nauchnykh trudov 10-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Realizatsiya transportnoy strategii RF do 2030 goda v chasti razvitiya avtotransportnogo kompleksa», 5 i 6 marta* [Collection of scientific papers of the 10th International Scientific and Practical Conference «Implementation of the transport strategy of the Russian Federation until 2030 in part development of the motor transport complex», March 5 and 6]. Makhachkala, pp. 40–43. (In Russ.).
15. Tuzov, N. S., Popov, E. V. (2014) [General approach to the development of a technological project of the production and technical base (PTB) for maintenance and technical support of automobile transport enterprises]. *Uchenyye zametki TOGU* [Scientific notes of Tomsk State University]. Vol. 5, No. 2, pp. 138–144. – EDN: SHCLSN. (In Russ.).
16. [Management, planning and incentives in road transport]. *Sb. nauch. tr.* [Coll. Of scient.works]. State Research Institute of Automobiles transport. M.: NIIAT, pp. 32–39. (In Russ.).

Информация об авторах:

Владимир Михайлович Власов, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Транспортная телематика», Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), президент Ассоциации транспортной телематики в России, заслуженный деятель науки РФ, почётный автотранспортник Министерства транспорта Российской Федерации, почётный работник транспорта, Москва, Россия

ORCID ID: 0009-0005-7533-5379

e-mail: ttr_madi@inbox.ru

Надежда Анатольевна Филиппова, доктор технических наук, доцент, профессор кафедр «Автомобильные перевозки», «Транспортная телематика», Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия; профессор кафедры «Автомобильные дороги, аэродромы», Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8127-9810

e-mail: umen@bk.ru

Александр Викторович Подзоров, соискатель ученой степени кандидата наук по научной специальности 2.9.5 Эксплуатация автомобильного транспорта, ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта», Москва, Россия

ORCID ID: 0009-0003-6750-238X

e-mail: a.v.podzorov@mail.ru

Вклад соавторов:

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Vladimir Mikhailovich Vlasov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Transport Telematics, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), President of the Association of Transport Telematics in Russia, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Motor Transport Worker of the Ministry of Transport of the Russian Federation, Honorary Transport Worker, Moscow, Russia

ORCID ID: 0009-0005-7533-5379

e-mail: ttr_madi@inbox.ru

Nadezhda Anatolyevna Filippova, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Departments of Automobile Transportation, Transport Telematics, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia; Professor of the Department «Highways, airfields», M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8127-9810

e-mail: umen@bk.ru

Alexander Viktorovich Podzorov, applicant for the scientific degree of Candidate of Technical Sciences in the scientific specialty 2.9.5. Operation of motor transport, JSC «Scientific Research Institute of Automobile Transport», Moscow, Russia

ORCID ID: 0009-0003-6750-238X

e-mail: a.v.podzorov@mail.ru

Contribution of the authors:

All authors made an equivalent contribution to the publication. The authors declare no conflict of interest.

The paper was submitted: 29.03.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПОДКЛЮЧЁННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Д. В. Капский

Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь
e-mail: d.kapsky@gmail.com

С. В. Богданович

Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь
e-mail: bsw001@gmail.com

П. В. Куренков

Самарский государственный университет путей сообщения, Самара, Россия
e-mail: petr.kurenkov@mail.ru

Н. А. Филиппова

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия
e-mail: umen@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования транспортной отрасли в условиях активного развития и внедрения подключённых транспортных средств (ПТС). Актуальность темы обусловлена быстрым ростом числа ПТС, их растущим влиянием на транспортную систему и необходимостью комплексной оптимизации отрасли для максимальной реализации потенциала новых технологий.

Основная цель работы – определить ключевые пути и конкретные меры по совершенствованию транспортной отрасли, которые позволят наиболее полно использовать преимущества ПТС. Для достижения этой цели используется системный подход, предполагающий комплексное рассмотрение сложных взаимосвязей между транспортными средствами, инфраструктурой и транспортными услугами. Ключевая роль в оптимизации взаимодействия этих компонентов отводится внедрению интеллектуальных транспортных систем (ИТС).

В статье выявлены основные возможности и вызовы, связанные с развитием ПТС. К новым возможностям относятся повышение безопасности дорожного движения, снижение вредных выбросов, оптимизация логистики и перевозок, улучшение мобильности населения. Вместе с тем, появляются новые вызовы, включая необходимость обеспечения кибербезопасности ПТС, стандартизации разнородных систем и технологий, их бесшовного взаимодействия.

Подробно проанализировано влияние ПТС на ключевые аспекты транспортной отрасли – безопасность, экологию, экономику и социальную сферу. Показаны конкретные пути повышения безопасности с помощью систем предотвращения аварий и контроля состояния водителей. Рассмотрены возможности ПТС для снижения выбросов за счет оптимизации трафика и развития альтернативных видов транспорта. Определены способы повышения эффективности за счет оптимизации логистики, обслуживания транспортных средств и маршрутов водителей. Выявлены социальные эффекты в виде роста мобильности и новых услуг для пассажиров. Научная новизна заключается в комплексном системном рассмотрении широкого спектра проблем и путей совершенствования транспортной отрасли с учетом бурного развития ПТС. Практическая значимость – конкретные рекомендации по применению системного подхода и внедрению ИТС для достижения максимального эффекта.

Направления дальнейших исследований включают детальную проработку предложенных конкретных мер по максимизации преимуществ и минимизации рисков, связанных с распространением ПТС. В частности, рекомендуется дальнейшая оптимизация логистических процессов, парка транспортных средств и деятельности водителей, ускоренное развитие альтернативных видов транспорта и услуг для повышения комфорта и безопасности пассажиров, налаживание тесного сотрудничества всех участников процесса.

Ключевые слова: автономные транспортные средства, совершенствование транспортной отрасли, подключённые транспортные средства, системный подход, интеллектуальные транспортные системы, безопасность дорожного движения.

Для цитирования: Капский Д. В., Богданович С. В., Куренков П. В., Филиппова Н. А. Вопросы совершенствования транспортной отрасли в условиях развития подключённых транспортных средств // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 64–73. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-64>.

Original article

ISSUES OF TRANSPORT SECTOR IMPROVEMENT IN THE CONTEXT OF CONNECTED VEHICLES DEVELOPMENT

D. V. Kapski,

Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: d.kapsky@gmail.com

S. V. Bogdanovich,

Belarusian National University of Technology, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: bsw001@gmail.com

P. V. Kurenkov

Samara State Transport University, Moscow, Russia
e-mail: petrkurenkov@mail.ru

N. A. Filippova

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia
e-mail: umen@bk.ru

Abstract. *The article examines topical issues of improving the transportation industry in the context of the active development and implementation of connected vehicles (CVs). The relevance of the topic is driven by the rapid growth in the number of CVs, their increasing impact on the transportation system, and the need for a comprehensive optimization of the industry to fully realize the potential of new technologies.*

The main objective of the work is to identify key ways and specific measures to improve the transportation industry that will allow maximizing the benefits of CVs. To achieve this goal, a systems approach is used, which involves a comprehensive consideration of the complex interrelationships between vehicles, infrastructure, and transportation services. The implementation of Intelligent Transportation Systems (ITS) plays a crucial role in optimizing the interaction of these components.

The article identifies the main opportunities and challenges associated with the development of CVs. New opportunities include improving road safety, reducing emissions, optimizing logistics and transportation, and enhancing mobility. At the same time, new challenges are emerging, including the need to ensure cybersecurity of CVs, standardization of heterogeneous systems and technologies, and their seamless interaction.

The impact of CVs on key aspects of the transportation industry – safety, environment, economy, and social sphere – is analyzed in detail. Specific ways to improve safety are shown through accident prevention systems and driver monitoring systems. The potential of CVs to reduce emissions through traffic optimization and development of alternative modes of transportation is considered. Ways to increase efficiency through logistics optimization, vehicle maintenance, and driver routing are identified. Social effects in the form of increased mobility and new services for passengers are highlighted. The scientific novelty lies in the comprehensive systems consideration of a wide range of problems and ways to improve the transportation industry, taking into account the rapid development of CVs. The practical significance is the specific recommendations on applying a systems approach and implementing ITS to achieve maximum effect.

Further research directions include a detailed elaboration of the proposed specific measures to maximize the benefits and minimize the risks associated with the proliferation of CVs. In particular, it is recommended to further optimize logistics processes, vehicle fleets and driver activities, accelerate the development of alternative modes of transportation and services to improve passenger comfort and safety, and establish close cooperation among all stakeholders.

Key words: *autonomous vehicles, transport industry improvement, connected transport systems, systemic approach, intelligent transport systems, road safety.*

Cite as: Kapski, D. V., Bogdanovich, S. V., Kurenkov, P. V., Filippova, N. A. (2024) [Issues of transport sector improvement in the context of connected vehicles development]. *Intellekt. Inovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp, 64–73. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-64>.

Введение

Совершенствование транспортной отрасли является одной из ключевых задач для обеспечения устойчивого развития экономики и повышения качества жизни населения. В последние годы наблюдается активное развитие подключённых транспортных средств (ПТС), которые всё больше влияют на транспортную систему в целом. ПТС – это транспортные средства, оснащённые системами связи и навигации, которые позволяют им обмениваться информацией с другими транспортными средствами, инфраструктурой и сервисами.

Развитие ПТС открывает новые возможности для совершенствования транспортной отрасли, такие как повышение безопасности дорожного движения, снижение выбросов вредных веществ, оптимизация перевозок и улучшение мобильности населения. Однако, вместе с тем, оно ставит перед транспортной отраслью новые вызовы, связанные с необходимостью обеспечения безопасности и надёжности систем связи и навигации, защиты персональных данных, стандартизации и взаимодействия различных систем и технологий.

Исследование проблем и вызовов, связанных с развитием ПТС, позволит определить пути совершенствования отрасли и максимально реализовать её потенциал.

Подключённые транспортные средства: возможности и вызовы

для транспортной отрасли

Развитие ПТС является одной из наиболее динамично растущих областей в транспортной отрасли. Это объясняется тем, что такие транспортные средства предоставляют новые возможности для оптимизации перевозок, повышения безопасности дорожного движения и улучшения мобильности людей.

Одной из основных тенденций развития ПТС является рост числа транспортных средств, оснащённых системами связи и навигации. Согласно прогнозам, к 2025 году число ПТС в мире достигнет 400 миллионов единиц [9]. Это будет способствовать росту объёма генерируемых данных и создаст новые возможности для их использования в целях оптимизации перевозок и повышения безопасности дорожного движения.

Ещё одной важной тенденцией является развитие автономных транспортных средств, способных передвигаться без участия человека. По некоторым оценкам, к 2035 году их доля на дорогах может достигнуть

20% [7]. Развитие автономных транспортных средств содействует повышению безопасности дорожного движения и эффективности перевозок.

Вместе с тем, развитие ПТС ставит перед транспортной отраслью новые вызовы. Одним из основных вызовов является необходимость обеспечения безопасности и надёжности систем связи и навигации. ПТС генерируют большой объём данных, которые должны быть надёжно защищены от несанкционированного доступа. Кроме того, необходимо обеспечить надёжность и безопасность систем управления транспортными средствами, чтобы исключить риск их несанкционированного использования. В последние годы регулярно появляются сообщения о попытках хакерских атак на автомобили. Известны случаи хакерской атаки на автомобили Вольво [14], взлома автомобилей Тесла [15], беспилотного автомобиля Uber [13], удаленного взлома Jeep Cherokee. В последнем случае производитель инициировал кампанию отзыва 1.4 млн автомобилей [11].

Ещё одним вызовом является необходимость стандартизации и взаимодействия различных систем и технологий. ПТС используют различные системы связи и навигации, которые должны быть стандартизированы и взаимодействовать друг с другом для обеспечения эффективной работы транспортной системы в целом [10].

Системный подход к совершенствованию транспортной отрасли предполагает комплексное рассмотрение взаимосвязи между транспортными средствами, инфраструктурой и услугами. Такая взаимосвязь проявляется в том, что транспортные средства используют инфраструктуру для перемещения, а услуги обеспечивают комфорт и безопасность пассажиров и грузов. Эффективность работы транспортных средств зависит от состояния дорожной инфраструктуры, а качество услуг, предоставляемых пассажирам, зависит от уровня комфорта и безопасности транспортных средств. Для повышения безопасности дорожного движения необходимо не только улучшать конструкцию транспортных средств, но и совершенствовать дорожную инфраструктуру, вводить новые системы управления дорожным движением и повышать качество услуг, предоставляемых пассажирам.

Системный подход также предполагает использование интеллектуальных транспортных систем

(ИТС), которые позволяют оптимизировать работу транспортной системы в целом. Интеллектуальные транспортные системы используют данные, генерируемые транспортными средствами, инфраструктурой и услугами, для оптимизации перевозок, повышения безопасности дорожного движения и улучшения мо-

бильности населения [12].

Как показано на рисунке 1, подходы к технологии ПТС и ИТС можно разделить на три категории: интеллектуальные транспортные системы, автоматизированные транспортные системы и подключенные транспортные системы [16].

Рисунок 1. Передовые транспортные технологии

Источник: взято из работы [16]

ИТС являются ключевым фактором развития подключённых транспортных средств. ИТС представляют собой комплекс технологий, систем и услуг, которые используются для оптимизации работы транспортной системы в целом и включают в себя системы управления дорожным движением, системы навигации и информации, системы безопасности дорожного движения, системы оплаты проезда и др. ИТС позволяют также снизить эксплуатационные расходы и повысить эффективность перевозок. Так, системы управления дорожным движением позволяют оптимизировать движение транспортных средств, уменьшить пробки и повысить безопасность дорожного движения. Системы навигации и информации позволяют водителям и пассажирам получать информацию о дорожной обстановке и оптимальном маршруте, а также предоставляют дополнительные услуги, такие как информация о парковках, заправках и др. Системы безопасности дорожного движения позволяют предотвратить дорожно-транспортные происшествия и снизить риск их возникновения. Системы экологического контроля позволяют отслеживать выбросы вредных веществ

и оптимизировать работу транспортных средств с целью снижения выбросов [1].

ИТС позволяют также улучшить мобильность населения и повысить качество услуг, предоставляемых пассажирам. Системы оплаты проезда позволяют осуществлять платеж без использования наличных денег, что упрощает процесс оплаты и ускоряет посадку и высадку пассажиров. Системы информирования позволяют пассажирам получать информацию о маршруте, времени прибытия и отправления транспортных средств, что повышает удобство и комфорт [1]. Тем самым ИТС являются ключевым фактором развития подключённых транспортных средств, так как они позволяют оптимизировать работу транспортной системы в целом, повысить эффективность перевозок, снизить эксплуатационные расходы и улучшить качество услуг, предоставляемых пассажирам.

Одной из наиболее важных задач транспортной отрасли является безопасность дорожного движения. Подключённые транспортные средства предоставляют новые возможности для повышения безопасности дорожного движения, однако также создают новые риски.

Примером возможностей в данном случае является использование систем предотвращения аварий. Эти системы используют данные, генерируемые транспортными средствами, инфраструктурой и сервисами, для предотвращения ДТП. Системы предупреждения о столкновении позволяют водителям предотвратить столкновение с другими транспортными средствами, пешеходами или препятствиями на дороге. Системы мониторинга состояния водителя позволяют отслеживать уровень усталости водителя и предотвратить вызванные ей аварии [4].

Однако подключённые транспортные средства также создают новые риски для безопасности дорожного движения. Отвлечение внимания водителя и является, в частности, одним из примеров таких рисков. ПТС предоставляют водителям большое количество информации, которая может отвлекать их внимание от дороги. Это может привести к авариям, вызванным невнимательностью.

Неслучайно, в Европе, согласно Общим правилам безопасности Европейского союза (GSR), с 7 июля 2026 года все автомобили с четырьмя и более колёсами, включая легковые, грузовые и автобусы, должны быть оснащены системой предупреждения об отвлечении водителя (ADDW) и интерфейсом для устройства блокировки автомобиля, если водитель находится в состоянии опьянения. Но уже с 7 июля 2024 года правила будут применяться ко всем новым типам транспортных средств. Кроме того, последнее обновление протокола оценки Euro NCAP, введенное в январе 2023 года, требует наличия системы мониторинга состояния водителя для того, чтобы модель автомобиля получила пятизвездочный рейтинг безопасности.

В США ситуация развивается аналогичным образом. В 2021 году Конгресс США принял масштабный законопроект об инфраструктуре на сумму 1,2 триллиона долларов, включающий требование о том, что с 2026 года новые автомобили будут оснащаться технологией мониторинга состояния водителя, выявляющей алкогольное опьянение. Это требование, вероятно, распространится и на новые грузовые автомобили и автобусы [6].

Для минимизации возможных рисков необходимо применять комплексный подход, включающий в себя меры по обеспечению кибербезопасности, улучшению водительских навыков и повышению осведомлённости водителей об особенностях использования ПТС.

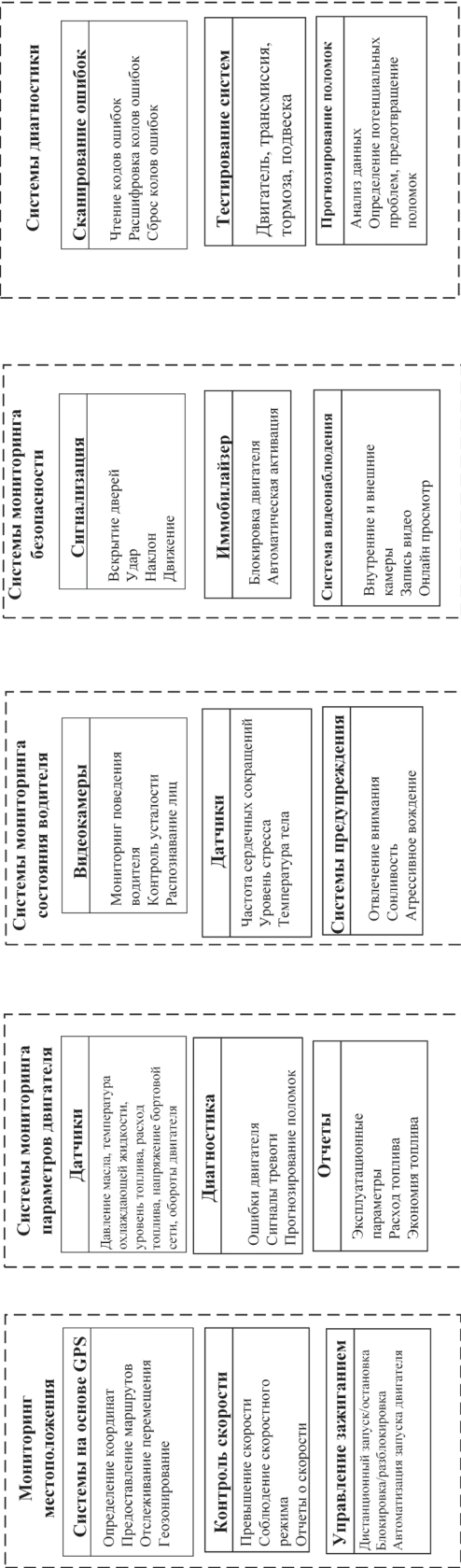
Переходя к экологическим аспектам, необходимо отметить, что ПТС могут внести значительный вклад в снижение выбросов и улучшение экологической обстановки. Это обусловлено тем, что такие

транспортные средства позволяют оптимизировать работу транспортной системы в целом. В частности, системы управления дорожным движением позволяют оптимизировать движение транспортных средств и уменьшить пробки, что в свою очередь приводит к снижению выбросов вредных веществ. Глобальная экономия выбросов CO₂, благодаря интеллектуальным системам управления дорожным движением, может достичь 205 млн тонн к 2027 году по сравнению с 145,7 млн тонн в 2022 году – рост на 41%. Такие выводы были сделаны в исследовании компании Juniper Research, согласно которому экономия будет равна почти двукратному объёму выбросов CO₂ от внутреннего транспорта Великобритании в 2019 году. В качестве основного фактора, влияющего на это, называется сокращение заторов за счет оптимизации управления дорожным движением [8].

Системы экологического контроля позволяют отслеживать выбросы вредных веществ и оптимизировать работу транспортных средств с целью снижения выбросов [2]. Кроме того, ПТС позволяют развивать альтернативные виды транспорта, такие как электромобили, а также способствуют развитию средств персональной мобильности, что также способствует снижению выбросов и улучшению экологической обстановки [5].

Экономические аспекты являются одними из наиболее важных аспектов совершенствования транспортной отрасли. ПТС могут способствовать повышению эффективности транспортной отрасли и снижению эксплуатационных расходов. Одним из способов на пути экономии является оптимизация логистических процессов. Системы мониторинга грузоперевозок позволяют отслеживать движение грузов в реальном времени и оптимизировать маршруты доставки, что приводит к снижению времени доставки и уменьшению эксплуатационных расходов. Например, системы мониторинга грузоперевозок позволяют отслеживать местоположение грузов, состояние грузов и время доставки, что позволяет оптимизировать маршруты доставки и снизить эксплуатационные расходы [3].

Другим способом, которым ПТС могут способствовать повышению эффективности, является оптимизация работы транспортных средств. Системы удаленного мониторинга состояния ПТС (рисунок 2) позволяют отслеживать их техническое состояние и своевременно проводить техническое обслуживание, что позволяет снизить риск возникновения неисправностей и уменьшить эксплуатационные расходы.

Системы диагностики

Сканирование ошибок

Чтение кодов ошибок

Расшифровка кодов ошибок

Сброс кодов ошибок

Тестирование систем

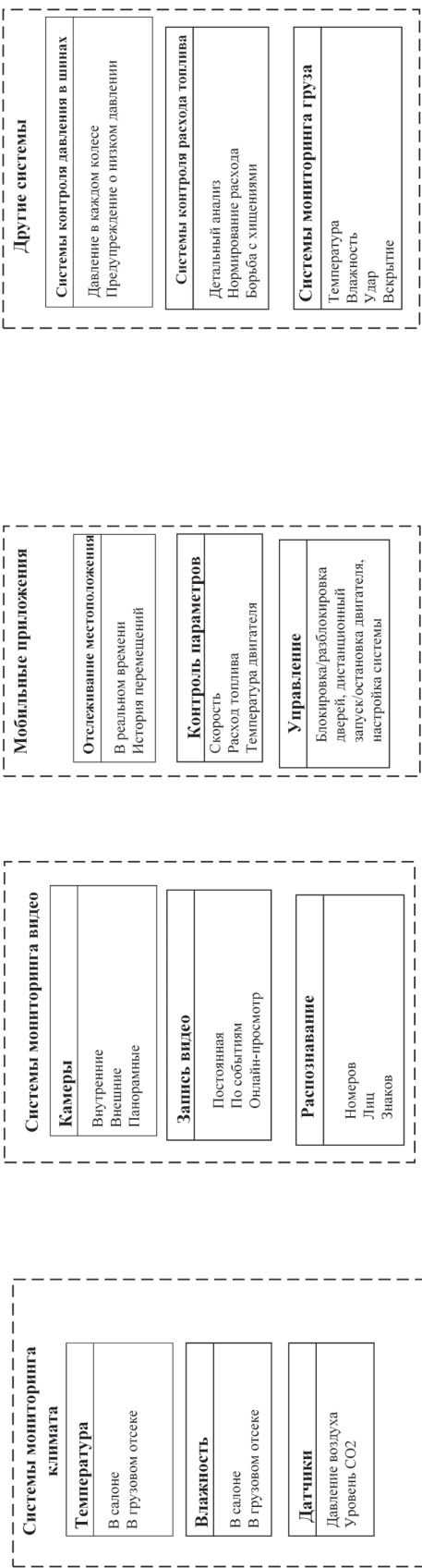
Двигатель, трансмиссия, тормоза, подвеска

Прогнозирование поломок

Анализ данных

Определение потенциальных проблем, предотвращение поломок

Системы удаленного мониторинга состояния транспортных средств

Другие системы

Системы контроля давления в шинах

Давление в каждом колесе

Предупреждение о низком давлении

Системы контроля расхода топлива

Детальный анализ

Нормирование расхода

Борьба с хищениями

Системы мониторинга груза

Температура

Влажность

Удар

Вскрытие

Рисунок 2. Системы удаленного мониторинга состояния транспортных средств
Источник: разработано авторами

Спектр оборудования, используемого для удаленного мониторинга, в настоящее время очень широк, а компании, продвигающие такие решения, работают в глобальном масштабе. В качестве примера можно назвать компании Wialon, Gurtam, Omnicomm, Fortinet.

Кроме того, ПТС позволяют оптимизировать работу водителей. Системы мониторинга состояния водителя позволяют отслеживать уровень усталости водителя и предотвратить вызванные ей аварии. Системы мониторинга вождения позволяют отслеживать стиль вождения и предоставлять водителям рекомендации по улучшению стиля вождения, что также способствует повышению эффективности и снижению эксплуатационных расходов. Для реализации этого потенциала необходимо применять комплексный подход, включающий в себя оптимизацию логистических процессов, оптимизацию работы транспортных средств и оптимизацию работы водителей.

Наконец, значимым аспектом совершенствования транспортной отрасли является социальный. Одним из способов, которым ПТС могут способствовать повышению качества жизни населения, является улучшение мобильности населения. Другим способом является предоставление новых услуг, улучшающих комфорт и безопасность пассажиров.

В заключении необходимо отметить, что реализация потенциала ПТС позволит улучшить безопасность дорожного движения, снизить выбросы вредных веществ, повысить эффективность транспортной отрасли и улучшить качество жизни населения. Для достижения этих целей необходимо применять системный подход, включающий в себя оптимизацию движения транспортных средств, оптимизацию работы транспортных средств, развитие альтернативных видов транспорта, улучшение мобильности населения, предоставление новых услуг, улучшающих комфорт и безопасность пассажиров, и развитие сотрудниче-

ва между всеми заинтересованными сторонами.

Заключение

Развитие подключённых транспортных средств открывает новые возможности для совершенствования транспортной отрасли, однако также создаёт новые вызовы и риски. Для реализации этого потенциала необходимо применять комплексный подход, включающий в себя оптимизацию движения и работы транспортных средств, развитие альтернативных видов транспорта, улучшение мобильности населения, предоставление новых услуг, повышающих комфорт и безопасность пассажиров, и развитие сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами.

Системный подход к совершенствованию транспортной отрасли предполагает комплексное рассмотрение взаимосвязи между транспортными средствами, инфраструктурой и услугами. Такой подход требует применения интеллектуальных транспортных систем, которые позволяют оптимизировать работу транспортной системы в целом и повысить эффективность перевозок.

Подключённые транспортные средства предоставляют новые возможности для повышения безопасности дорожного движения, однако требуют развития мер по обеспечению кибербезопасности, улучшению водительских навыков и повышению осведомлённости водителей о возможных рисках, связанных с использованием ПТС.

ПТС могут внести значительный вклад в снижение выбросов и улучшение экологической обстановки, способствовать повышению эффективности транспортной отрасли и снижению эксплуатационных расходов. Они могут также способствовать повышению качества жизни, улучшив мобильность населения и предоставив новые услуги, улучшающие комфорт и безопасность пассажиров.

Литература

1. Капский Д. В., Богданович С. В. Устойчивая логистика умных симбиотических городов // Проблемы безопасности на транспорте: МАТЕРИАЛЫ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. В 2 частях, Гомель, 25–26 ноября 2021 года. Том Часть 1. – Гомель: Учреждение образования «Белорусский государственный университет транспорта», 2021. – С. 22–24. – EDN: AOLWKD.
2. Капский Д. В., Богданович С. В., Буртыль Ю. В. Методология оценки воздействия изменения климата, уязвимости и климатических рисков в транспортной системе Республики Беларусь: монография. – Минск: БНТУ, 2022. – 256 с.
3. Капский Д. В., Богданович С. В., Скирковский С. В. Перспективы развития городской логистики и транспортных систем // Проблемы безопасности на транспорте: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию Бел. ж. д. (Гомель, 24–25 ноября 2022 г.): в 2 ч. Ч. 2. Под общ. ред. Ю. И. Кулаженко. – Гомель: БелГУТ, 2022. С. 119–121. – EDN: MAPKRC.
4. Капский Д. В., Навой Д. В., Богданович С. В. Алгоритмы обнаружения дорожных инцидентов / X форум вузов инженерно-технологического профиля Союзного государства. 6–10 декабря 2021 г. Сборник материалов. – Минск: БНТУ. – 2021. – С. 74–75.

5. Планирование устойчивой городской мобильности: монография / И. Н. Пугачев [и др.]. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2023. – 147 с. – EDN: DOUXSG.
6. 5 Ways Any Vehicle Benefits from a Driver Monitoring System (DMS). Available at: <https://www.smarteye.se/blog/5-ways-any-vehicle-benefits-from-a-driver-monitoring-system-dms/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
7. Autonomous driving's future: Convenient and connected. Available at: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/autonomous-drivings-future-convenient-and-connected> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
8. Carey Ch. (2022) Study shows smart traffic systems could cut CO2 emissions. Available at: <https://cities-today.com/study-shows-smart-traffic-systems-could-cut-co2-emissions/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
9. Connected cars worldwide – statistics & facts. Available at: <https://www.statista.com/topics/1918/connected-cars/#topicOverview> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
10. Coppola R., Morisio M. (2016) Connected Car: technologies, issues, future trends. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/76532623.pdf> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
11. Fiat Chrysler recalls 1.4 million cars after Jeep hack. Available at: <https://www.bbc.com/news/technology-33650491> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
12. Future Intelligent Transport Systems Strategy. Available at: <https://www.transport.gov.scot/media/40406/its-strategy-2017-final.pdf> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
13. Greenberg A. Securing Driverless Cars From Hackers Is Hard. Ask the Ex-Uber Guy Who Protects Them. Available at: <https://www.wired.com/2017/04/ubers-former-top-hacker-securing-autonomous-cars-really-hard-problem/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
14. Hacker Selling Data Allegedly Stolen From Volvo Cars Following Ransomware Attack. Available at: <https://www.securityweek.com/hacker-selling-data-allegedly-stolen-volvo-cars-following-ransomware-attack/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
15. Khandelwal S. Hackers take Remote Control of Tesla's Brakes and Door locks from 12 Miles Away. Available at: <https://thehackernews.com/2016/09/hack-tesla-autopilot.html> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
16. Livingston H., Monroe J., Washtenaw L. (2017) Planning for Connected and Automated Vehicles. Available at: <https://www.cargroup.org/wp-content/uploads/2017/03/Planning-for-Connected-and-Automated-Vehicles-Report.pdf> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).

References

1. Kapsky, D. V., Bogdanovich, S. V. (2021) [Sustainable logistics of smart symbiotic cities]. *Problemy bezopasnosti na transporte: MATERIALY KHI MEZHDUNARODNOY NAUCHNO-PRAKTICHESKOY KONFERENTSII. V 2 chastyakh, Gomel', 25–26 noyabrya 2021 goda* [Problems of transport safety: MATERIALS OF THE XI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE. In 2 parts, Gomel, November 25–26, 2021]. Part 1. Gomel: Educational Institution «Belarusian State University of Transport», pp. 22–24. – EDN: AOLWKD. (In Russ.).
2. Kapsky, D. V., Bogdanovich, S. V., Burtly, Yu. V. (2022) *Metodologiya otsenki vozdeystviya izmeneniya klimata, uyazvimosti i klimaticheskikh riskov v transportnoy sisteme Respubliki Belarus'* [Methodology for assessing the impact of climate change, vulnerability and climate risks in the transport system of the Republic of Belarus]. Minsk: BNTU, 256 p.
3. Kapsky, D. V., Bogdanovich, S. V., Skirkovsky, S. V. (2022) [Prospects for the development of urban logistics and transport systems]. *Problemy bezopasnosti na transporte: materialy KHII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 160-letiyu Bel. zh. d. (Gomel', 24–25 noyabrya 2022 g.): v 2 ch.* [Problems of safety in transport: materials of the XII International. scientific-practical conf., dedicated 160th anniversary of Bel. and. (Gomel, November 24–25, 2022): at 2 p.m]. Part 2. Generally ed. Yu. I. Kulazhenko. Gomel: BelSUT, pp. 119–121. – EDN: MAPKRC. (In Russ.).
4. Kapsky, D. V., Navoy, D. V., Bogdanovich, S. V. (2021) [Algorithms for detecting road incidents]. *X forum vuzov inzhenerno-tehnologicheskogo profilya Soyuznogo gosudarstva. 6-10 dekabrya 2021 g.* [X Forum of Universities of Engineering and Technology of the Union State. December 6–10], Minsk: BNTU, pp. 74–75. (In Russ.).
5. Pugachev, I. N., et al. (2023) *Planirovaniye ustoychivoy gorodskoy mobil'nosti* [Planning for sustainable urban mobility]. Khabarovsk: Publishing house DVGUPS, 147 p. – EDN: DOUXSG.
6. 5 Ways Any Vehicle Benefits from a Driver Monitoring System (DMS). Available at: <https://www.smarteye.se/blog/5-ways-any-vehicle-benefits-from-a-driver-monitoring-system-dms/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).

7. Autonomous driving's future: Convenient and connected. Available at: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/autonomous-drivings-future-convenient-and-connected> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
8. Carey, Ch. (2022) Study shows smart traffic systems could cut CO2 emissions. Available at: <https://cities-today.com/study-shows-smart-traffic-systems-could-cut-co2-emissions/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
9. Connected cars worldwide – statistics & facts. Available at: <https://www.statista.com/topics/1918/connected-cars/#topicOverview> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
10. Coppola, R., Morisio, M. (2016) Connected Car: technologies, issues, future trends. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/76532623.pdf> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
11. Fiat Chrysler recalls 1.4 million cars after Jeep hack. Available at: <https://www.bbc.com/news/technology-33650491> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
12. Future Intelligent Transport Systems Strategy. Available at: <https://www.transport.gov.scot/media/40406/its-strategy-2017-final.pdf> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
13. Greenberg, A. Securing Driverless Cars From Hackers Is Hard. Ask the Ex-Uber Guy Who Protects Them. Available at: <https://www.wired.com/2017/04/ubers-former-top-hacker-securing-autonomous-cars-really-hard-problem/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
14. Hacker, Selling Data Allegedly Stolen From Volvo Cars Following Ransomware Attack. Available at: <https://www.securityweek.com/hacker-selling-data-allegedly-stolen-volvo-cars-following-ransomware-attack/> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
15. Khandelwal, S. Hackers take Remote Control of Tesla's Brakes and Door locks from 12 Miles Away. Available at: <https://thehackernews.com/2016/09/hack-tesla-autopilot.html> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).
16. Livingston, H., Monroe, J., Washtenaw, L. (2017) Planning for Connected and Automated Vehicles. Available at: <https://www.cargroup.org/wp-content/uploads/2017/03/Planning-for-Connected-and-Automated-Vehicles-Report.pdf> (accessed: 28.02.2024) (In Eng.).

Информация об авторах:

Денис Васильевич Капский, доктор технических наук, профессор, заместитель председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

ORCID ID: 0000-0001-9300-3857, **Scopus Author ID:** 35072717200, **Web of Science ResearcherID:** E-5214-2018
e-mail: d.kapsky@gmail.com

Сергей Валерьевич Богданович, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Транспортные системы и технологии», Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

ORCID ID: 0000-0002-6709-6786
e-mail: bsw001@gmail.com

Петр Владимирович Куренков, доктор экономических наук, профессор, кандидат технических наук, заведующий кафедрой «Экономика и логистика на транспорте», Самарский государственный университет путей сообщения, Самара, Россия

ORCID ID: 0000-0003-0994-8546, **Scopus Author ID:** 57189075195
e-mail: petrkurenkov@mail.ru

Надежда Анатольевна Филиппова, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры «Транспортная телематика», Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8127-9810, **Scopus Author ID:** 57206737747, **Web of Science Researcher ID:** ABD-7377-2020
e-mail: umen@bk.ru

Вклад соавторов:

Капский Д. В. – анализ проблемы, формулирование цели и задач исследования, названия статьи, разработка концептуального подхода и теоретической части исследования, интерпретация результатов исследования, разработка рекомендаций и формулировка выводов.

Богданович С. В. – анализ результатов литературного обзора, сбор и систематизация исходных данных, обработка полученных результатов аналитического обзора.

Куренков П. В. – координация работ при проведении анализа литературных источников, обоснование концепции исследования, планирование аналитической части исследования.

Филиппова Н. А. – обобщение результатов исследования, интерпретация и формулировка результатов исследования, редактирование и переработка рукописи.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Denis Vasilievich Kapski, Doctor of Technical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

ORCID ID: 0000-0001-9300-3857, **Scopus Author ID:** 35072717200, **Web of Science Researcher ID:** E-5214-2018

e-mail: d.kapsky@gmail.com

Sergey Valerievich Bogdanovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Transport Systems and Technologies, Belarusian National University of Technology, Minsk, Republic of Belarus

ORCID ID: 0000-0002-6709-6786

e-mail: bsw001@gmail.com

Petr Vladimirovich Kurenkov, Doctor of Economics, Professor, Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Economics and Logistics in Transport, Samara State Transport University, Samara, Russia

ORCID ID: 0000-0003-0994-8546, **Scopus Author ID:** 57189075195

e-mail: petrkurenkov@mail.ru

Nadezhda Anatolyevna Filippova, Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Transport Telematics, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8127-9810, **Scopus Author ID:** 57206737747, **Web of Science Researcher ID:** ABD-7377-2020

e-mail: umen@bk.ru

Contribution of the authors:

Kapski D. V. – analysis of the problem, formulation of the purpose and objectives of the study, title of the article, development of the conceptual approach and theoretical part of the study, interpretation of the research results, development of recommendations and formulation of conclusions.

Bogdanovich S. V. – analysis of the results of the literature review, collection and systematization of initial data, processing of the results of the analytical review.

Kurenkov P. V. – coordination of work during the analysis of literary sources, justification of the research concept, planning of the analytical part of the study.

Filippova N. A. – generalization of research results, interpretation and formulation of research results, editing and revision of the manuscript.

The paper was submitted: 11.03.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 168: 316.74: 930.85

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-74>

«МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ» ПОЛА ФЕЙЕРАБЕНДА И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В ПОЛИТАРНУЮ ЭПОХУ¹

В. Ю. Васечко

Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется важностью осмысления и теоретической экспликации истоков и форм специфически научного познания объективной реальности, которые зарождались в цивилизациях древнего и средневекового Востока (древние Египет и Вавилон, древние и средневековые Индия и Китай, средневековый арабо-мусульманский Восток), обобщенно обозначаемых в статье как «политарные общества». Цель статьи – показать возможность и эффективность приложения концепции так называемого «методологического анархизма», разработанной американским философом Полом Фейерабендом (1924–1994), к эпистемологической деятельности, имевшей место на протяжении порядка трех тысячелетий в социумах политарного типа. В качестве основного метода исследования использовано восхождение от абстрактного к конкретному: от абстрактно-обобщенной дескрипции провозглашенных Фейерабендом методологических принципов автор переходит к конкретным реалиям эпистемологического дискурса политарной эпохи, демонстрируя релевантность этих принципов в данном измерении и плодотворность освещения политарной науки в указанном ракурсе. В качестве опорных столпов исследования выбрано три принципа-девиза Фейерабенда: 1) «Оставьте науку ученым!»; 2) «Все дозволено!»; 3) отделение науки от государства. В качестве вспомогательного метода выступает единство логического и исторического: конкретно-исторические особенности естественно-научной и математической работы в условиях политаризма предстают как более или менее выраженные индивидуализированные спецификации тех общих, универсальных критериев научной деятельности, которые пытается логически реконструировать современная философия науки и которые (как не уставал показывать Фейерабэнд) пока что весьма далеки от совершенства. В результате проведенного исследования сделаны выводы, обладающие новизной. Во-первых, обоснована сама возможность успешного применения концептов, разработанных Фейерабендом на материале истории западной науки, далеко за пределами той социокультурной сферы, с которой непосредственно имел дело американский мыслитель. Во-вторых, продемонстрировано, что те причины, которые обеспечивали, с одной стороны, успех научно-когнитивного поиска, а с другой, тормозили его и вредили ему, были, по сути, однотипными и на европейском континенте, и на политарном Востоке. В-третьих, показано, что именно обретение исследовательским сообществом субъектности, права самостоятельно формировать когнитивные приоритеты, является условием получения значимых научных новаций, причем условием, работающим в любой культуре и в любую эпоху – от древности до современности. Практическое значение проведенной автором статьи работы видится в том, что создается методологическая база для более строгой демаркации между понятиями «наука» и «прото- (пра-, до-) наука» и для квалифицированных теоретических и нравственных оценок того интеллектуального и творческого труда, который был проделан в свое время учеными древнего и средневекового Востока.

Ключевые слова: Фейерабэнд, политаризм, эпистемологический дискурс, методологический анархизм, философия и методология науки, древний и средневековый Восток.

Для цитирования: Васечко В. Ю. «Методологический анархизм» Пола Фейерабенда и эпистемологиче-

¹ Основные тезисы данной работы были впервые доложены нами на научной конференции, состоявшейся в Уральском федеральном университете: III Пивоваровские чтения «Синтетическая парадигма» (Екатеринбург, 3 ноября 2023 г.).

ский статус деятельности ученого в политарную эпоху // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 74–88. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-74>.

Original article

PAUL FEYERABEND'S «METHODOLOGICAL ANARCHISM» AND THE EPISTEMOLOGICAL STATUS OF THE SCIENTIST'S ACTIVITY IN THE POLITARY AGE

V. Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Abstract. The relevance of the article is determined by the importance of comprehension and theoretical explication of the origins and forms of specifically scientific cognition of objective reality, which originated in the civilizations of the ancient and medieval East (ancient Egypt and Babylon, ancient and medieval India and China, the medieval Arab-Muslim East), generally designated in the article as “politary societies”. The purpose of the article is to show the possibility and effectiveness of applying the concept of the so-called “methodological anarchism” developed by the American philosopher Paul Feyerabend (1924–1994) to the epistemological activity that took place over the course of about three millennia in societies of the politary type. As the main method of research, the author uses the ascent from the abstract to the concrete: from the abstract generalized description of the methodological principles proclaimed by Feyerabend, the author moves on to the concrete realities of the epistemological discourse of the politary epoch, demonstrating the relevance of these principles in this respect and the fruitfulness of the coverage of politary science from this perspective. Three principles of Feyerabend's were chosen as the supporting pillars of the study: 1) “Leave science to scientists!”; 2) “Anything goes!”; 3) separation of science from the state. The unity of the logical and the historical acts as an auxiliary method: the concrete-historical features of natural-scientific and mathematical work under the conditions of politarism appear as more or less pronounced individualized specifications of those general, universal criteria of scientific activity which modern philosophy of science tries to logically reconstruct, and which (as Feyerabend never tired of showing) are still very far from perfection. As a result of the study, the author draws conclusions that have a novelty. First of all, the very possibility of successful application of the concepts developed by Feyerabend on the material of the history of Western science, far beyond the socio-cultural sphere with which the American thinker directly dealt is substantiated. Secondly, it has been demonstrated that the reasons that ensured, on the one hand, the success of scientific and cognitive research, and, on the other hand, hindered it and harmed it, were, in fact, of the same type both on the European continent and in the politary East. Thirdly, it is shown that it is the acquisition by the research community of subjectness, the right to independently form research priorities, that is the condition for obtaining significant scientific innovations, and a condition that works in any culture and in any era - from antiquity to the present. The practical significance of the work carried out by the author of the article is seen in the fact that a methodological basis is created for a stricter demarcation between the concepts of “science” and “proto- (pre-) science” and for qualified theoretical and moral assessments of the intellectual and creative work that was done by scientists of the ancient and medieval East.

Key words: Feyerabend, politarism, epistemological discourse, methodological anarchism, philosophy and methodology of science, ancient and medieval East.

Cite as: Vasechko, V. Yu. (2024) [Paul Feyerabend's «methodological anarchism» and the epistemological status of the scientist's activity in the politary age]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 74–88. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-74>.

Введение

Одной из актуальных проблем современной истории и философии науки является концептуализация и экспликация той научно-познавательной деятельности, которая на протяжении многих веков

имела место в цивилизациях древнего и средневекового Востока (древние Египет и Вавилон, древние и средневековые Индия и Китай, средневековый арабо-мусульманский Восток), за которыми все более закрепляется название *политарных социумов*².

² Данный концепт, фигурирующий в работах выдающегося отечественного философа Ю. И. Семенова [21] (недавно, к сожалению, скончавшегося), подробно разработан, в частности, в нашей монографии [7] и ряде статей, например [8].

Относительно эпистемологической ценности и статуса той огромной работы, которая была проделана учеными, чьи имена часто так и остались неизвестными, в академической литературе нет консенсуса. Несмотря на обилие фактического материала, открытие, перевод, публикацию и комментирование все новых текстов, среди философов и эпистемологов (как зарубежных, так и отечественных) сохраняется довольно консервативное восприятие науки традиционного Востока и нежелание пересматривать устоявшиеся стереотипы, отличающиеся порой чересчур снисходительным, пренебрежительным, а то и откровенно нигилистическим отношением к ее достижениям. Такую ситуацию, по нашему мнению, нельзя считать нормальной, и в том, что она нуждается в переосмыслении и в серьезной корректировке, нет сомнения. Такое концептуальное отставание философско-эпистемологической теории от конкретно-исторической и частнонаучной эмпирии должно быть преодолено.

Однако следует с оптимизмом констатировать, что уже налицо все более решительные и все более последовательные попытки модернизировать старые концепции, истоки которых уходят в те времена (примерно XVIII–XIX века), когда на Западе мало что было известно о занятиях интеллектуалов на древнем и средневековом Востоке – Ближнем, Среднем и Дальнем. Одним из подходов, который предполагает достаточно широкий взгляд на то, чем является наука вообще, в каких конкретных формах может реализовываться научно-исследовательская деятельность и к каким ее результатам приложим эпитет «научные», является *постпозитивизм*. Хотя непосредственно труды ученых-естествоиспытателей Востока (астрономов, математиков, механиков, врачей и т. д.) не становились, как правило, предметом рефлексии мыслителей-постпозитивистов, сама их методология имплицитно предполагала включение анализа деятельности этих ученых в сферу не только истории науки, но и ее философии, психологии, социологии и др.

Одной из самых ярких фигур постпозитивистского философско-научного дискурса второй половины XX века является американский философ *Пол Фейерабенд* (1924–1994), столетие со дня рождения которого ныне отмечается. Его неординарные, нонконформистские и часто эпатажные выступления неизменно привлекали к себе внимание, причем далеко не одних профессиональных философов, и имели большой резонанс в самых широких на-

учных и околонаучных кругах. Разработанная им концепция так называемого «*методологического анархизма*», не получив поддержки со стороны признанных мэтров западной философии науки, инициировала, тем не менее, ряд острых академических дискуссий, продолжающихся и по сей день. Естественно, адекватная оценка идей Фейерабенда и в целом его подхода к сущности и смыслу того, что есть наука, требует и апробации его методологии применительно к новым эпистемологическим конструктам и предметам, вплоть до тех, которыми сам философ непосредственно не занимался. В соответствии с этим, целью настоящей статьи будет *показать возможность и эффективность приложения концепции «методологического анархизма» к эпистемологической деятельности, имевшей место на протяжении порядка трех тысячелетий в социумах политарного типа*.

Сразу же подчеркнем, что, жестко и порой излишне резко оппонируя своим современникам и коллегам, работавшим над проблемами логики и методологии научного исследования (Р. Карнап, К. Поппер, И. Лакарос, Т. Кун, Х. Патнэм, Дж. Агасси и др.³), сам Фейерабенд выстраивает свою концепцию на материале истории европейской науки, редко обращаясь к иным когнитивным традициям и иным культурам. Его энергичные призывы разрушить демаркационные линии между наукой в собственном смысле слова и всем тем, что обычно зачисляется в разряд «не-», а то и «анти-науки» (мифология, религия, магия, народное целительство, искусство и пр.), не сопровождаются обращением к тем конкретным данным, которые описывают эпистемологический (естественно-научный и математический) дискурс за пределами европейского континента. Тем интереснее и тем ценнее с эвристической точки зрения будет проследить, как работают его методологические установки применительно к науке социумов политарного Востока.

А была ли на Востоке наука?

Несмотря на большое число исследований историко-научного характера, относящихся к древним и средневековым восточным цивилизациям, отношение к их научным достижениям среди философов и эпистемологов науки остается довольно скептическим. Правда, мало кто, например, из отечественных авторов открыто апеллирует к Ф. Энгельсу, но учебные курсы по истории и философии науки, читаемые аспирантам и магистрантам, вполне вписываются

³ Здесь не будет лишним указать некоторые источники, в которых отражена напряженная полемика Фейерабенда с его соратниками по пеху, в частности: с Дж. Агасси [31], Х. Патнэмом [35, с. 113–126], И. Лакаросом [34], Э. Геллером [32], Т. Куном [33].

в его дефиниции⁴. История науки, согласно действующим рабочим программам, начинается не ранее, как с греческой античности, а об арабо-мусульманской науке средневековья имеется лишь беглое упоминание. Даже в капитальных трудах с многообещающими названиями типа «Наука в ее истории: взгляд философа» [9] изложение благополучно обходится без попыток выяснить значение тех обширных естественно-научных и математических изысканий, которые велись на Востоке.

Такой нигилизм часто выражается даже терминологически, когда *наукой* в собственном смысле считается только то, чем занимались европейские ученые, причем (по мнению некоторых), начиная лишь с Коперника, Кеплера и Галилея. «Донаука», «преднаука», «пранаука», «протонаука» – эти и им подобные термины с уничижительными префиксами применительно даже к ранним цивилизациям вызывают недоумение и несогласие у тех, кто более или менее знаком с реалиями и духовной жизнью этих обществ. Кстати, среди прочих подсистем культуры именно наука оказалась в таком странном и невыгодном положении. По отношению к другим атрибутам цивилизации этот вопрос ни у кого не возникает: иероглифы и клинопись не объявляются «протописьменностью», хотя их отличие от алфавита и многие недостатки по сравнению с ним налицо; египетскую и индийскую скульптуру, при всех ее особенностях по сравнению со скульптурой греческой и новоевропейской, не называют «предскульптурой», индийский и китайский театр – «пратеатром», древнюю музыку этих стран – «прамузыкой», а их искусство вообще – «праискусством». Вот только их науку до сих пор никак не поворачивается язык у многих авторов назвать просто «наукой».

Иногда веско указывается на то, что между до-научным уровнем нашего знания и уровнем собственно научным не могло не быть переходного периода, некоего буферного, межеумочного состояния, и в этом смысле термин «протонаука», конечно, имеет право на существование (равно как и термины «протописьменность», «протофилософия», «протомораль» и т. п.). Никто не утверждает, что наука возникла однажды сразу и целиком, одномоментно, как Минерва из головы Юпитера. Этого не было ни на Западе, ни на

Востоке. Но вряд ли стоит, основываясь на данной посылке, отодвигать возникновение науки лишь к XVI – началу XVII вв., к тому времени, когда сформировались экспериментальное естествознание, математическая физика и вообще то, что получило название ньютоновско-галилеевской картины мира. Рассуждая так, можно прийти к отрицанию статуса научности, например, за всеми теми сегментами эпистемологического дискурса, которые ограничиваются абстрактно-теоретическими построениями и не ставят непосредственной целью выход на эмпирию и чувственно-материальную верификацию. При таком взгляде даже многие современные математические дисциплины окажутся «за бортом науки», разделив здесь, впрочем, участь штудий значительной части китайских, индийских и арабских математиков (к немалой, добавим, чести для последних).

Весьма странным выглядит отрицание существования на политарном Востоке науки на фоне давно прижившихся в академическом обиходе выражений типа «Точные науки в древности», «Математика в древней Индии», «Математика Древнего Китая», «Шумеро-вавилонская математика» (мы приводим названия классических монографий О. Нейгебауэра, А. И. Володарского, Э. И. Березкиной и А. А. Ваймана)⁵. Ненормальность такого положения фиксируется не только специалистами-востоковедами, но и некоторыми авторитетами из числа тех, кого сейчас относят к направлению постпозитивизма, и потому те критерии, которые они считают обязательными для квалификации некоторого когнитивного процесса именно как научного, выходят далеко за рамки науки новоевропейской. Так, очевидно, что, когда М. Полани заявляет, что «... в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и ... эта добавка не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания», что «Страстность ученого, делающего открытие, имеет интеллектуальный характер, который свидетельствует о наличии интеллектуальной, и в частности научной ценности» и что утверждение этой ценности есть неотъемлемая часть науки [17, с. 19, 196], это будет относиться в том числе и к исследованиям и достижениям древних ученых, и не только ученых греческих, как нередко утвержда-

⁴ «Современное естествознание, – единственное, о котором может идти речь как о науке (курсив наш. – В. В.), в противоположность гениальным догадкам греков и спорадическим, не имеющим между собой связи исследованиям арабов, – начинается с той грандиозной эпохи, ... которая создала в Европе крупные монархии, сломала духовную диктатуру папы, воскресила греческую духовность» [31, с. 508] и т. д. Если во времена, когда в Европе не были известны ни вавилонская математика и астрономия, ни трактаты Бируни, ни достижения китайских ученых, данная точка зрения имела еще свое объяснение, то теперь она вряд ли может восприниматься всерьез.

⁵ «Да, науки на Востоке были, а вот Науки не было!» – таким каламбуром можно выразить позицию большой группы авторов-эпистемологов. Нам представляется, что за этой остроумно-парадоксальной, по видимости, формой скрывается не столько глубокое содержание, сколько непроработанность, аморфность и амфиболичность используемых понятий, элементарное нарушение закона тождества и формально-логическое противоречие.

ется. А когда С. Тулмин решительно возражает против отождествления «рациональности» с «логичностью» и подчеркивает, что «Рациональность науки воплощается не в теоретических системах, распространенных в определенный период времени, а в процедурах научного открытия и концептуальных изменений, действующих на всем протяжении времени» [25, с. 97], то это вполне будет характеристикой и исследовательских практик средневековых интеллектуалов типа аль-Фараби, Бируни или Омара Хайяма.

Так что совсем не будет неожиданным, если мы обнаружим немалый эвристический потенциал и в максимах Пола Фейерабенда, когда попытаемся в их свете взглянуть на науку политарного общества. Такая экстраполяция будет тем более правомерной, что и сам американский философ приветствовал подобное стирание граней и, более того, считал это одним из непереносимых условий формирования благоприятной атмосферы для плодотворного и результативного научного поиска.

Справедливости ради следует признать, что ссылок на культуру стран Востока и вообще незападных стран и народов у Фейерабенда немало. Много и уважительно отзывается он, например, о традиционной китайской медицине и призывает более внимательно, без скепсиса и нигилизма, относиться к космогонии индейцев хопи и мифологии и практикам африканских колдунов. Однако, если говорить именно о *естественной науке* за пределами Европы и Северной Америки, то упоминаний такого рода у философа совсем немного. Да, он вслед за Б. Л. ван дер Варденом и О. Нейгебауэром подчеркивает, что нелепо исключать из истории науки древнюю ближневосточную астрономию и математику только из-за того, что она слишком тесно соприкасается с мифологией, религией и астрологией⁶. Да, он ссылается на работы выдающегося британского синолога Джозефа Нидэма, автора и редактора капитального многотомного проекта «Наука и цивилизация в Китае» – правда, в основном, лишь когда речь заходит о китайской медицине [26, с. 295; 28, с. 430, 434–435].

Но, солидаризируясь, в принципе, с мнениями тех,

кто скрупулезно и специально, с непереносимым обращением к первоисточникам изучает естествознание в политарных социумах, сам Фейерабенд не углубляется в детали того, что же представляла собой традиционная наука в Египте, Вавилоне, средневековом мусульманском Востоке и других азиатских регионах, ограничиваясь здесь лишь отдельными отрывочными замечаниями. Мы не найдем у него работ, где бы феномены, связанные с этой наукой, разбирались столь же дотошно, как теория движения Аристотеля или теория импетуса, ее средневековая версия, диалоги и события из жизни так любимого им Галилея или перипетии, связанные с историей квантовой механики. Поэтому вопрос, насколько эффективно работают его «анархистские» эпистемологические установки, когда мы экстраполируем их на занятия астрономов и математиков, которым выпало жить в условиях политаризма, далеко не тривиален.

«Оставьте науку ученым!»⁷

Фейерабенд категорически против разграничения науки на ее *историю*, когда изучаются различные внешние обстоятельства, сопровождающие и обрамляющие деятельность познающего субъекта («контекст открытия»), и ее *философию*, когда задним числом выстраиваются различные спекулятивные схемы, претендующие на объяснение уже состоявшегося когнитивного акта, и вообще правила и методы, необходимые якобы для любой успешной исследовательской работы («контекст оправдания»): «... Для науки равно важны обе стороны альтернативы и им следует придавать равное значение... Мы имеем дело не с той или иной альтернативой, а с некоторой единой областью действий, которые все в равной степени важны для роста науки» [27, с. 309].

Наука, если мы ее берем не как «корпус знаний» и не как набор застывших формул, а как живую деятельность живых, креативных, заточенных на познание людей, является прежде всего частью истории, и попытки загнать ее в некие априорные, пусть и изящные и весьма презентабельные логические кон-

⁶ «Большая часть исследователей египетской, вавилонской и древнегреческой астрономии ... проявляет интерес лишь к тем фрагментам древних концепций, которые согласуются с идеологией современной науки, и пренебрегают древними космологиями и теми целями, которые объединяли эти и другие фрагменты в выразительную и впечатляющую целостность ... Единственное исключение представляет работа Б. ван дер Вардена, в которой он пишет: «В этой книге мы рассматриваем историю вавилонской астрономии и ее взаимоотношения с религией и астрологией. Этот метод позволяет нам не отрывать астрономию от того культурно-исторического контекста, которому она принадлежит» [27, с. 355 (прим.)]. См. другие упоминания Фейерабенда о ван дер Вардене: [28, с. 440, 447], а также о Нейгебауэре: [28, с. 450].

⁷ Вот как сам философ описывает причины, которые подвигли его в 1970-х гг., в период работы над книгой «Против метода» (в русском переводе – «Против методологического принуждения»), к этому призыву: «Я писал ПИМ ... отчасти для того, чтобы защитить научную практику от господства философских законов. Усвоив Эрнста Маха и изучая физику у Ганса Тирринга и Феликса Эренхафта, я пришел к твердому убеждению, что научная работа сама себе служит обоснованием и не нуждается ни в каком внешнем оправдании. Меня раздражали люди, не имевшие ни малейшего представления о сложности научного исследования и, тем не менее, полагавшие, будто они знают, как внести в него улучшения. Я считал себя кем-то вроде научного либерала, и моим боевым лозунгом было: «Оставьте науку ученым!»» [28, с. 420].

струкции ни к чему хорошему не приведут: «Попытка навязать некую универсальную истину (универсальный способ нахождения истины) приводит к бедствиям в социальной сфере и к бессодержательному формализму, соединенному с невыполнимыми обещаниями, в естествознании» [28, с. 81].

Обращаясь к той социально-политической, религиозной и бытовой конъюнктуре, в которой приходилось работать ученым эпохи политаризма, мы, действительно, обнаруживаем, что оперирование готовыми априорными схемами для описания их деятельности чревато не только непониманием ее смысла, но и неспособностью объяснить, каким образом приходили эти люди к весьма поразительным результатам. Например, вавилонские вычислители составляют подробнейшие клинописные таблицы с высокими степенями чисел 2 и 3, доходящими, соответственно, до 10- и даже 17-значных (!) чисел, а также таблицы обратных значений, где аргументами выступают шестизначные числа (которые в пересчете на десятичную нумерацию будут вообще 9- и 10-значными!). Составление таких таблиц, требуя значительных интеллектуальных усилий, явно не диктовалось потребностями тогдашней повседневной практики, и потому выглядит с современной точки зрения совершенно бессмысленной тратой времени⁸. Но не только в сугубо экстерналистской, но и в интерналистской интерпретации эти таблицы выглядят нонсенсом или, как минимум, чужеродным аксессуаром, ибо остаются непонятными их функция в познавательном процессе и характер тех эпистемологических задач, решению которых они могли бы служить.

Зато, как только мы отказываемся от поисков доступной *нашему* узкому пониманию функциональности и допускаем, что мотивом таких трудоемких экзерсисов могло быть просто желание поупражнять свои мозги, показать коллегам, на что ты способен, или вместе с ними из чисто спортивного интереса добиться максимальной точности вычислений, то создание таких таблиц уже не будет чем-то странным и загадочным. Не будет оно таковым и, если мы предположим, что вычислителей субъективно стимулировало стремление постичь волю какого-либо божества, используя для того оказавшиеся в их распоряжении матема-

тические инструменты (возможно, попавшие к людям по его же инициативе и с целью приоткрыть для них свою сущность). Вписывание этих таблиц как артефакта в некоторый осмысленный культурный контекст должно предполагать, в первую очередь, знакомство с духовным миром их создателей, который реконструируется на основании весьма широкого круга источников, среди которых собственно математические тексты наверняка займут не самое ведущее место.

Однако пафос данного фейерабендовского лозунга имеет еще одну сторону, если мы будем говорить не о новейших конструктах типа фальсификационизма Поппера или научно-исследовательских программ Лакатоса (в которые никак не вписывается практика вавилонских астрономов или арабских математиков), а о тех религиозно-мифологических «онтологиях», которые доминируют в самих политарных социумах. Та религиозная картина мира, которая сложилась в данном социокультурном хронотопе, также играет роль «некой универсальной истины», с которой призвано сообразоваться всякое знание, включая эмпирическое. Поэтому ученый, если он не желает низвести себя до роли заурядного комментатора, в очередной раз подтверждающего ныне действующее священное писание, должен действовать достаточно изобретательно и хитроумно – примерно так, как вел себя в похожих обстоятельствах Галилей, чтобы убедить и церковь, и общество в правильности своих теорий.

В рамках нашей темы стоит отметить, что аналогично действует шестью веками ранее и Бируни, защищающий право ученого на получение опытного знания и ценность последнего, но видящий при этом, что оно легко может войти в конфликт с сакральными догмами. Чтобы избежать лобового столкновения с тогдашними блюстителями чистоты религиозных истин, в котором исход был легко предсказуем, он идет косвенным путем: обращает внимание читателя на различные несообразности неисламских вер. Он критикует нелепые запреты иудейских раввинов, которые ссылаются на свой календарь, основанный на Моисеевом Пятикнижии, проницательно видя здесь закамуфлированный социальный заказ, ставящий барьеры на пути свободного исследования⁹. Он иронизирует по

⁸ «Цель составления степенных таблиц выяснить не удастся», равно как и цель приводимого древним автором алгоритма для образования обратных величин, мало пригодного для практических вычислений, – констатирует А. А. Вайман [6, с. 65, 67]. А. О. Нейгебауер поражается упорству, аккуратности и точности работы древних вычислителей, признаваясь, что сам совершил гораздо больше ошибок при проверке вычислений на клинописных табличках, чем их было в оригиналах. Зато, встречая некоторые огрехи, современный автор включается в единый когнитивный дискурс с авторами древними и лучше понимает ход их мысли: «Зачастую ошибки в тексте бывают очень полезны, потому что они являются одним из средств для установления подробностей процедуры счета, которой придерживался древний вычислитель» [16, с. 42–43].

⁹ «... Это только тенета и сети, которые жрецы расставили, чтобы уловить [простых людей] и подчинить их себе. [Они добились того], что люди ничего не предпринимали несогласно с их мнением и пускались на какое-нибудь дело только по их предначертаниям, не советуясь с кем-либо другим, словно эти жрецы, а не Аллах – властители [мира]» [5, с. 180].

поводу «всевозможных обманов и внушений» псевдо-эмпирического характера, к которым прибегают слушатели христианства ради прославления креста (типа утверждений, будто кресты в созвездии Дельфина и на разрезе дерева пионии появились лишь во время казни Иисуса) [5, с. 326–327]. Он опровергает чудеса, описываемые в житиях христианских святых, и высмеивает причуды и фантазии индийских мифов вместе с учением о переселении душ, как не согласующиеся с данными повседневного опыта (совпадающего здесь с опытом научным и элементарным здравомыслием)¹⁰.

Общий подтекст этих усилий Бируни очевиден – он совершенно тот же, что эксплицирует Фейерабенд: *оставьте науку ученым!* Не втискивайте ее в колодки метафизических конструкций, не имеющих ничего общего с тем, что говорят нам органы чувств и наше мышление! Не спешите отбрасывать данные научных наблюдений и опытов, а также выдвигаемые на их основе теории только потому, что записи в священных книгах и традиционные предания гласят нечто противоположное! И, как свидетельствует история, на протяжении нескольких веков – и до Бируни, и после – ученым Ближнего и Среднего Востока удавалось успешно отстаивать свой исследовательский плацдарм от внешних вторжений, инспирируемых мусульманскими теологами и иными враждебными науке силами. Правда, в конце концов, силы оказались неравными и, как признают историки науки, экспериментальные методы, которые описывает, например, Бируни в своем трактате по минералогии, оказались невостребованными последующими авторами именно вследствие их несовместимости с нормами шариата и явной потенциальной опасности, которую они представляли для господствующей религиозной парадигмы [20, с. 233]. Впрочем, это относится уже ко всей средневековой арабо-мусульманской науке, как эмпирической, так и теоретической, которая после потери к ней интереса со стороны политархов – султанов, шахов и эмиров – постепенно сошла к XIV–XV векам на нет¹¹.

Возвращаясь к Фейерабенду, следует указать, что его оппозиция философии носит вполне определенный характер: он не против философии как таковой, но против лишь той философии, которая ставит себя *над* наукой и произвольно диктует последней, как, что и в каком объеме ей следует делать¹². За философией однозначно признается ее право выступать против status quo: «Лично я склонен считать, что это одна из самых выдающихся функций философии: критически изучать существующие стандарты, показывать их порочность и упразднять их, предлагая новые стандарты... Эта критическая функция направлена не только против содержания обсуждаемых доктрин, но также и против преобладающих модусов дискуссии..., а также против образа жизни, общепринятого у тех, кто уже находится внутри профессии» [29, с. 317]. При этом, естественно, право на критику не является прерогативой дипломированных философов, а допускается, в принципе, за всяким, кому есть что сказать по поводу «существующих стандартов» и «общепринятого образа жизни» тех, кто стоит на их страже, по существу.

И только такой подход, собственно, может объяснить любой более или менее значимый эпистемологический прорыв: всякий шаг вперед по пути познания универсума есть отрицание прежних «стандартов», то есть догм, традиций и канонов, причем независимо от их природы – будь они внутринаучными, либо экстернальными, фундированными господствующей мифологией, религиозной практикой, деспотизмом власти, обыденными предрассудками и т. д. Наука политаризма здесь не исключение: ученый, чтобы стать автором некоей новации, не может не поставить под вопрос какие-то существенные компоненты имеющейся на сейчас системы знания, не может не отнестись к ним хоть немного критически. При этом ему нужны средства, достаточно убедительные в глазах именно тех, кто не хочет оставить ученых в покое, и поэтому тот же, в частности, Бируни, при случае

¹⁰ Например: «... Христиане – любители послушать [сказки] и считают за правду такие [рассказы], особенно если эти рассказы связаны с их верованием, и не рассматривают они [дело] со всех сторон, когда проверяют рассказы и исследуют предания» [5, с. 322].

¹¹ «...Еще задолго до Тамерлана многие правители отказывались поддерживать науку – математику, систематическую философию и другие области знания. Более поздние правители Хорезма, например, располагали практически не ограниченными ресурсами, но не считали необходимым тратить их на поддержку науки. Медицина и астрономия/астрология с трудом развивались в некоторых местах и лишь по той причине, что нужны были для поддержания здоровья правителей и предсказаний. Другие области знания забывались, а в некоторых случаях исчезали полностью...» [23, с. 485].

¹² Одной из причин такого безапелляционного произвола, подчеркивает Фейерабенд, остается невежество западных философов науки и вообще интеллектуалов: «Большинство интеллектуалов не имеет ни малейшего представления о достижениях людей, живущих вне рамок западной цивилизации. В этой области мы питались (и, к несчастью, продолжаем питаться) лишь слухами о превосходстве науки по сравнению со всем остальным» [28, с. 395]. Вряд ли стоит уточнять здесь, что к «достижениям людей, живущих (или живших) вне рамок западной цивилизации», безусловно, принадлежит и наука цивилизаций политарного типа. Как подмечает отечественный комментатор Фейерабенда, именно его искренний интерес к тематике, находящейся далеко за рамками собственно философии науки, сочетающийся с обширнейшей эрудицией, вызывает неприязненное и чересчур эмоциональное отношение к нему со стороны соратников по цеху: «Чтение вне программы – одно из ярких свойств Фейерабенда и постоянный источник раздражения для его ученых коллег» [14, с. 355].

привлекает на свою сторону даже Коран, когда нужно найти противовес силовому давлению со стороны разных непрошенных кураторов и цензоров, будь они хоть самими политархами. Так, в «Индии», прозрачно намекая на самодурство и самоуверенность таких субъектов, он напоминает им суры, где Аллах прямо осуждает произвол иных правящих особ и указывает, что есть в мире силы и посильнее их: «Все это хуже, чем слышать такие слова фараона: “Я господин ваш высочайший”¹³ и “Я не знаю для вас другого божества, кроме меня самого”¹⁴» [3, с. 246].

Итак, провозглашаемая Фейерабендом суверенность эпистемологического дискурса, самая широкая свобода его акторов в плане выбора своих исследовательских приоритетов есть необходимое условие и предпосылка научного поиска в любую эпоху, и имеющиеся у нас исторические данные относительно точных и иных наук, складывавшихся в политарных социумах, убедительно это подтверждают.

«Все дозволено!» («Anything goes!»)

Это, по Фейерабенду, «единственный принцип, не препятствующий прогрессу»: «...Не существует правила – сколь бы правдоподобным и эпистемологически обоснованным оно ни казалось, – которое в то или иное время не было бы нарушено» [27, с. 153]. Каждый шаг вперед по пути познания, если он не сводится к рутинной констатации уже известных фактов и концепций, а есть момент движения на пути раскрытия сути вещей, сопровождается борьбой мнений и интенсивной взаимной критикой. Только впоследствии, и притом обычно не окончательно, выясняется, на чьей стороне истина. И так же, как в новой и новейшей науке, в научном дискурсе эпохи политаризма этот шаг не может быть сделан, если некая группа авторитетов, а то и отдельно взятый «духовный фюрер» присваивают себе монопольное право решать, что есть истина (научная, религиозная, художественная, моральная – неважно), а что – ложь. И поэтому в отношении такой вот псевдокогнитивной установки, которую Фейерабенд едко называет «некоторой традицией, выхолощенной с помощью направленного промывания мозгов» [26, с. 63], действительно, «все дозволено». Определяя себя как «*эпистемологического анархиста*», он констатирует, что для него (равно как и для каждого здравомыслящего наблюдателя,

ретроспективно оценивающего историю науки) совершенно очевидно: «...Ее [науки. – В. В.] общепризнанное развитие ... осуществлялось лишь потому, что в пределах своей области ученые непроизвольно руководствовались анархистской философией – они добивались успеха вследствие того, что не позволяли связать себя «законами природы»» [27, с. 334]¹⁵.

Конечно, политарное общество гораздо менее, чем новоевропейское, расположено проявлять терпимость к подобным смелым вызовам. Поэтому ученый, хорошо представляя, как устроен социум – место его обитания, не обязан идти на рожон и публично озвучивать свои возражения против навязываемой ему системы истин и ценностей, оставляя за собой право «действовать по ситуации». Но там, где он «у себя», где он занят – единолично либо в составе небольшой группы соратников – решением какой-то концептуальной эпистемологической проблемы, он не может не придерживаться этого принципиального «все дозволено». Только так он освободит свою мысль от того, что Ф. Бэкон называл «идолами», и увидит вещи в истинном свете. Хотя, разумеется, масштаб этой вседозволенности не безграничен, а форма и содержание гипотез, предлагаемых для преодоления когнитивных трудностей, определяются достигнутым на данный момент уровнем понимания, их релевантностью и приемлемостью в глазах ученого сообщества.

Эпистемологическая «вседозволенность» предполагает критическое, непредвзятое отношение к тем авторитетам, которые позиционируют себя в качестве монопольных обладателей истины, в какой бы оболочке последняя ни представала – религиозной, политической, эпистемологической или иной. Так, Бируни твердо стоит на том, что без «плавки и очистки словесной руды» [4, с. 139] коммуникация между учеными не может быть нормальной и эвристически ценной. Честный служитель науки должен действовать здесь дотошно и принципиально – так, как это делает и сам Бируни: «Мне же следует «сделать пробу» этим словам со всех сторон, ибо я не отказываюсь от принятия истины, в каком бы «руднике» я ее не нашел» [4, с. 140]. Порой такой подход может представляться коллективному мнению ученых гиперкритицизмом и самонадеянностью, что выразил, например, один из современников Бируни, не поддержавший его в полемике по физическим вопросам с Ибн Синой¹⁶: Бируни, мол,

¹³ Коран, сура 79, стих 24.

¹⁴ Коран, сура 28, стих 38.

¹⁵ Ниже Фейерабенд, сделав еще раз вывод об искусственности и вреде разделения «наука – не наука», продолжает: «Если мы действительно хотим понять природу, если мы хотим преобразовать окружающий нас мир, мы должны использовать *все* идеи, *все* методы, а не только небольшую избранную их часть» [27, с. 463].

¹⁶ См. русский перевод: [2].

«дискутировал с Абу Али. Но не его дело углубляться в пучину умозрения. Каждый человек успевает лишь в том, к чему он предназначен создателем» [Цит. по: 20, с. 210]. Однако дальнейшее развитие науки показало, что Бируни, стоявший здесь на позициях опытной науки и выдвигавший аргументы, подкрепленные хорошо ему известными фактами и наблюдениями, был в своих вопросах ближе к истине, чем его не менее великий адресат, выступивший в своих ответах лишь интерпретатором и защитником натурфилософских взглядов Аристотеля.

С Бируни связан один характерный эпизод, на примере которого хорошо видно, как авторитарные окрики и навязываемые сверху стандарты мышления могут задушить в зародыше самую перспективную идею. Стоило только Бируни, сравнивавшему теории Ариабхаты и Брахмагупты, высказать мысль, что «вращательное движение Земли не порочит астрономии, а все астрономические явления протекают в согласии с этим движением» [3, с. 255], то есть, говоря современным языком, предположить равноправность гео- и гелиоцентрического описания наблюдений за небесными светилами, как не только богословы, но и практически весь ученый мир исламского Востока дружно расценил это как, по меньшей мере, странность выдающегося ума или, во всяком случае, идею, не заслуживающую серьезного обсуждения и пребывающую за рамками астрономической науки. Так, спустя два века после Бируни марокканский астроном и математик аль-Маракиши искренне удивлялся, как мог тот усомниться в правильности геоцентрической системы, когда ее придерживались такие научные авторитеты, как Птолемей, ар-Рази и даже великий современник Бируни Ибн Сина [22, с. 47].

Описанный казус хорошо согласуется с одним из следствий фейерабендовского «Anything goes!», а именно с защитой права на существование маргинальных идей и традиций, не вписывающихся на данный момент в господствующую парадигму и потому подвергающихся разнообразным гонениям, притеснениям, замалчиванию и пр. Автор «Науки в свободном обществе» убежден, что вопрос об истинности подобных идей никак не должен решаться силовыми средствами, пусть это даже сила общественного мнения воображаемого консилиума авторитетных ученых: «Традиции порой устраняются благодаря силе, а не в результате

«автономного» естественного развития. Ценное знание может быть уничтожено давлением внешних обстоятельств, а не тем, что была обнаружена его порочность ... Мир, в котором мы живем, имеет много сторон, аспектов много потенциальных возможностей. Сомневающиеся, маргинальные мыслители, мечтатели, утописты *имеют реальный шанс* (а не только логическую возможность) сделать открытие, до которого не могут дотянуться признанные традиции» [26, с. 242]¹⁷.

Как видим, попытка Бируни поставить под сомнение тогдашнюю гегемонию геоцентризма не получила отклика и развития даже среди его товарищей по научному цеху и вообще оказалась забытой на много веков, как и идея Ариабхаты, высказанная несколькими веками раньше. Однако очевидно, что при иных обстоятельствах эта идея, предполагавшая радикальный пересмотр отношения к «самоочевидным» чувственным данным, вполне могла бы рассчитывать на более благоприятный прием и имела куда более благоприятные перспективы. Если бы во времена политаризма сами ученые мыслили свободнее (больше бы «дозволяли» друг другу и меньше склонялись перед авторитетами), то гелиоцентризм, возможно, вошел в астрономический дискурс, хотя бы в качестве достойной обсуждения гипотезы, лет на 500 раньше системы Коперника.

История восточных цивилизаций дает нам немало примеров и того, как вполне презентабельная и сравнительно успешная традиция, причем далеко не истратившая свой эвристический потенциал, либо низводилась до маргинального уровня, либо вообще изгонялась из эпистемологического дискурса. И причиной тому, как правило, становились внешние обстоятельства – внешние по отношению к данному политическому режиму вообще или же по отношению к данному состоянию науки, в частности. Традиция гибла не потому, что она морально устаревала и уже не соответствовала ушедшей вперед научной теории и эмпирической практике, а просто по причине мощного социально-политического катаклизма или хотя бы резкой переориентации правящей элиты на новые ценности.

Особенно богата на события такого рода история Китая. После падения одной династии и установления на ее обломках другой утрачивались, и порой безвозвратно, многие специальные знания, и ученые нового поколения вынуждены были начинать чуть ли не с нуля. Математические книги, которые когда-то

¹⁷ В более поздней работе Фейерабенд формулирует следующий тезис, который играет роль логико-методологической и морально-психологической опоры для концепций, оказавшихся на текущий момент в стороне от эпистемологического мейнстрима: «Для каждого утверждения (теории, концепции), которое с хорошим основанием считается истинным, *могут найтись* аргументы, показывающие, что либо противоположное утверждение, либо его более слабая альтернатива истинны» [28, с. 97]. А ниже предлагает данный тезис еще и усилить посредством модального перехода от возможности к действительности: «Для каждого утверждения, теории, точки зрения, которые приняты (считаются истинными), *существуют* аргументы, показывающие, что конкурирующая альтернатива по крайней мере столь же хороша, а может быть, даже лучше» [28, с. 100].

считались настолько доступными, что входили в программу для подготовки к государственным экзаменам для получения звания *шэньши*, оказывались слишком сложными для нового поколения соискателей, изымались из программ, а потом и вообще терялись¹⁸. Множество географических карт, составленных в 1405–1433 годах на основе семи дальних морских экспедиций под руководством евнуха Чжэн Хэ, доходившего до восточного побережья Африки, было уничтожено потому лишь, что императорский двор (причем при правлении той же самой династии Мин) посчитал, что такие плавания разорительны для государства, что пользы от них нет, а сами карты содержат лживые сведения [11, с. 246]. После того, как при династии Цин при дворе закрепились иезуиты во главе с Фердинандом Вербистом, Пекинская обсерватория в 1679 году была не просто переоборудована по последнему слову техники, но фактически исчезла, поскольку от аппаратуры ее почти ничего не осталось¹⁹.

Пол Фейерабенд с сочувствием описывает, как прекращают существование традиционные культуры (мифологии, обычаи, методы целительства и т. д.) под неудержимым напором западной цивилизации, и решительно отстаивает их право на самобытность, параллельно ратуя за необходимость тщательного, объективного их изучения и выяснения того, нет ли у них «своей правды», своих существенных достоинств, позволивших им более или менее эффективно функционировать в течение многих веков. Эту установку философа вполне уместно обратить и на традиционную науку стран Востока: чтобы понять, как она работала и чего достигла, следует, во-первых, признать ее собственные, аутентичные методы «дозволенными», то есть вполне адекватными тем целям, которые ставили перед собой ученые того времени, а во-вторых, не ограничиваться в изучении точных наук политарного строя наперед заданными шаблонами нынешней эпистемологии, а использовать здесь все богатство мето-

дов, которые находятся в распоряжении современных научных дисциплин – и естественных, и социально-гуманитарных, и философских²⁰.

Отделение науки от государства

«Наука является одной из множества идеологий и ее следует отделить от государства так, как ныне отделена от него Церковь» [26, с. 157]. Сращивание науки с государством, по Фейерабенду, представляет собой угрозу для научного прогресса, по крайней мере, в двояком отношении. Оказавшись в подчинении у государственных чиновников, ученые, во-первых, обрекают себя на примитивный, узколобый практицизм, на решение лишь тех прикладных задач, которые ставит перед ними всеильный заказчик в лице госаппарата, произвольно определяющего приоритеты исследовательской работы. Во-вторых, ученые оказываются скованными еще и в теоретическом плане, поскольку всякое государство руководствуется, по выражению Фейерабенда, «мифами сегодняшнего дня», отдавая предпочтение какой-либо одной школе или системе воззрений и всевозможными способами (хотя бы путем лишения финансирования или ограничения доступа к преподаванию и публикациям) подавляя альтернативные школы и воззрения. Классический пример, своего рода вырожденный, предельный случай – это школа Лысенко в советской биологии 1930–1950-х гг. [27, с. 364, 462–463], но с аналогичным административным диктатом, пусть и в ослабленной форме, приходится сталкиваться ученым и в демократических странах.

«Управленцев необходимо сдерживать, им не дозволено вмешиваться в занятия людей мыслящих и (как я надеюсь) побуждающих мыслить других» [29, с. 315–316], – настаивает философ и предупреждает еще о том, что опасность науке грозит не только от государства с его близоруким прагматизмом и алчными запросами военно-промышленных структур²¹, но и со

¹⁸ Речь идет о книге Цзу Чжи (429–500) «Чжуй шу» («Методы интерполяции»). На протяжении ряда веков эпохи Тан (VII–X вв.) она считалась вполне доступной для среднеобразованного человека и фигурировала в программах императорских экзаменов первой ступени. Однако при новой династии Сун она уже с трудом воспринималась даже экзаменаторами и в XI веке была изъята из программ, а вскоре и окончательно утрачена [12, с. 54].

¹⁹ «Астрономические инструменты эпох Юань и Мин были сняты и разобраны, а взамен установлен комплект инструментов, разработанных на основе идей европейской науки. По предложению Вербиста большая часть старых астрономических инструментов была переплавлена на металл, что, по сути, означало прекращение существования традиционной китайской астрономии» [13, с. 88].

²⁰ Вот еще одно принципиальное высказывание Фейерабенда, которое в полном объеме следует отнести и к политарной науке: «Мы должны согласиться с тем, что многие ценности и многие культуры прекратили свое существование, они были уничтожены и теперь едва ли кто-либо помнит о них. Однако это не означает, что мы ничему не можем у них научиться» [28, с. 397].

²¹ Есть, к сожалению, сейчас среди ученых мужей и такие, которые сами идут навстречу военным и уже почти не видят грани, где кончаются интересы науки и начинаются интересы ВПК: «Сегодня многие ученые активно выступают за ядерное разоружение. Однако есть и другие ученые, для которых интересы научного исследования выше разрядки напряженности между странами ... Стремление ученых продолжать играть в свою научную игру наиболее простым и эффективным образом оказывается выше вопросов мира и выживания человечества ... Западная цивилизация ныне так высоко ценит эффективность, что иногда высказываемые этические возражения кажутся «наивными» и «ненаучными». Эта цивилизация многими своими чертами напоминает «дух Освенцима»» [28, с. 429].

стороны все больше сращивающегося с государством бизнеса: «...Сегодня многие ветви науки превратились в бизнес и их целью теперь является не поиск истины с помощью самокоррекции (если это и было когда-то целью), а поиск денег. Упадок представляется как успех в достижении именно этой цели, повсеместно воцаряются ложь и саморазрушение» [26, с. 364].

Рассмотрение реалий политаризма под таким углом зрения свидетельствует, что в этом вопросе далеко не все так однозначно. Бесспорно, были такие масштабные научные проекты, которые в этом обществе никак не могли быть реализованы без поддержки и активного участия государства. Без материальной и финансовой помощи из казны правителей невозможно было бы организовать экспедиции по измерению длины градуса земного меридиана – в Китае эпохи Тан (725 г., руководитель – Нань Гуншо) и на Ближнем Востоке примерно веком позже (инициатор и спонсор – халиф аль-Мамун). Астрономы не смогли бы получить в свое распоряжение богатейший эмпирический материал, если бы не функционировали продолжительное время успешные государственные обсерватории – такие, как в Исфахане и Мараге (Иран), в Самарканде (построена в XV в. Улугбеком), Чжоугунская, Пекинская и Тайчэнская (Нанкин) в Китае [24, с. 94–96, 102–103]. Благодаря немалым субсидиям китайских императоров, веривших в возможность обретения физического бессмертия, даосские алхимики фактически имели карт-бланш на приобретение любых нужных реактивов и организацию крупных лабораторий, в которых получали самые разнообразные экспериментальные данные. В государственных библиотеках сосредотачивалась практически вся научная литература, имевшаяся в стране на данный момент, а иногда и доставленная сюда из далеких краев.

В то же время, Фейерабенд, конечно, прав в том отношении, что благоволение ученым мужам, которым отличались отдельные правители и целые их династии, редко когда бывало бескорыстным. Исследования в государственных учреждениях типа «домов жизни» в Египте времен фараонов, «домов мудрости» в Халифате или академии Ханьлинь [18; 19], функционировавшей в Китае с 738 г. вплоть до революции 1911 г., находились под строгим надзором правитель-

ственных уполномоченных, ставивших перед учеными вполне конкретные задачи и придирчиво контролировавших расходование выделяемых средств. Более того, сама работа здесь велась, как правило, в режиме повышенной секретности, что препятствовало свободной коммуникации между учеными, а полученные результаты оседали в спецхранах и оказывались вне зоны живого эпистемологического дискурса²². Поэтому неудивительно, что кпд такого поиска оказывался весьма низким и, во всяком случае, несопоставимым с объемом тех ресурсов, которыми обеспечивались подобные заведения.

Аналогичная ситуация сложилась и на мусульманском Востоке. Если в IX–XII вв. ученым здесь еще удавалось успешно сочетать теорию с практикой, доказывая свою нужность правителям и высвобождая себе время и возможности для занятий фундаментальными проблемами, то в дальнейшем делать это им приходилось со все большим трудом. После опустошительного монгольского завоевания XIII века точные науки еще продолжали по инерции развиваться, но уже лишь потому, что монгольские ханы, убеждаемые интеллектуалами-советниками типа выдающегося математика ат-Туси, поддерживали их вследствие практического значения [1, с. 134]. Но этой поддержки вкупе с популярными еще заказами на гороскопы хватило ненадолго, да и само тотальное подчинение теории практике с решительным приматом прикладной науки²³ достаточно быстро привело к исчезновению на арабо-мусульманском Востоке не только науки теоретической, но и науки вообще.

Таким образом, если не абсолютизировать вышеуказанный призыв Фейерабенда, а рассматривать его конкретно-исторически, то рациональный смысл его налицо. Сделка ученого с государством оказывается палкой о двух концах. Способствуя, безусловно, решению тех научных проблем, которые требуют мощной финансовой и материальной поддержки, она одновременно ставит науку в зависимое положение просителя и прислуги. Чем более содержание и направление исследований диктуются двором, вельможами и вообще различными влиятельными персонами, тем менее свободен ученый в выборе эпистемологических приоритетов. И в этих условиях в более выигрышном положении оказываются, как ни парадоксально, те отрасли знания (например, математика), которые почти

²² Как подчеркивает современный исследователь естественных наук в императорском Китае, частные лица здесь вообще были лишены права изучать, например, астрономию: «Не санкционированное властью занятие астрономией ... могло рассматриваться как попытка создания каких-либо новых неортодоксальных астрономических теорий или изменения календаря с целью свержения династии. Такой подход тормозил развитие астрономии, но исправно служил политическим целям» [10, с. 103].

²³ «Многие важные результаты не получили теоретического развития в трудах более поздних восточных математиков», поскольку «после XIII в. интересы математиков стран ислама все более направляются на решение практических задач... Практические вопросы постепенно оттесняли на задний план чисто теоретические проблемы» [15, с. 263].

ничего не требуют от государства и потому не обязаны отчитываться перед ним за полученные гранты и преференции. Именно такое невнимание со стороны государева ока порой становится для этих дисциплин подлинным благом.

Заключение

Итак, близкое знакомство с теми условиями, в которых осуществлялся научный поиск в политарных социумах, показывает, что сформулированные Полом Фейерабендом критерии вполне релевантны для объяснения и выявления тех причин, которые, с одной стороны, обеспечивали эффективность и результативность этого поиска, а, с другой, тормозили научно-когнитивные процессы, делая иногда эвристическую деятельность практически невозможной. По сути, именно те факторы, которые сформировали

благоприятную конъюнктуру для исследовательской работы на европейском континенте, начиная с эпохи Возрождения, играли аналогичную позитивную роль и ранее, на протяжении многих веков, на политарном Востоке. И то же самое следует сказать о факторах негативных и деструктивных. Там, где ученый мир смог обрести более или менее прочную субъектность, организовать как самостоятельное исследовательское сообщество, вероятность получения значимых научных открытий резко повышалась. И наоборот, там, где обстоятельства превращали талантливую личность в своего рода ученую обслугу, в агента по решению заурядных задачек рецептурно-прикладного характера, серьезный эпистемологический дискурс, в целом, оказывался в застое, быстро деградировал и прекращался.

Литература

1. Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения. – Т. 2, ч. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 23–196.
2. Бируни и Ибн Сина. Переписка (Абу Райхана и Абу Али Ибн Сина). – Ташкент: Фан, 1973. – 36 с.
3. Бируни А. Индия: Пер. с араб. – М.: Ладомир, 1995. – 727 с.
4. Бируни А. Р. Избранные произведения. – Т. III. Геодезия. – Ташкент: Фан, 1966. – 361 с.
5. Бируни А. Р. Избранные произведения. – Т. I. Памятники минувших поколений. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 488 с.
6. Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика III – I тыс. до н. э. – М.: Изд. вост. лит-ры, 1961. – 280 с.
7. Васечко В. Ю. Наука в политарном обществе: приключения и судьбы ученых в цивилизациях древнего и средневекового Востока: монография. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 373 с. – <https://doi.org/10.12737/1831655>.
8. Васечко В. Ю. Ученый в политарном социуме: сопряженность профессионального и смысложизненного дискурса // Дискурс-Пи. – 2017. – № 2 (27). – С. 48–57. – EDN: YLUPCT.
9. Визгин В. П. Наука в ее истории: взгляд философа. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 696 с.
10. Еремеев В. Е. Астрономия // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 102–139.
11. Еремеев В. Е. География // Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 226–248.
12. Еремеев В. Е. Математика // Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 52–95.
13. Еремеев В. Е. Символы и числа «Книги перемен». – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Ладомир, 2005. – 600 с.
14. Зацепин В. Философское наследие Пола К. Фейерабенда // Фейерабенд П. Убийство времени: автобиография. – М.: Rosebud Publishing, 2020. – С. 345–362.
15. Матвиевская Г. П. Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. – Изд. 2 – М.: URSS, 2012. – 344 с.
16. Нейгебауер О. Точные науки в древности / Пер. с англ. Е. В. Гохман. – 2 изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
17. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
18. Попова Л. В. Ханьлинь // Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. – Т. 1. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 475.
19. Попова Л. В. Академия Ханьлинь – важнейший орган государственного управления Китайской империи // Материалы XXIV НК ОГК. Ч. 1. – М.: Вост. лит., 1993.
20. Розенфельд Б. А., Рожанская М. М., Соколовская З. К. Абу-р-Райхан ал-Бируни: 973–1048: монография. – М.: УРСС, 2014. – 272 с. – EDN: STFCZP.
21. Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: философско-исторические очерки. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 376 с.

22. Сираждинов С. Х., Матвиевская Г. П., Ахмедов А. Математика и астрономия у Беруни. – Ташкент: Фан: 1973. – 48 с.
23. Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблшер, 2017. – 574 с.
24. Старцев П.А. Очерки истории астрономии в Китае / Под ред. проф. В. П. Щеглова. – М.: Физматгиз, 1961. – 156 с.
25. Тулмин Ст. Человеческое понимание / Пер. с англ. З. В. Кагановой. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.
26. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 378 с.
27. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова. – М.: Прогресс, 1986. – С. 125–466.
28. Фейерабенд П. Прощай, разум / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 480 с.
29. Фейерабенд П. Убийство времени. Автобиография / Пер. с англ. В. Зацепина. – М.: Rosebud Publishing, 2020. – 368 с.
30. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 339–626.
31. Feyerabend P. K., Agassi J. (1976) Comments and replies. *Philosophia* 6, pp. 177–191. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF02383264> (accessed: 08.12.2023).
32. Gellner E. (1975) Beyond Truth and Falsehood, *British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 26, pp. 331–342.
33. Hoyningen-Huene P. (2002) Paul Feyerabend und Thomas Kuhn, *Journal for General Philosophy of Science*. Vol. 33, pp. 61–83.
34. Motterlini M. (ed.) (1999) *For and Against Method: Imre Lakatos and Paul Feyerabend*, University of Chicago Press, 451 p.
35. Putnam H. (1981) *Reason, Truth and History*, Cambridge, pp. 113–126.

References

1. Bartol'd, V. V. (1964) [Ulugbek and his time]. *V. V. Bartol'd. Sochineniya* [V. V. Bartold. Works]. Vol. II (2). Moscow: Science, pp. 23–196.
2. Beruni i Ibn Sina (1973) *Perepiska* [Correspondence]. Tashkent: Fan, 36 p.
3. Biruni, A. R. (1995) *Indiya* [India]. Moscow: Lodomir, 727 p.
4. Biruni, A. R. (1966) [Defining the boundaries of places to clarify the distances between settlements]. A. R. Biruni. *Izbrannye proizvedeniya* [A. R. Biruni. Selected works]. Vol. III. Tashkent: Fan, 361 p. (In Russ.).
5. Biruni, A. R. (1957) [Monuments of past generations]. A. R. Biruni. *Izbrannye proizvedeniya* [A. R. Biruni. Selected works]. Vol. I. Tashkent: AN UzSSR Publishing House, 488 p. (In Russ.).
6. Vajman, A. A. (1961) *Shumero-vavilonskaya matematika III – I tys. do n. e.* [Sumerian-Babylonian Mathematics of the III – I Millennia BC]. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 280 p.
7. Vasechko, V. Yu. (2022) *Nauka v politarnom obshchestve: priklyucheniya i sud'by uchenyh v civilizatsiyah drevnego Vostoka* [Science in politary society: Adventures and destinies of scientists in the civilizations of the Ancient East]. Moscow: INFRA-M, 373 p.
8. Vasechko, V. Yu. (2017) [Scientist in politary society: conjugation of professional and meaningful life discourse]. *Diskurs-Pi*. Vol. 2 (27), pp. 48–57. (In Russ.).
9. Vizgin, V. P. (2020) *Nauka v ee istorii: vzglyad filosofa* [Science in its history: a philosopher's view]. Moscow: Publishing House YaSK, 696 p. (In Russ.).
10. Ereemeev, V. E. (2009) [Astronomy]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Oriental Literature Publishing House, pp. 102–139. (In Russ.).
11. Ereemeev, V. E. (2009) [Geography]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Oriental Literature Publishing House, pp. 226–248. (In Russ.).
12. Ereemeev, V. E. (2009) [Mathematics]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Oriental Literature Publishing House, pp. 52–95. (In Russ.).
13. Ereemeev, V. E. (2005) *Simvoly i chisla «Knigi peremen»* [Symbols and numbers of the Book of Changes]. Moscow: Lodomir, 600 p.
14. Zacepin, V. (2020) [The Philosophical legacy of Paul K. Feyerabend]. P. Fejerabend. *Ubijstvo vremeni*

[P. Fejerabend. Killing Time]. Moscow: Rosebud Publishing, pp. 345–362. (In Russ.).

15. Matvievskaya, G. P. (2012) Uchenie o chisle na srednevekovom Blizhnem i Srednem Vostoke [The doctrine of number in the Medieval Middle East]. Moscow: URSS, 344 p.

16. Nejgebauer, O. (2003) Tochnye nauki v drevnosti [The Exact Sciences in Antiquity]. Moscow: Editorial URSS, 240 p.

17. Polani, M. (1985) Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Moscow: Progress, 1985, 344 p.

18. Popova, L. V. (2006) [Hanlin]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature Publishing House, p. 475. (In Russ.).

19. Popova, L. V. (1993) [Hanlin Academy is the most important organ of state administration in the Chinese Empire]. Materialy XXIV NK OGK [Proceedings of the XXIV scientific conference «Society and State in China»]. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature Publishing House. (In Russ.).

20. Rozenfel'd, B. A., Rozhanskaya, M. M., Sokolovskaya, Z. K. (2014) Abu-r-Rajhan al-Biruni. 973 – 1048 [Abu'r Rayhan al-Biruni. 973–1048]. Moscow: URSS, 2014, 272 p.

21. Semenov, Yu. I. (2011) Politarnyj («aziatskij») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii [The polity («Asian») mode of production: essence and place in the history of mankind and Russia]. Moscow: LIBROKOM Publishing House, 376 p.

22. Sirazhdinov, S. H., Matvievskaya, G. P., Ahmedov, A. (1973) Matematika i astronomiya u Beruni [Mathematics and Astronomy at Beruni's]. Tashkent: Fan, 48 p.

23. Starr, S. F. (2017) Utrachennoe Prosveshchenie: Zolotoj vek Central'noj Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana [Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane]. Moscow: Alpina Publisher, 574 p.

24. Starcev, P. A. (1961) Ocherki astronomii v Kitae [Essays on Astronomy in China]. Moscow: Fizmatgiz, 156 p.

25. Tulmin, S. (1984) Chelovecheskoe ponimanie [Human Understanding]. Moscow: Progress, 328 p.

26. Fejerabend, P. (2010) Nauka v svobodnom obshchestve [Science in a Free Society]. Moscow: AST: AST MOSCOW Publishing, 378 p. (In Russ.).

27. Fejerabend, P. (1986) [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. P. Fejerabend. Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]. Moscow: Progress, pp. 125–466. (In Russ.).

28. Fejerabend, P. (2010) Proshchaj, razum [Farewell to Reason]. Moscow: AST: Astrel Publishing, 480 p. (In Russ.).

29. Fejerabend, P. (2020) Ubijstvo vremeni: avtobiografiya [Killing Time: An Autobiography]. Moscow: Rosebud Publishing, 368 p.

30. Engel's, F. (1961) [Dialectics of Nature]. *Marks K. i Engel's F. Sochineniya, 2-e izd.* [Marx K. and Engels F. Works, 2nd edition]. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat, pp. 339–626. (In Russ.).

31. Fejerabend, P. K., Agassi J. (1976) Comments and replies. *Philosophia* 6, pp. 177–191. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF02383264> (accessed: 08.12.2023). (In Eng.).

32. Gellner, E. (1975) Beyond Truth and Falsehood, *British Journal for the Philosophy of Science*, vol. 26, pp. 331–342. (In Eng.).

33. Hoyningen-Huene, P. (2002) Paul Fejerabend und Thomas Kuhn, *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 33, pp. 61–83. (In Eng.).

34. Motterlini, M. (ed.) (1999) *For and Against Method: Imre Lakatos and Paul Fejerabend*, University of Chicago Press, 451 p. (In Eng.).

35. Putnam, H. (1981) *Reason, Truth and History*, Cambridge, pp. 113–126. (In Eng.).

Информация об авторе:

Вячеслав Юрьевич Васечко, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1808-4404, **ResearcherID:** K-2505-2018

e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 27.01.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vyacheslav Yurievich Vasechko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1808-4404, **Researcher ID:** K-2505-2018

e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

The paper was submitted: 27.01.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья
УДК 101.3:316.64

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-89>

УНИВЕРСАЛИЗМ И ПАРТИКУЛЯРИЗМ: ФИЛОСОФСКИЕ ДИСКУССИИ ОБ ИЗУЧЕНИИ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ

А. В. Думов

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
e-mail: avdumov@inbox.ru

В. И. Кудашов

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия
e-mail: vkudashov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуально осуществляющихся философских дискуссий о сущности и специфических чертах конспирологического убеждения, цель которых состоит в формулировании его релевантных определений. Стороны обсуждения группируются вокруг двух условно выделяемых позиций, обозначаемых терминами «универсализм» («генерализм») и «партикуляризм» («минимализм»). Цель статьи – раскрыть содержание основных направлений философского обсуждения вопроса о предпочтительном пути теоретизации конспирологических убеждений. Специфика целевой установки представленного в статье исследования определяет и ключевой метод его осуществления: им является сравнительный анализ. Партикуляризм и универсализм соотносятся с точки зрения взглядов их представителей на генезис содержания конспирологических убеждений, характерных механизмов обоснования таковых убеждений, ряда социально-эпистемологических проблем, возникающих в связи с исследованием конспирологических убеждений. На основе осуществленного компаративного анализа делаются выводы об адекватности самого разграничения теоретических позиций в обсуждении конспирологии с помощью дихотомии «универсализм – партикуляризм». Новизна представленных выводов заключается не только в освещении содержания философских дискуссий вокруг вопросов теоретизации конспирологических убеждений, но и в критическом анализе представлений об оппозиции партикуляризма и универсализма. Практическое значение проведенного исследования заключается в выявлении ограничений концептуального аппарата, используемого для обсуждения философской рефлексии конспирологических убеждений.

Ключевые слова: конспирологическое убеждение, партикуляризм, универсализм, социальная эпистемология, определение конспирологической теории, заговор, детерминанты конспирологического мышления.

Для цитирования: Думов А. В., Кудашов В. И. Универсализм и партикуляризм: философские дискуссии об изучении конспирологических убеждений // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 89–97. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-89>.

Original article

UNIVERSALISM AND PARTICULARISM: PHILOSOPHICAL DISCUSSIONS ABOUT RESEARCHING OF CONSPIRACY BELIEFS

A. V. Dumov

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
e-mail: avdumov@inbox.ru

V. I. Kudashov

Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: vkudashov@mail.ru

Abstract. In this article, the authors review current philosophical discussions about the essence and specific features

of conspiracy beliefs, the purpose of which is to formulate its relevant definitions. The parties to the discussion are grouped around two conventionally distinguished positions, designated by the terms «universalism» («generalism») and «particularism» («minimalism»). The purpose of the article is to reveal the content of the philosophical discussion of the question about preferable way to theorize conspiracy beliefs. The purpose of the study determines the choice of comparative analysis as a key method. Particularism and universalism are compared by the authors from the point of view of the views of their representatives on the genesis of the content of conspiracy beliefs, the characteristic mechanisms for justifying such beliefs, and a number of socio-epistemological problems that arise in connection with the study of conspiracy beliefs. Based on the comparative analysis carried out, the authors draw conclusions about the adequacy of the very distinction between theoretical positions in the discussion of conspiracy theories using the dichotomy «universalism – particularism». The novelty of the presented conclusions lies not only in highlighting the content of philosophical discussions around the issues of theorization of conspiracy beliefs, but also in the critical analysis of ideas about the opposition of particularism and universalism. The practical significance of the study is to identify the limitations of the conceptual apparatus used to discuss the philosophical reflection of conspiracy beliefs.

Key words: conspiracy belief, particularism, universalism, social epistemology, definition of conspiracy theory, conspiracy, determining factors of conspiracy thinking.

Cite as: Dumov, A. V., Kudashov, V. I. (2024) [Universalism and particularism: philosophical discussions about researching of conspiracy beliefs]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp, 89–97. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-89>.

Введение

Термины «конспирология», «конспирологическая теория», «конспирологическое мышление» часто употребляются в контексте как специализированного, так и обыденного обсуждения определенных взглядов на события и процессы социальной реальности. В качестве ключевой черты подобных взглядов, вероятнее всего, стоит рассматривать даже не саму убежденность в существовании заговора, тайного соглашения как действительной причины реализации определенных социальных событий, а набор установок эпистемического поведения, к которым могут быть отнесены убежденность в сокрытости действительных причин этих событий, в содержательной ограниченности их официальных и вообще распространенных объяснений, стремление к поиску альтернативных сведений и объяснительных моделей, реже – к осуществлению собственного исследования. Также в качестве общей черты конспирологических убеждений стоит выделить склонность к объяснению социальных явлений в терминах действия определенных сил, каковыми чаще всего являются обладающие влиянием и ресурсом власти группы лиц, характеризующиеся деятельной заинтересованностью в достижении некоего положения дел. В большинстве случаев характеристика некоего убеждения как конспирологического носит негативный характер: она ассоциируется с «альтернативностью», «неофициальностью», «необоснованностью» его содержания и даже с определенного рода когнитивной дисфункциональностью носителей подобных убеждений.

Нарастающая неопределенность настоящего положения дел и сложность прогнозирования будущих событий, явления социальной дестабилизации и разно-

родные кризисы приводят к активизации распространения конспирологических убеждений: в социологической [1] и психологической [17] литературе представлено множество доказательных исследований существования такой взаимосвязи. Рост популярности конспирологических идей и воззрений вызывает и возрастание исследовательской активности, направленной на всестороннее изучение таковых. Исследовательский интерес к конспирологическим теориям во многом обусловлен и наличием социального заказа на осуществление подобных исследований в силу существования обоснованных позиций о негативных последствиях распространения конспирологических убеждений для личности и общества (в частности, в ряде ситуаций возникает возможность говорить о связи конспирологических убеждений с социальным радикализмом, политическим и религиозным экстремизмом [16], но в настоящем рассмотрении мы не имеем возможности осветить вопрос о том, какие социальные и личностные риски несет с собой распространение конспирологических убеждений).

Интенсификация исследований конспирологии социальными и психологическими дисциплинами приводит к возникновению ряда философских проблем, связанных с теоретизацией различных явлений, относимых к ней, с выработкой концептуального аппарата для обсуждения конспирологических убеждений и аспектов социального поведения их носителей, наконец, с определением границ самого предмета обсуждения. В обсуждении вопроса о том, каковы специфические характеристики конспирологических убеждений и их систем выделяется две философских позиции – универсализм (генерализм) и партикуляризм (минимализм) [7, р. 2–3]. Сущность первой заключается

в том, что системы конспирологических убеждений рассматриваются в качестве необоснованных, некорректных объяснений. Для второй позиции характерно внимание к каждому конкретному случаю возникновения и развития неких тематически объединенных конспирологических убеждений. Если универсалист полагает, что данные убеждения следует обсуждать как примеры дисфункции рациональности, то для партикуляриста такой способ видения представляется опрометчивым: он полагает, что для того, чтобы сделать вывод об иррациональности эпистемического поведения сторонника конспирологического взгляда, необходимо обратиться к генезису и условиям возникновения этого взгляда.

Прежде чем обратиться к рассмотрению содержания дискуссий между представителями универсализма и партикуляризма и более детальному анализу данных позиций, следует обратить внимание на существующую проблему терминологической неоднородности контекстов научного и философского обсуждения конспирологии. Мы предполагаем, что эта неоднородность находится во взаимосвязи с теоретическими разногласиями относительно способов понимания и исследования предмета обсуждения.

Терминологическая неоднородность обсуждения конспирологии

При ознакомлении с содержанием исследований, посвященных конспирологии, легко можно обратить внимание на то, что термины, используемые для выделения ключевого предмета обсуждения, нередко могут варьироваться. Чаще всего речь идет о «конспирологических теориях», «конспирологическом мышлении» и «конспирологических убеждениях». Употребление данных терминов редко сопровождается теоретическими пояснениями, призванными раскрыть положение обсуждаемого предмета в картине мира отдельных социальных наук или философии, их содержание полагается очевидным. Однако осуществление такого рода предварительного прояснения представляется необходимым, поскольку в его отсутствии многие теоретические и мировоззренческие установки исследования оказываются непроявленными. Более того, отсутствие рефлексии практики использования терминологических единиц зачастую может приводить к их некорректному применению, а неосмысленность содержания привлекаемых концептуальных единиц может приводить к появлению ошибок и неточностей.

Наиболее неоднозначным (и не вполне удачным) из применяемых в контексте обсуждения конспирологии терминов является термин «*конспирологическая теория*» («*теория заговора*»). Очевидно, что термин

«теория» может применяться к системам положений, выражающих конспирологические убеждения, только по аналогии. Продуктивность этой аналогии ограничивается только тем, что подобные системы положений, как и научные теории, имеют объяснительную функцию (для того, чтобы реализовать ее, теория, по выражению Р. Харре [12, с. 24], должна описывать пути возникновения явлений, выявлять механизмы их природы) и претендуют на фиксацию ключевых закономерностей рассматриваемого явления [4, с. 5]. Конспирологические теории не отвечают требованиям, предъявляемым к оценке теории: нередко они даже могут не иметь действительных эмпирических подтверждений, а их логическая структура может быть существенно проблематичной и содержать в себе разного рода ошибки (что обуславливает и синтаксическое несоответствие таких теорий уровню научных). Более того, конспирологическим теориям не свойственны характерные для научных теорий явления пересмотра: как правило, «пересмотр» конспирологической теории представляет собой адаптацию ее положений (зачастую неоднородных с точки зрения их генезиса) к изменившемуся набору данных о событии или явлении.

Перечень формальных и содержательных отличий конспирологических теорий от научных может быть продолжен, однако в этом нет необходимости: достаточно очевидным представляется то обстоятельство, что присвоение этим системам положений характеристики теории только на том основании, что они реализуют объяснительную функцию, является опрометчивым. Демонстрация несоответствия систем конспирологических убеждений содержательным и формальным требованиям, предъявляемым к научной теории, имеет значение для понимания природы их альтернативности общепринятым, консенсуальным и официальным представлениям: истоки этой альтернативности стоит искать в контексте социальных и политических детерминант развития конспирологических теорий, а не в контексте их эпистемических характеристик (которые скорее ставят конспирологическую теорию в заведомо проигрышное положение).

В то же время, термин «теория» может использоваться применительно к ним в более общем смысле системы взглядов относительно фрагмента реальности. В этом случае он может быть заменен терминами «комплекс представлений / убеждений» или «система положений» без каких-либо смысловых потерь. Это ярко демонстрируется одним из наиболее ранних примеров обсуждения таких систем положений, представленном в работе К. Поппера «Открытое общество и его враги». Описывая «заговорщицкую теорию общества» [2, с. 113], автор отмечает, что она представ-

ляет собой не более, чем содержательно трансформированную систему религиозно-мифологических представлений о возникновении и существовании общественного порядка. Наличие примеров ситуаций раскрытия отдельных социально значимых заговоров никоим образом не отменяет эпистемической дефективности образований, называемых конспирологическими теориями: вопрос о существовании заговоров (их эпизодическое возникновение не оспаривается) следует отличать, во-первых, от вопроса о полноценности объяснения и теоретизации социальных событий и явлений различного масштаба на основе таких заговоров и, во-вторых, от вопроса о логических, методологических и фактологических дефектах, полученных таким путем объяснений.

Небезынтересным в связи с обсуждением термина «конспирологическая теория» является практика его использования, развитая в тематическом исследовании Дж. Дуэтц. Вопрос о теоретическом статусе таковых систем положений фактически сводится к вопросу об их оценке индивидами и группами на предмет соответствия принятым ими эпистемическим стандартам [9, с. 441–443]. Если для одной группы лиц некая система положений (например, об искусственном происхождении и/или преднамеренном инициировании распространения SARS-CoV-2) будет представлять собой полноценную теорию, то для другой она может оказаться не более, чем набором догадок, слабо связанных с имеющимися данными. Нельзя не согласиться с утверждениями Дуэтц о том, что оценка статуса этих систем положений находится в зависимости от социально детерминированных эпистемических стратегий осуществляющих ее групп и индивидов [9, с. 444–447]. Они имеют практическую социальную значимость для работы с носителями конспирологических убеждений, т. к. подчеркивают неполноценность мер информирования и аргументативных шагов, не учитывающих особенности эпистемического поведения сторонников конспирологических представлений и причины их возникновения. Но вопрос о теоретическом статусе, логических и эпистемологических характеристиках самих по себе систем положений, называемых конспирологическими теориями, не может подменяться вопросом об их оценке различными социальными агентами.

Еще один распространенный термин – «конспирологическое мышление» – используется таким образом, как будто бы его содержание представляется очевидным. Между тем, для того, чтобы понять, что имеется ввиду под конспирологическим мышлением, необходимо предварительно обратиться к пониманию мышления как такового. Например, в определении, данном кибернетиком и психологом

Ф. Джорджем в работе «Модели мышления», фиксируется, что мышление представляет собой совокупность процессов символизации событий действительности и последующего манипулирования символами посредством логических и внелогических механизмов обработки [10, с. 29]. Ясно, что мышление включает в себя множество различных психических процессов: для структуры мышления, по выражению Д. А. Поспелова и В. Н. Пушкина, характерны многоуровневость, многокомпонентность и высокая степень сложности [3, с. 11]. В рамках мышления как такового исследователями выделяются различные аспекты, связанные с конкретными формами обработки данных или решением отдельных задач познания и принятия решений.

Учитывая содержание понятия мышления и характеристики мышления как объекта исследования психологии, эпистемологии и когнитивных наук, достаточно странными представляются те содержательные искажения, которые можно наблюдать в определениях конспирологического мышления. Так, А. Д. Казун и В. Н. Поршневу говорят о конспирологическом мышлении как об определенном роде объяснительной склонности, выражающейся в отсылках к скрытой, секретной информации, доступ к которой ограничивается влиятельными группами [1, с. 551]. Очевидно, что использовать термин «мышление» для обозначения некой склонности, реализуемой отдельными агентами в когнитивных процессах, не представляется оправданным. Несмотря на то, что определение приводится со ссылкой на работу Р. Имхоффа и М. Брудера, нам не удалось обнаружить в ней подобного определения: указанная формулировка используется авторами только по отношению к конспирологической теории, тогда как само понятие конспирологического мышления приводится ими без предварительного определения [14, с. 25].

Между тем, Имхофф и Брудер приводят ряд характеристик конспирологического мышления, которые целесообразно рассмотреть. Так, они указывают (со ссылкой на предшествующие исследования), что причиной возникновения такого мышления может являться страх смерти [14, с. 35]. В качестве предиктора конспирологического мышления рассматривается и тенденция к выявлению деятельности неких агентов (разного рода сил) в качестве причин событий, иными словами – подозрительность, сочетающаяся с идеями влияния и вмешательства в ход событий [14, с. 35]. Авторами делаются некоторые замечания относительно функционального значения конспирологического мышления: его значимое когнитивное проявление заключается в том, что оно может способствовать формированию правдоподобных объяснений собы-

тий, тогда как социально-практическим результатом действия данного мышления может стать преодоление негативной социальной идентичности [14, р. 39]. Исходя из вводимых и рассматриваемых Имхоффом и Брудером положений, можно заключить, что под конспирологическим мышлением ими подразумевается совокупность мыслительных операций, эвристики, когнитивных установок, которые применяются в связи с убежденностью в том, что определенные конспирологические «сюжеты» действительно реализуются в социальной реальности.

Вполне разумно предположить, что в ходе решения многих задач построения и аргументации конспирологического мировоззрения будут задействованы идентичные операции мышления, равно как и о том, что большинству конспирологов будут присущи схожие когнитивные ошибки (например, предвзятость подтверждения). Но даже в случае, если мы принимаем такие предположения, мы не получаем возможности говорить о специфически конспирологическом мышлении, поскольку закономерности процессов мышления конспиролога и человека, не отдающего предпочтения подобным убеждениям, не будут различаться. Более того, как правило, действие того, что называется конспирологическим мышлением, является контекстуальным, т. е. соотносено с решением конкретных задач и рассмотрением конкретных ситуаций. В повседневной жизни и множестве иных вопросов конспиролог может не демонстрировать никаких отличий от человека, чуждого подобных убеждений.

Собственно конспирологический характер будут иметь убеждения агентов (т. е. принятие ими определенных точек зрения относительно причин ситуаций и положений дел и необходимых путей их изучения), которыми они руководствуются в осмыслении определенных событий. Следует согласиться с существующими указаниями на то, что следование таким убеждениям могут несколько трансформировать архитектуру рассуждений (в пользу выводов о целях событий и ситуаций) и приводить к изменениям содержания фоновых знаний относительно конкретных событий [19, с. 5]. Однако сами операции мышления при этом сохраняют рутинный характер. Разделяя точку зрения о том, что фундаментальной основой различных систем конспирологических положений являются именно характерные убеждения, которыми, собственно, и определяется их «конспирологичность» (при этом убеждение в существовании заговора следует рассматривать скорее как частный случай убеждения в том, что целенаправленное действие неких сил детерминирует социальные события или явления), мы не считаем необходимым рассматривать такие убеждения как иррациональные и необоснованные во всех случаях.

Этим мы отличаем предложенный нами способ их понимания от развитого Дж. Наполитано [15] и подвергнутого критике Дуэтц [8]. Дискуссиям о способе понимания «явлений конспирологического спектра», протекающим между универсалистами и партикуляристами, посвящен нижеследующий раздел.

Оппозиция «универсализм-партикуляризм»: основное содержание

Наиболее общий момент расхождения универсалистских и партикуляристских концепций конспирологического становится ясным уже исходя из их наименования: если универсалисты делают теоретические заключения относительно класса систем конспирологических положений, то партикуляристы считают, что обоснованным и последовательным путем это можно делать только применительно к конкретным системам. Партикуляристская концепция исследовательской работы с системами конспирологических положений впервые манифестирована М. Дентифом: он придерживается точки зрения, согласно которой объяснительные достоинства и провалы отдельных систем положений – единственный объект последовательного рассмотрения и оценивания [7, с. 1]. Универсалистская концепция, судя по всему, является гораздо более ранней. Ее можно даже рассмотреть в качестве исходного пункта формирования отношения к системам конспирологических положений, если обращаться к наиболее ранним ситуациям их рассмотрения. Так, в уже упомянутом примере обсуждения Поппером «заговорщицких теорий общества» критике подвергается именно класс систем положений, а не отдельные его элементы.

В основе универсалистского анализа систем конспирологических положений лежит представление о маловероятности конспирологических объяснений событий и дисподверждаемости конспирологических гипотез. Партикуляристы демонстрируют, что характер окружающей нас социальной и политической действительности таков, что мы не можем обоснованно распространить такое представление на все конспирологические объяснения и гипотезы. Дентиф солидаризуется с Л. Бэшем в том, что сами по себе человеческие существа в силу их высоких коммуникативных способностей и навыков социального ориентирования способны на формирование тайных соглашений различного уровня, и это обстоятельство нельзя списывать со счетов [7, с. 2]. Партикулярист занимает плюралистическую позицию относительно объяснений социальных событий, требуя рассматривать конспирологические объяснения как конкурентные наряду с «общепризнанными», «стандартными» и «официальными».

Дэнтиф отмечает, что существование «информационных иерархий», т. е. уровней распространения информации, на которых присутствуют различные ограничения доступности, трудно подвергать сомнению: в современном обществе наличие таких иерархий является естественным для государственных ведомств, корпораций, различных масштабных социальных институтов [7, с. 2]. Само существование информационных иерархий в социальной среде приводит к существованию ряда ситуативных эпистемологических и этических рисков, связанных с доверием определенным сведениям. В связи с этим, Дэнтиф полагает, что нетерпимость общества к конспирологии имеет скорее негативный характер: не критическое отвержение предположений, основанных на возможности заговора, создает почву для умножения числа таковых заговоров в действительности, т. к. снижается заинтересованность в их выявлении, в т. ч. со стороны компетентных и уполномоченных на это лиц [7, с. 5]. Направления партикуляристской критики универсализма могут быть обобщены в виде двух направлений: выявление реальных ситуаций существования скрытых соглашений, договоренностей и / или действующих сил (фактологическая критика) и указание на ситуативную рациональность конспирологических объяснений либо убеждений (эпистемологическая критика).

Усилия сторонников универсализма в большинстве случаев сосредоточены на выявлении оснований иррациональности принятия конспирологических объяснений и систем конспирологических положений. Результатом этих усилий становятся как обобщенные указания на системные проблемы образований, называемых конспирологическими теориями (так, К. Кассам отмечает их неправдоподобность на уровне самого замысла [6, с. 7]), так и достаточно утонченная эпистемологическая аргументация существования возможности недоверия конспирологическим объяснениям (например, показательны рассуждения К. Харриса о пессимистической метандукции конспирологических теорий [13, с. 14–19]).

В отличие от партикуляристов, универсалисты стремятся отразить эпистемические характеристики конспирологических объяснений и теорий в их определениях (и ответная критика партикуляристов, как правило, сосредотачивается именно на содержании этих определений). Определением Наполитано устанавливается, что для конспирологических теорий характерно отклонение любых получаемых в нормальных условиях свидетельств, опровергающих существования заговора, на основании убеждения в его существовании. А определение, данное Харрисом, фиксирует противопоставленность конспирологических положений тем позициям, которые исходят

от эпистемических авторитетов (при этом Харрис делает акцент на социальных основаниях авторитета, а не факторе эпистемической надежности [13, с. 7]). Партикуляристами, в свою очередь, отстаивается необходимость использования «минимальных» определений, которые не являются ни эпистемически, ни социально дискриминирующими: Дуэтиц воспроизводит определение Дэнтифа, согласно которому конспирологическая теория – это любое объяснение, выделяющее существование заговора в качестве наиболее значимой причины [9, с. 440]. Это разногласие касается не только теоретических претензий, выраженных в определениях, но и социально-практических следствий принятия того или иного взгляда на ключевые характеристики конспирологических теорий и убеждений.

Существуют и некоторые другие концептуальные и методологические пункты расхождения между партикуляризмом и универсализмом: например, различается отношение их представителей к привлечению и интерпретации данных научных исследований (психологических, социологических, правовых) о влиянии или распространении конспирологических убеждений. Наибольший интерес, вероятно, вызывают психологические и медицинские исследования, непосредственно связывающие или как-либо соотносящие проявление склонности к таким убеждениям с определенными когнитивно-психологическими особенностями [18] или даже проблемами ментального здоровья [11]. В настоящем рассмотрении мы не имеем возможности детально оценить состоятельность аргументации сторон, привлекающей данные эмпирических исследований и теоретические заключения. Ограничимся указанием на то, что ни одна из сторон дискуссии в настоящее время не обрела убедительных и неопровержимых аргументов своей позиции посредством апелляции к научным результатам.

Заключение

Основываясь даже на кратком рассмотрении основных положений дискуссии, протекающей между универсализмом и партикуляризмом, можно обратить внимание на некоторые детали, касающиеся самого взаимоотношения данных позиций. Во-первых, становится очевидно, что противопоставление универсализма и партикуляризма не является абсолютным: эти позиции не исключают друг друга даже в тех пунктах, где их сторонникам это исключение предполагается желательным. Достаточно убедительный пример этого можно получить, если отделить вопрос об обоснованности конспирологического убеждения от вопроса о правдоподобии таких объяснений и состоятельности систем положений, называемых конспирологическими.

скими теориями. Этот момент также подчеркивается и Харрисом, отмечая, что отрицание рациональности некоторых конспирологических убеждений (рассматривать которые нужно, конечно же, учитывая фоновые знания агента) для универсалиста не является целесообразным [13, с. 10–11]. В сущности, оценка аргументации и доказательности теорий и исследование обоснованности убеждений представляют собой различные задачи.

Во-вторых, тезис Дентифа о необходимости ограничения исследовательской активности анализом конкретных конспирологических убеждений / систем положений в определенном смысле нарушается самим Дентифом: минималистское определение такой теории предполагает выделение класса систем положений. Помимо этого, стоит отметить, что если исследовательское внимание акцентируется именно на характеристиках конспирологических теорий как систем положений, то постановки вопроса об основаниях и возможностях их классификации и обобщенной оценки избежать не представляется возможным.

В-третьих, действительная ситуация взаимоотношения данных теоретических позиций является значительно более сложной, нежели это представляется ими самими. Возможно, следует согласиться с предложением Харриса, касающимся качественного ранжирования конкретных примеров партикуляризма на «слабые» и «сильные» [13, р. 13–14] и распространить его действие также на универсалистские подходы. Более того, чистых форм универсализма и партикуляризма не существует [5, с. 23–25]: между условно

выделяемыми «эталоном» этих позиций существует скорее спектр возможных вариантов, чем жесткий водораздел.

Если же говорить о перспективах развития философских исследований конспирологических теорий, то кажется целесообразным указать на то обстоятельство, что оба условно выделяемых направления сталкиваются с задачами развития и оценки «теоретической» аналогии в обсуждении систем таких положений. Детального обсуждения требуют вопросы о том, какую роль играют научные формы познания в конспирологических контекстах, какова динамика и механизмы изменения систем таких убеждений, существует ли специфическая рациональность конспирологических представлений и если да, то характерна ли для нее определенная нормативность. Открытыми остаются и социально-эпистемологические вопросы о соотношении таких форм объяснения социальной действительности с социальными интересами определенных групп и личностными стратегиями адаптации к изменяющимся условиям современных обществ. Немалое значение имеет и оценка деструктивного потенциала конспирологических убеждений, осмысление их связи с экстремистскими моделями социального поведения. Обсуждение каждого из этих вопросов предполагает взаимное дополнение партикуляристского стремления к анализу конкретных путей реализации конспирологического знания и универсалистской установки на выработку общих способов оценки и рассмотрения таких положений и их систем.

Литература

1. Казун А. Д., Поршнева А. В. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6 (166). – С. 549–565. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>. – EDN: TKVVZS.
2. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие ораторы. / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
3. Поспелов Д. А., Пушкин В. Н. Мышление и автоматы. – М.: «Советское радио», 1972. – 224 с.
4. Спиридонов В. Ф. Конспирологическая картина мира, или как устроена теория заговора: монография. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 28 с. – EDN: VUUBOY.
5. Boudry M., Napolitano G. M. (2023) Why We Should Stop Talking about Generalism and Particularism: Moving the Debate on Conspiracy Theories Forward, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. – Vol. 12. No. 9. – P. 22–26. (In Eng.).
6. Cassam Q. (2019) Conspiracy Theories. *Cambridge: Polity Press*, 140 p. (In Eng.).
7. Dentith M. R. X. (2016) Treating Conspiracy Theories Seriously: A Reply to Basham on Dentith, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. – Vol. 5. No. 9. – P. 1–5. (In Eng.).
8. Duetz J. C. M. (2022) Conspiracy Theories are Not Beliefs, *Erkenntnis*. – Online First. – P. 1–15. – <https://doi.org/10.1007/s10670-022-00620-z> (In Eng.).
9. Duetz J. C. M. (2023) What Does It Mean for a Conspiracy Theory to Be a «Theory»? , *Social Epistemology*. – Vol. 37. No. 4. – P. 438–453. – <https://doi.org/10.1080/02691728.2023.2172697> (In Eng.).

10. George F. (1970) *Models of Thinking*. – London: George Allen and Unwin LTD, 166 p. (In Eng.).
11. Greenburgh A., Raihani N. J. (2022) Paranoia and Conspiracy Thinking, *Current Opinion in Psychology*. – Vol. 47. – P. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101362> (In Eng.).
12. Harre R. (1985) *The Philosophies of Science*. – Oxford: Oxford University Press, 203 p.
13. Harris K. R. (2022) Some Problems with Particularism, *Synthese*. – Vol. 200. No. 6. – P. 1–16. – <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03948-9> (In Eng.).
14. Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude, *European Journal of Personality*. – Vol. 28, No. 1. – P. 25–43. – <https://doi.org/10.1002/per.1930> (In Eng.).
15. Napolitano M. G. (2021) Conspiracy Theories and Evidential Self-Insulation, *The Epistemology of Fake News*. Ed. by Bernecker S., Flowerree A., Grundmann T. – Oxford: Oxford University Press, pp. 82–105. (In Eng.).
16. Peels R. (2023) Vice Explanations of Conspiracism, Fundamentalism and Extremism, *Review of Philosophy and Psychology*. – P. 1–23. – <https://doi.org/10.1007/s13164-023-00685-x> (In Eng.).
17. Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control, *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 98. No. 3. – P. 434–449. – <https://doi.org/10.1037/a0017457> (In Eng.).
18. Van Prooijen J. W., et al. (2022) Populist Gullibility: Conspiracy Theories, News Credibility, Bullshit Receptivity, and Paranormal Belief, *Political Psychology*. – Vol. 43. No. 6. – P. 1061–1079. – <https://doi.org/10.1111/pops.12802> (In Eng.).
19. Zwaan R. A. (2022) Conspiracy Thinking as Situation Model Construction, *Current Opinion in Psychology*. – Vol. 47. – P. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101413> (In Eng.).

References

1. Kazun, A. D., Porshnev, A. V. (2021) [Who believes in conspiracy theories? Factors of propensity to conspiracy thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. Vol. 6 (166), pp. 549–565. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>. – EDN: TKVVZS. (In Russ.).
2. Popper, K. R. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi. T. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugiye orakuly* [Open Society and Its Enemies. T. 2: Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles]. M.: Phoenix, International Foundation «Cultural Initiative», 528 p. (In Russ., trans. from Eng.).
3. Pospelov, D. A., Pushkin, V. N. (1972) *Mysleniye i avtomaty* [Thinking and automata]. M.: «Soviet Radio», 224 p.
4. Spiridonov, V. F. (2019) *Konspirologicheskaya kartina mira, ili kak ustroyena teoriya zagovora* [Conspiracy picture of the world, or how conspiracy theory works]. M.: Publishing house «Business» RANEPa, 28 p. – EDN: VUUBOY.
5. Boudry, M., Napolitano, G. M. (2023) Why We Should Stop Talking about Generalism and Particularism: Moving the Debate on Conspiracy Theories Forward, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. – Vol. 12. No. 9, pp. 22–26. (In Eng.).
6. Cassam, Q. (2019) *Conspiracy Theories*. Cambridge: Polity Press, 140 p. (In Eng.).
7. Dentith, M. R. X. (2016) Treating Conspiracy Theories Seriously: A Reply to Basham on Dentith, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. Vol. 5. No. 9, pp. 1–5. (In Eng.).
8. Duetz, J. C. M. (2022) Conspiracy Theories are Not Beliefs, *Erkenntnis*. – Online First, pp. 1–15. – <https://doi.org/10.1007/s10670-022-00620-z>. (In Eng.).
9. Duetz, J. C. M. (2023) What Does It Mean for a Conspiracy Theory to Be a «Theory»? , *Social Epistemology*. Vol. 37. No. 4, pp. 438–453. – <https://doi.org/10.1080/02691728.2023.2172697>. (In Eng.).
10. George, F. (1970) *Models of Thinking*. – London: George Allen and Unwin LTD, 166 p. (In Eng.).
11. Greenburgh, A., Raihani, N. J. (2022) Paranoia and Conspiracy Thinking, *Current Opinion in Psychology*. Vol. 47, pp. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101362>. (In Eng.).
12. Harre, R. (1985) *The Philosophies of Science*. Oxford: Oxford University Press, 203 p.
13. Harris, K. R. (2022) Some Problems with Particularism, *Synthese*. Vol. 200. No. 6, pp. 1–16. – <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03948-9>. (In Eng.).
14. Imhoff, R., Bruder, M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude, *European Journal of Personality*. Vol. 28. No. 1, pp. 25–43. – <https://doi.org/10.1002/per.1930>. (In Eng.).
15. Napolitano, M. G. (2021) Conspiracy Theories and Evidential Self-Insulation, *The Epistemology of Fake*

News. Ed. by Bernecker S., Flowerree A., Grundmann T. Oxford: Oxford University Press, pp. 82–105. (In Eng.).

16. Peels, R. (2023) Vice Explanations of Conspiracism, Fundamentalism and Extremism, *Review of Philosophy and Psychology*, pp. 1–23. – <https://doi.org/10.1007/s13164-023-00685-x>. (In Eng.).

17. Sullivan, D., Landau, M. J., Rothschild, Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control, *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3, pp. 434–449. – <https://doi.org/10.1037/a0017457>. (In Eng.).

18. Van Prooijen, J. W., et al. (2022) Populist Gullibility: Conspiracy Theories, News Credibility, Bullshit Receptivity, and Paranormal Belief, *Political Psychology*. Vol. 43. No. 6, pp. 1061–1079. – <https://doi.org/10.1111/pops.12802>. (In Eng.).

19. Zwaan, R. A. (2022) Conspiracy Thinking as Situation Model Construction, *Current Opinion in Psychology*. Vol. 47, pp. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101413>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Александр Витальевич Думов, магистрант, направление подготовки 47.04.01 Философия, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4644-0293

e-mail: avdumov@inbox.ru

Вячеслав Иванович Кудашов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

ORCID ID: 0000-0001-7009-8179

e-mail: vkudashov@mail.ru

Вклад соавторов:

Думов А. В. – 50%,

Кудашов В. И. – 50%.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander Vitalievich Dumov, postgraduate student, training program 47.04.01 Philosophy, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4644-0293

e-mail: avdumov@inbox.ru

Vyacheslav Ivanovich Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Prof. V.F. Voino-Yasensky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7009-8179

e-mail: vkudashov@mail.ru

Contribution of the authors:

Dumov A.V. – 50%,

Kudashov V. I. – 50%.

The paper was submitted: 09.02.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

НЕЗАКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ ПО НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Д. В. ПИВОВАРОВА)

А. Г. Кислов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: aleksey.kislov@list.ru

Аннотация. Своеобразным методологическим приёмом мемориальной статьи является реконструкция разговоров, в которых проявлялся неподдельный, настойчивый и всегда критический интерес профессора Даниила Валентиновича Пивоварова к неклассическим логикам. Здесь сформулированы вопросы о научном статусе и философской состоятельности деуниверсализации классической логики. Ситуация сосуществования логических систем различного типа сложилась в течение XX века, сделав актуальной необходимость в философском, общенаучном и даже – общекультурном осмыслении современного логического знания.

Среди вопросов три затрагивают статус неклассических логик в системе гуманитарного знания: Не является ли неклассическая логика реакцией на абсолютную «бесчеловечность» математической логики? Математизация логики связана с очередным кризисом оснований математики, а деуниверсализация классической логики, наверное, с кризисом методологии гуманитарных наук? Пригодна ли неклассическая логика для естественных рассуждений? А три других относятся к области философии логики: Остаётся ли современная логика – классическая или неклассическая, будучи математической, частью философии? Существует ли уже философия неклассической логики? Сохраняет ли неклассическая логика статус «канона», т. е. нормативной науки?

Сам характер вопросов не предполагает завершённых ответов, но опираясь на современную литературу, содержащую отдельные логико-философские рефлексии по поводу логического плюрализма, мы постарались в качестве цели проделанной работы – выстроить последовательное, целостное обсуждение философских аспектов и проблем неклассической логики, основными пунктами которого явились следующие результаты: неклассическая логика начала развиваться как реакция на семантические и метатеоретические проблемы становящейся математической логики, но своего рода «гуманистическим» аспектом является принципиальная неизлиминируемость субъекта в семантиках соответствующих интенциональных логик; поддерживается современная позиция, что различные виды рассуждений не соответствуют предмету логики, но могут быть (и традиционно являются) объектами приложения различных логик как интеллектуальных инструментов; экстралогические (внешние) стимулы и особенно интрологические (внутренние) ресурсы логических исследований существенно влияют на актуальное понимание философской природы логики; актуальный для философии логики вопрос о варьировании онтологических и гносеологических предпосылок различных логических систем по сути является вопросом о корректности и эффективности отдельных инструментов логического арсенала; логический анализ должен соответствовать методологической потребности избегать деструктивных конфликтов, разрушающих самобытность, уникальность различных контекстов.

Надеемся, что оценка значимости и обоснованности полученных результатов может оказаться критической и в перспективе спровоцировать дальнейшее конструктивное обсуждение многообразия логики.

Ключевые слова: логический плюрализм, деуниверсализация классической логики, онтологические и гносеологические предпосылки логических систем, неклассические логики.

Для цитирования: Кислов А. Г. Незакрытые вопросы по неклассической логике (памяти профессора Д. В. Пивоварова) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 98–107. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-98>.

Original article

UNCLOSED QUESTIONS IN NON-CLASSICAL LOGIC (IN MEMORY OF PROFESSOR D. V. PIVOVAROV)

A. G. Kislov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: aleksey.kislov@list.ru

Abstract. As a methodological tool of sorts in the memorial paper makes use of reconstruction of professor Pivovarov's talks, which often displayed genuine, persevering and always critical interest in non-classical logic. The questions at hand are the question of scientific status and philosophical consistency of deuniversalization of classical logic. The various types of logical systems, whose co-existence was brought about during the XX century, has become an actual phenomenon, insistently calling for a broader philosophical, scientific, and even cultural reflection on the nature of contemporary logic as a body of knowledge.

Among the questions three touch upon the problem of the status of non-classical logic, considered as the part of humanities: Should non-classical logic be taken as a response to mathematical logic's absolute «inhumanity»? Mathematization of logic is related to another crisis of the foundations of mathematics – could one imply the crisis of ultimate methodological principles of social studies and humanities to be the reason for deuniversalization of classical logic? Does non-classical logic fit the natural reasonings? Three other questions address the philosophy of logic: Does contemporary logic – whether classical or not – build upon mathematics still belong to philosophy? Is there distinctive philosophy of non-classical logic yet? Could non-classical logic still serve as the normative discipline, as the «canon of thinking»?

The very character of the questions doesn't lead to any closed, definitive answers. Be that as it may and, having the current scientific studies philosophically reflecting on the logical pluralism backing us up, we aim here at a coherent and a consistent examination of philosophical aspects and problems of non-classical logic. The examination resulted in formulating several key results: non-classical logic's development effectively was a response to semantic and metatheoretical problems of mathematical logic, that was coming to be, but a kind of «humanistic» aspect is the fundamental non-elimination of the subject in the semantics of the corresponding intensional logics; the actual stance is supported that various types of reasoning do not correspond to the subject of logic, but can be (and traditionally are) objects of application of various logics as intellectual tools; extrological stimulations and especially intrological resources of logical investigations affect significantly the current understanding of philosophical nature of logic; the question of alterations of ontological and epistemological premises, which underlie the various logical systems – an essential one for the philosophy of logic – is reformulated as in effect being the question of correctness and efficiency of some particular tools in the logical arsenal; logical analysis in general is to be methodologically receptive to different contexts, their specifics in order to avoid destructive conflicts, threatening to eliminate the uniqueness of said contexts.

The author voices a hope, that the critical assessment of the results presented as to their being valuable and sound will make the work a proper incentive for perspective and productive discussion of diversity of logic.

Key words: logical pluralism, deuniversalization of classical logic, ontological and epistemological premises of logical systems, non-classical logics.

Cite as: Kislov, A. G. (2024) [Unclosed questions in non-classical logic (in memory of Professor D. V. Pivovarov)]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 98–107. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-98>.

Введение

Поскольку встреч и разговоров с профессором Даниилом Валентиновичем Пивоваровым состоялось немало – довелось поучаствовать в них и в качестве студента старших курсов родного философского факультета, и в качестве начинающего преподавателя, и в качестве соучастника научных конференций, и в качестве уже заведующего кафедрой онтологии и теории познания – то придётся сделать тематический выбор и чем-то ограничиться. Выберу только те наши разговоры, в которых проявлялся неподдельный, настойчивый и всегда критический интерес Даниила Валентиновича к неклассическим логикам. Иронические и казусные версии его реплик по поводу «употребления ненормативной логики» или «нетрадиционной

логической ориентации» оставляю для дружеской обстановки вечеров памяти профессора Пивоварова, а в статье лишь реконструирую¹ некоторые из его теоретически серьёзных вопросов и запоздало (тут уж ничего не поделаешь) вернусь к некоторым своим ответам, подготовившись к роли амбассадора неклассической логики, надеюсь, чуть получше, но даже и не помышляя ставить точку. Пусть Даниил Валентинович останется – в воспоминаниях о нём и в его текстах – потенциальным собеседником по непростому вопросу научного статуса и философской состоятельности самой идеи логического плюрализма.

Текстов профессор Пивоваров конкретно по проблематике современной (неклассической) логики, насколько мне известно [17], не писал, соответству-

¹ Реконструкция эта совершенно вольная и ответственность за неё полностью лежит на авторе статьи.

ющих исследований у него не было, тем интригующе увидеть в самых ранних, по сути – студенческих его публикациях 70-х годов заявление, что «единой и универсальной системы логики не существует» [15, с. 140]. И это не случайная, не «вырванная из контекста» фраза, Даниил Валентинович имел в виду именно по-современному осмысляемое многообразие логических систем, его широкая эрудиция позволяла быть вполне осведомлённым о становлении, достижениях и проблемах математической логики, о логико-семантических исследованиях, об ограничительных теоремах и о не-универсальности классической логики. А его собственная философская синтетическая парадигма [16] в целом и динамика отдельных его научных и философских интересов (рациональное и иррациональное в бытии и познании, проблема носителя идеального образа, неравновесные системы, языки религий, коммуникативная симфоника и др.) не только позволяли ставить нетривиальные, на мой взгляд, вопросы, но и на каждом этапе по-новому стимулировали потребность в пересмотре традиционных, сугубо теоретико-познавательных взглядов на логические исследования в соответствии с ситуацией деуниверсализации классической логики и сосуществования логических систем различного типа. Такая ситуация сложилась в течение XX века, вследствие чего возникла и сегодня не утратила своей актуальности необходимость в философском, общенаучном и даже – общекультурном осмыслении современного логического знания².

Итак, основной целью представленной в настоящей статье работы является стремление организовать последовательное, целостное обсуждение философских аспектов и проблем неклассической логики.

Неклассическая логика в гуманитарных контекстах

Не является ли неклассическая логика реакцией на абсолютную «бесчеловечность» математической логики?

С одной стороны, со всей очевидностью – нет, не является. Вспомним, что логика долгие века оставалась чуть ли ни флагманом гуманитарного знания, входя³, например, вместе с грамматикой и риторикой

в знаменитый тривий «формальных искусств» (*artes formales*) [5, с. 47]. И когда она к XX столетию получила своё математическое оснащение, гуманитарии буквально не смогли простить ей такого «предательства». Однако «...в нынешней ситуации беспокоит не столько некомпетентность некоторых философских интерпретаций таких известных результатов как теорема Гёделя, сколько нежелание (или неспособность) многих философов, следуя Сократу, признать всю меру своей некомпетентности» [22, с. 36]. Испытывая робость перед страницами классических трудов по математической логике, не стоит искать «успокоения» на страницах учебной литературы по логике неклассической, например: [25]. Неклассическая логика в своём современном понимании – «плоть от плоти» математической логики и, по сути, начала развиваться в первой трети прошлого века в значительной мере – и как реакция на семантические и метатеоретические проблемы становящейся математической логики.

С другой стороны, своего рода «гуманистический» аспект обсуждаем в некоторых современных логико-семантических исследованиях, где наблюдаются и «попытка сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов»⁴ [12], и другие причины принципиальной незлиминируемости субъекта при конструировании семантик соответствующих интенциональных логик.

Математизация логики связана с очередным кризисом оснований математики, а деуниверсализация классической логики, наверное, с кризисом методологии гуманитарных наук?

Прямая аналогия, разумеется, здесь не будет уместной, хотя, так или иначе, критическая рефлексия над современным логическим многообразием обостряется в том числе и благодаря наблюдаемому расширению традиционной сферы применения логических методов: в рамках проблематики собственно математического знания зародились сначала интуиционистское, затем и конструктивистские направления в логике, распространив со временем самое серьёзное влияние на информационно-технические приложения; немногим позже возникают «логические интересы» в областях естественно-научного знания⁵, что в некоторой степени связано со становлением мо-

² Дать хороший обзор литературы по данной теме – задача не из лёгких. Ограничусь весьма субъективным подбором работ, в определённой степени отвечающих скромным задачам данной статьи: [22], [2], [20], [23], [24], [5], [11], [21] (расположены хронологически).

³ Честным будет уточнить, что традиционно под именем «диалектика», о чём непременно в наших разговорах упоминал Д. В. Пивоваров. Параллельное и конкурирующее употребление терминов «логика» и «диалектика» началось ещё с перипатетиков и стоиков, только к Новому времени термин «логика» приобрёл относительную определённость (см. также [2, с. 80–81]).

⁴ Так образно авторы статьи обозначили стремление избавиться от характерного для классической логической парадигмы ригористического эффекта «логического всеведения», когда при знании всех посылок агент рассуждения как бы знает и все следствия из них.

⁵ Стоит указать две книги, которые часто упоминались Д. В. Пивоваровым: [9], [13].

дальних логик [26], но не только их; вопросы же расширения «сферы логического» на области гуманитарных наук (см., например: [14]) оказываются наиболее дискуссионными – бывший «флагман гуманитарного знания» встретил здесь значительное сопротивление.

В связи с глубокими изменениями в принципах методологической рефлексии над особенностями гуманитарного знания конфликтность ситуации настолько высока, что взаимоисключающие точки зрения получают своё обоснование и развитие, порой игнорируя даже саму возможность понимания их носителями друг друга. С одного полюса наблюдается стремление исключить современную математизированную, а это значит, что вместе с тем и всякую неклассическую логику из структуры и содержания гуманитарного знания, с другого – логическая составляющая в методологии гуманитарных наук активно разрабатывается современными исследователями: логики действий, эпистемические логики, логики оценок (аксиологические) и норм (деонтические) и мн. др.

Пригодна ли неклассическая логика для естественных рассуждений?

Сразу определимся, что отождествлять логику с дискурсивной практикой рассуждений и даже с теорией аргументации, согласно современным исследованиям, было бы совершенно неправильным: «По традиции, идущей ещё от Аристотелевских времен, логика тесно связана с феноменом рассуждений. Эта связь объективна, её нельзя отрицать или игнорировать, но означает ли это, что предметом логики являются именно рассуждения? Представляется, что развитие логики в последние десятилетия наряду с успехами когнитивных наук ведет к неминуемому пересмотру понимания предмета логики. ... для адекватного описания логики, по крайней мере, на нынешнем этапе её развития, более подходит понимание этой науки, восходящее к идеям Г. Фреге и Я. Лукасевича, согласно которым логика – это наука о бытии логических (истинностных) значений. При таком понимании логики естественным образом освобождается место для теории аргументации как науки о рассуждениях, рассмотренных во всём их многообразии как целостный феномен. Последнее предполагает и оценку корректности рассуждений, и оценку их эффективности, равно как и учёт рассуждающего субъекта и его когнитивных способностей, в том или ином социальном контексте» [8, с. 12]⁶. Развитие данной позиции приводит к внимательному различению: рассуждения-*reasoning*, т. е. когнитивного процесса вывода как раз-

мышления, и рассуждения-*argument*, т. е. состоящей из посылок и заключения системы высказываний [6, с. 113]. При этом ни ментальный по своей природе первый, ни вербализующий его второй вид рассуждений сами по себе не соответствуют предмету логики, а вот быть объектами приложения различных логик как интеллектуальных орудий [3], инструментов анализа – они оба вполне могут.

Аргументационная практика в качестве практики естественных рассуждений явилась одним из первых и уж точно – самым известным внешним стимулом к становлению логической проблематики. И в этом случае онтологическое (фрегевское «бытие истины» или какое-то другое) понимание логики представляется гипертрофировано монологичным, лишённым «чисто человеческих» коммуникативных корней. Ведь кажется, что так легко проследить «генетическую» связь логики именно с диалоговой культурой. Связующим элементом здесь выступает, в сущности, антропологически⁷ трактуемое понятие *полемиической ситуации*. Ситуация активного несогласия участников коммуникации друг с другом – основной предмет той сферы интеллектуальной и духовной деятельности, которая называется *полемикой*. И вот в духе «древа Порфирия» или «*Art brevis*» Раймонда Луллия устанавливается несложная (но и весьма условная) иерархия: полемика изучает общение в ситуации активной неудовлетворенности позицией собеседника; среди других аспектов полемика порождает анализ выразительности речи – *риторику*, вырабатывающую средства речевого воздействия; из базовых разделов риторики, а именно, в рамках инвенции (изобретения) – как учение об аргументах, в рамках диспозиции (расположения) – как структура демонстрации (обоснования), вырастает, ограничиваясь в предмете средствами убедительной и доказательной речи, *теория аргументации*; логика же являет собой, по происхождению, элитную часть теории аргументации, вырабатывая специальные, доказательные методы построения рассуждений. Таким образом, полемическая ситуация, казалось бы, с достаточной основательностью конституируется как «территория» исследования генетически связанных наук коммуникативного характера, объединённых феноменом «артикуляции мысли в языке» [2, с. 83].

Приведённая иерархия и действительно не лишена осмысленности, но только если понимать, что речь в ней идёт об *анофантической логике* как учении «о том, какие операции может производить над

⁶ См. также: Harman G. (2002) Internal Critique: A Logic is not a Theory of Reasoning and a Theory of Reasoning is not a Logic // Handbook of the Logic of Argument and Inference: The Turn Towards the Practical. – Amsterdam: Elsevier Science B.V., 2002. – Vol. 1. – P. 171–186. и [11, с. 106–109].

⁷ А не в плане хайдеггеровской деантропологизации «Полемоса как отца всего сущего».

предметами, входящими в компетенцию логики, человеческое мышление» [18, с. 130], или – в кантовской терминологии «главных разделений логики» – о *прикладной логике*: «Прикладная логика, собственно, не должна бы называться логикой. Это – психология, в которой мы рассматриваем, как обычно происходит наше мышление, а не как оно должно происходить» [10, с. 326]. В дефинициях таких (популярных ныне) дисциплин как «неформальная логика» и «критическое мышление», в особенностях интересов к естественным рассуждениям со стороны когнитивных исследований и теории аргументации ещё нужно тщательно разбираться, но следует понять и помнить, что «центральный путь развития логической науки не в ориентации на обыденные рассуждения, а в её ориентации на более глубинные теоретические, философские основания науки и мышления в целом» [19, с. 55]. И вот здесь-то возникает осознание нетривиальной и предельно актуальной постановки вопроса о применении широкого арсенала средств неклассических логик (многозначных, нечётких, паранепротиворечивых, парapolных или же парадефинитных, конструктивных, релевантных, немонотонных, эпистемических, деонтических и мн. др.) к эффективному логическому анализу и к адекватному моделированию как *reasoning*-рассуждений, так и *argument*-рассуждений (см., например: [1], [7]).

Неклассическая логика и современная философия

Остаётся ли современная логика – классическая или неклассическая, будучи математической, частью философии?

Вопрос научной институализации логики с одной стороны интересный, с другой – довольно бесмысленный. Определённость «научной прописки» в сущности ни на что не влияет и, как представляется, переживает со временем значительные трансформации. Тем не менее, вопрос этот естественен и от потребности философской самоидентификации логики никуда не деться. В этом случае следует учитывать⁸ *экстралогические*, внешние стимулы развития логики или даже относительно конкретные запросы к логическим исследованиям: аргументационная практика, методология научного знания, информационные технологии, когнитивные исследования. Они в определённые времена бывают чрезвычайно влиятельными для того или иного локального, зауженного понимания места логики в системе знаний. Но не менее важ-

ны *интрологические*, внутренние ресурсы саморазвития логики, которые во многом и обеспечили саму возможность деуниверсализации классической логики: метатеоретические вопросы и проблемы (металогика) и чисто семиотические (логические синтаксис, семантика и прагматика) способы конструирования языков различных логик. Последние, внутренние, поскольку предметом теоретического исследования становится само логическое знание, наиболее близки к теме обоснования философской природы современной (математической и неклассической) логики. Для определённой части философии язык – в самом широком его понимании как семиотической системы – представляет собой аналитический метод: от обеих «Аналитик» Аристотеля, до устойчивых парадигм и современных экзерсисов аналитической философии. Разумеется, к анализу языка вся философия не сводится – ни синхронически, ни диахронически, но, если понимать непредвзято, то анализ языка был и остаётся существенным способом философствования, причём всякий раз «время, когда логика занимает ведущее место в философии, является также временем, когда интеллектуальная культура подразумевает выдающуюся роль языка» [2, с. 83].

Существует ли уже философия неклассической логики?

Институционального раздела философии непосредственно с таким названием, насколько мне известно, не существует. Более того – не вижу ни особой ценности, ни вкуса в таком названии. Однако современная логика не перестаёт быть объектом философской рефлексии, а неклассические логики здесь особенно интересны. Именно неклассические логики и именно в рамках философского осмысления оснований своего многообразия помогают нам «выделить два типа теоретико-познавательных предпосылок, от которых зависят логики. Во-первых, это предпосылки – назовём их *предпосылками онтологического характера*, – налагаемые на миры, на объекты универсума рассмотрения (например, “воображаемые миры” Васильева или реальные и ирреальные объекты у Гильберта). Во-вторых, это предпосылки, связанные с *концептуальным аппаратом познающего субъекта*: с принимаемыми понятиями истинности, ложности, логического следования, суждения, отрицания и т. д.» [20, с. 270].

И вот что примечательно, если уж кому-то так важны исключительно «коммуникативные корни» (мы отмечали дискуссионность, если даже не слабость

⁸ Некоторое обсуждение данной темы представлено автором в материалах круглого стола «Многообразие логики: внешние стимулы и внутренние ресурсы», прошедшего в рамках провозглашенного ЮНЕСКО «Всемирного дня логики» (Word Logic Day) 14 января 2021 года: <https://www.youtube.com/watch?v=3W66C3LtPYw>.

этой позиции ранее) для самоидентификации логики как некогда безупречно философской дисциплины, то легко увидеть, что и в исследованиях дискурса как коммуникативного события, наряду с традиционным рассмотрением гносеологического (когнитивного) характера, коммуникации всё более определённо придаётся онтологический статус [4, с. 122]. Сохранение общности позиций – коммуникационной в том смысле, что аргументационной для рассуждений на естественных языках и инференциальной для искусственных формализованных языков⁹ – позволяет порой включать актуальный для философии логики вопрос о варьировании онто-гносеологических предпосылок различных логических систем, а значит вопрос о корректности и эффективности отдельных инструментов из арсенала логического анализа в широко исследуемое – гуманитарными штудиями в целом и многими философскими направлениями в частности – поле проблем теории дискурса и практики коммуникативных стратегий. Скажем даже так, развитию традиции философского осмысления сопричастности логических исследований «лингвистическому повороту» соответствующий нынешнему времени «онтологический поворот» в философии логики отнюдь не мешает, скорее уж – помогает.

Сохраняет ли неклассическая логика статус «канона», т. е. нормативной науки?

Традиционное видение нормативного характера логики существенно трансформируется. Понимаемая как «средство для предохранения от ошибок или заблуждений»¹⁰ в рассуждениях, сохранив функцию теоретической платформы для методов реализации потребности в этом средстве, логика утратила прежнее упование на универсальность и неизменность классических принципов, требующих ригористических допущений в построении формальных языков и систем, применяемых для анализа различных контекстов. Прежняя предохранительная функция в современной логике приобрела своего рода герменевтический (интерпретационный) оттенок, предваряя логический анализ выяснением тех онтологических и гносеологических оснований, которых, смотря по обстоятельствам исследовательской ситуации, требу-

ет или ожидает от логического инструмента анализируемый им контекст. Таким образом, логический анализ, как весьма особая «система речи и действия», предполагает свою субстантивацию, которая производится в силу методологической потребности избегать деструктивных конфликтов, разрушающих самобытность, уникальность различных контекстов.

Если хотите, вот он «канон» эпохи логического плюрализма – обоснованная адекватность инструментов анализа, буквально – законов и правил различных логических систем, особенностям анализируемых контекстов. Такой инструментальный взгляд на логику вносит, по нашему мнению, свою лепту во взаимопонимание и примирение сторон многовекового обсуждения весьма почтенного дискуссионного вопроса: логика – это «канон» или «органон»? Прежде всего инструментальное осмысление самого феномена множественности неклассических логик позволяет легче понять ставшую, как оказалось, опять важной для современной философии логики отчётливую дифференциацию между, во-первых, самим интеллектуальным орудием анализа в виде конкретной логической системы или целого комплекса концептуально связанных систем, во-вторых, контекстуально-определённым предметом анализа – рассуждением, структурой отдельного доказательства или целой теории, организацией (моделью) информационно-технического или естественного когнитивного процесса, и, в-третьих, собственно процедурой анализа как особого вида дискурсивной¹¹ практики. Результатом последнего может стать не только оценка «на правильность» (рассуждений, доказательств, теорий, моделей¹² и др.), хотя и она, безусловно, по-прежнему важна, но и различные оценки в рамках проблем выполнимости, эффективности, конструктивности, информативности и других интересных как в теоретическом, так и в практическом плане характеристик.

Вообще же, третий из перечисленных выше пункт имеет очевидно дискурсивный, а значит – тотально языковой характер, поскольку сам логический анализ так или иначе – построение «обосновывающих речей или текстов», правда, весьма различной природы. Второй пункт если не тотально дискурсивный (таков он

⁹ См., например, у Г. Х. фон Вригта: «...Гильберт занимался фрагментами языка, которые мы называем исчислениями...» [2, с. 83].

¹⁰ Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. – Екатеринбург: Одиссей; Деловая книга, 1997. – С. 9.

¹¹ Следует объяснить, что термин «дискурсивный» мы используем, как часто говорится, за неимением лучшего. Своего рода «мода» на него по всей видимости прошла (хотя была без сомнений актуальной во времена наших бесед с Д. В. Пивоваровым), но учение о дискурсии (в различных терминологических вариациях) и сегодня активно реализуется в философии, социологии, когнитивных исследованиях, семиотике и, что нам здесь наиболее важно, отчётливо учитывает внешнюю (предметную, социальную) и внутреннюю (ментальную, личностную) обусловленность речевых высказываний. Поэтому осмысление метафизических оснований и логических систем как интеллектуальных орудий анализа, и самого логического анализа как особого вида дискурсивной практики философско-методологически значимо и интересно.

¹² Не в смысле логико-семантической модели (модели интерпретации), а в широком методологическом смысле.

только там, где предметом выступает рассуждение), то семиотический, знаковый по природе – тексты, модели и др. Субординация же объектов, соответствующих первому пункту, и языка пока загадочна, скажем только – есть причины видеть, что имеют место абстрактные объекты, предшествующие релевантным им элементам языковой природы, эти объекты вместе со структурами связывающих их отношений и изучаются логикой, особенно в современном её понимании, находя своё оформление опять же в особых знаковых системах – в алгебраических системах, в исчислениях и др.

Таким образом, уже можно сделать уточняющий пересмотр канонического (нормативного) понимания логического анализа рассуждений (в традиции, что обсуждалось ранее, мы находим преимущественно определения логического анализа именно рассуждений) и предложить следующее: *логический анализ – это вид дискурсивной практики, заключающийся в применении к оценке корректности контекстуально-определённых рассуждений формального аппарата логических систем с установленными и адекватными контексту онтологическими и гносеологическими предпосылками.*

Как же быть с иными контекстуально-определёнными предметами и целями логического анализа (выше мы уже перечисляли варианты и тех, и других), вопрос нетривиальный. Даже при анализе сугубо дедуктивных рассуждений, в соответствии с различными определениями логического следования в неклассических логиках, мы можем существенно расширить идею перехода от истинных посылок к истинному заключению, например: от истинных к не ложному, от не ложных к истинному и от не ложных к не ложному. Важно для сегодняшнего понимания логического знания, чтобы отдельные (специфицированные своими предметами) и самое общее определения логического анализа исключали абсолютизацию одного лишь формального аппарата классической логики и предполагали возможность адекватного выбора среди логических систем различного типа. Конечно, степень и объём потенциальных экстралогических, кто-то даже скажет – социально-практических запросов к логическим исследованиям порой превосходит имеющиеся возможности их реализации как в теоретическом плане, так и в прикладных областях, что специалистами

должно резонно восприниматься позитивно, исключительно как комплекс исследовательских стимулов к поиску решений актуальных проблем современной логики во всём её многообразии.

Заключение

Нетрудно заметить, что абсолютно все наши ответы на реконструированные нами же вопросы профессора Пивоварова по поводу феномена неклассической логики имеют нехитрую структуру – «нет...», «но...», что свидетельствует лишь о том, что общий критический, но и одновременно благожелательный характер наших с ним имевших некогда место разговоров здесь использован в качестве возможности содержательно упорядочить проблемные области и обсудить философские аспекты деуниверсализации классической логики и появления целого арсенала логических систем.

Попытки выразить окончательную определённую в рефлексии по отношению к логическому плюрализму мы не считаем ни возможными с точки зрения ожидания результата, ни даже осмысленными с точки зрения процесса обсуждения. Логические исследования находятся в непростой, не лишённой своих сложностей динамике развития, естественным образом оказываются непреходящими потребности пересмотра философских установок относительно меняющихся форм логического знания. Предложенные здесь ответы, в сущности, должны быть преимущественно пластичны, открыты к различным уточнениям и даже модификациям, а вот сформулированные (реконструированные) вопросы, хоть и без претензии на статус «вечных», но со всей очевидностью могут быть, не теряя осмысленности, помещены и в другие временные, парадигмальные и дисциплинарные рамки. Однако именно сейчас нам представляются важными и обоснованными полученные здесь результаты широкой философской, общенаучной и общекультурной рефлексии над современным многообразием логики, и есть надежда, что в перспективе они могут быть одновременно критически и конструктивно восприняты коллегами и спровоцировать продолжение обсуждения уже в более конкретных структурах проблематики синтетической парадигмы философии профессора Пивоварова.

Литература

1. Васюков В. Л. О не-фреговской аргументации // Теория и практика аргументации. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 130–143.
2. Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 80–91.
3. Данн Дж. М. Люди – это разумные орудия труда создающие животные / Пер. с англ. В. О. Шангина // Современная логика: основания, предмет и перспективы развития. / Под ред. Д. В. Зайцева. – М.: ИД «ФОРУМ», 2018. – С. 128–161.

4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Драгалина-Чёрная Е. Г. Неформальные заметки о логической форме: монография. – СПб.: Алетеия, 2015. – 202 с. – EDN: YNBDGO.
6. Зайцев Д. В. Логика, рассуждения, информация // Современная логика: основания, предмет и перспективы развития. / Под ред. Д. В. Зайцева. – М.: ИД «ФОРУМ», 2018. – С. 111–127.
7. Зайцев Д. В. Обобщённая релевантная логика и модели рассуждений: монография. – М.: Креативная экономика, 2010. – 312 с. – EDN: SDSKEB.
8. Зайцев Д. В. Теории аргументации и их практические реализации // Рацио.ru. – 2015. – № 14. – С. 4–15. – EDN: VCSJMD.
9. Зиновьев А. А. Логическая физика. – М.: Наука, 1972. – 192 с.
10. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // И. Кант Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 319–444.
11. Карпенко А. С. Логика и метафизика. Сборник статей. – М.; СПб.: ЦГИ, 2017. – 432 с.
12. Коста Н. да, Френч С. Непротиворечивость, всеведение и истина (или попытка сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов) // Философские науки. – 1991. – Вып. 8. – С. 51–68.
13. Меськов В. С. Очерки по логике квантовой механики: монография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 144 с.
14. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм: сборник статей / Под ред. Е. Н. Лисанюк. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. – 380 с. – EDN: TXCOCT.
15. Пивоваров Д. В. Истинность и правильность // Взаимосвязь категорий: сборник статей. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1970. – С. 132–140.
16. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии: избр. Статьи – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 536 с.
17. Пивоваров Даниил Валентинович: Библиография учёного (к 70-летию со дня рождения и 45-летию творческой деятельности). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 58 с.
18. Слинин Я. А. Место логики в иерархии наук // Логика, язык и формальные модели: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – С. 127–131. – EDN: VQIOJL.
19. Смирнов В. А. Иммануил Кант и современная логика // Кантовский сборник. – Калининград: 1989. – Вып. 14. – С. 51–58.
20. Смирнова Е. Д. Логика и философия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.
21. Современная логика: основания, предмет и перспективы развития. / Под ред. Д. В. Зайцева. – М.: ИД «ФОРУМ», 2018. – 420 с.
22. Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики // Хинтиikka Я. Логико-эпистемические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – С. 35–67.
23. Alternative logics: Do Sciences need them? (2004) / P. Weingartner (Ed.). – Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 368 p. (In Eng.).
24. Field H. (2009) Pluralism in Logic. *The Review of Symbolic Logic*. Vol. 2. Issue 2. – P. 342–359. (In Eng.).
25. Priest G. (2008) An Introduction to Non-Classical Logic. – Cambridge: Cambridge University Press, 264 p. (In Eng.).
26. Williamson T. (2013) Modal Logic as Metaphysics. – Oxford: Oxford University Press, 480 p. (In Eng.).

References

1. Vasyukov, V. L. (2001) [On non-Fregean Argumentation]. *Teoriya i praktika argumentacii* [Theory and Practice of Argumentation]. Moscow: Institute of Philosophy RAS, pp. 130–143. (In Russ.).
2. Wright, G. H. von. (1992) [Logic and Philosophy in the Twentieth Century]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 8, pp. 80–91. (In Russ.).
3. Dunn, J. M. (2018) [Humans are rational Tool making Animals]. *Sovremennaya logika: osnovaniya, predmet i perspektivy razvitiya* [Modern Logic: Foundations, Subject and Development of Prospects]. D. V. Zajcev (Ed). Moscow: Publishing House FORUM, pp. 128–161. (In Russ., trans. from Eng.).
4. Dijk, T. A. van. (2015) *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication.]. under edit. V. I. Gerasimova (Ed). Moscow: Progress Publ., 312 p. (In Russ., trans. from Eng.).

5. Dragalina-Chyornaya, E. G. (2015) *Neformal'nye zametki o logicheskoy forme* [Informal Notes on logical form]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 202 p. – EDN: YNBDGO. (In Russ.).
6. Zajcev, D. V. (2018) [Logic, Reasonings, Information]. *Sovremennaya logika: osnovaniya, predmet i perspektivy razvitiya* [Modern Logic: Foundations, Subject and Development of Prospects]. D. V. Zajcev (Ed). Moscow: Publishing House FORUM, pp. 111–127. (In Russ.).
7. Zajcev, D. V. (2010) *Obobshchyonnaya relevantnaya logika i modeli rassuzhdenij* [Generalized relevant Logic and Models of Reasonings]. Moscow: Creative Economics Publ., 312 p. – EDN: SDSKEB. (In Russ.).
8. Zajcev, D. V. (2015) [Argumentation Theories and their practical Implementations]. *Racio.ru*. No. 14. pp. 4–15. – EDN: VCJMDH. (In Russ.).
9. Zinov'ev, A. A. (1972) *Logicheskaya fizika* [Logical Physics]. Moscow: Science Publ., 192 p. (In Russ.).
10. Kant, I. (1980) [Logics. Lecture Guide] *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow: Science Publ., pp. 319–444. (In Russ.).
11. Karpenko, A. S. (2017) *Logika i metafizika: sbornik statej* [Logic and Metaphysics: Digest of Articles]. Moscow – St. Petersburg: enter for humanitarian initiatives Publ., 432 p.
12. Costa, N. da, French, St. (1991) [Consistency, Omniscience and Truth (or an Attempt to construct a System for Reasonings more suitable for mere Mortals than for Angels)]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. Vol. 8. pp. 51–68. (In Russ.).
13. Mes'kov, V. S. (1986) *Ocherki po logike kvantovoj mekhaniki* [Essays on the Logic of Quantum Mechanics]. Moscow: Publishing House of the Moscow University, 144 p.
14. Lisanyuk, E. N. (2013) «*Normativnye sistemy*» i *drugie raboty po filosofii prava i logike norm* [«Normative Systems» and other Works on the Philosophy of Law and the Logic of Norms]. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University, 380 p. – EDN: TXCOCT. (In Russ.).
15. Pivovarov, D. V. (1970) [Truth and Correctness]. *Vzaimosvyaz' kategorij* [Relationship between categories]. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural State University, pp. 132–140. (In Russ.).
16. Pivovarov, D. V. (2011) *Sinteticheskaya paradigma v filosofii* [Synthetic Paradigm in Philosophy]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 536 p. (In Russ.).
17. Pivovarov, D. V. (2013) *Bibliografiya uchyonogo (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 45-letiyu tvorcheskoj deyatel'nosti)* [Pivovarov Daniil Valentinovich: Bibliography of the Scientist (on the Occasion of the 70th Anniversary of his Birth and the 45th Anniversary of his creative Activity)]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 58 p. (In Russ.).
18. Slinin, Ya. A. (2012) [The Place of Logic in the Hierarchy of Sciences]. *Logika, yazyk i formal'nye modeli* [Logic, language and formal Models]. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University, pp. 127–131. (In Russ.).
19. Smirnov, V. A. (1989) [Immanuel Kant and modern Logic]. *Kantovskij sbornik* [Kant's Collection]. Vol. 14, pp. 51–58. (In Russ.).
20. Smirnova, E. D. (1996) *Logika i filosofiya* [Logic and Philosophy]. Moscow: ROSSPEN Publ., 304 p.
21. Zajcev, D. V. (2018) *Sovremennaya logika: osnovaniya, predmet i perspektivy razvitiya* [Modern Logic: Foundations, Subject and Development of Prospects]. Moscow: Publishing House FORUM, 420 p. (In Russ.).
22. Hintikka, J. (1980) [Logic in Philosophy – Philosophy of Logic] *Logiko-epistemicheskie issledovaniya* [Logical-epistemic Studies]. Moscow: Progress Publ., pp. 35–67. (In Russ.).
23. Alternative logics: Do Sciences need them? (2004) P. Weingartner (Ed). Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 368 p. (In Eng.).
24. Field, H. (2009) Pluralism in Logik. *The Review of Symbolic Logik*. Vol. 2. Issue 2. pp. 342–359. (In Eng.).
25. Priest, G. (2008) *An Introduction to Non-Classical Logic*. Cambridge: Cambridge University Press, 264 p. (In Eng.).
26. Williamson, T. (2013) *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 480 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Алексей Геннадьевич Кислов, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4000-2716, **Research Profile ID:** AGB-1314-2022

e-mail: aleksey.kislov@list.ru

Статья поступила в редакцию: 25.12.2023; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Alexey Gennadyevich Kislov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4000-2716, **Research Profile ID:** AGB-1314-2022

e-mail: aleksey.kislov@list.ru

The paper was submitted: 25.12.2023.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья
УДК 130.123:215:22.06:

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-108>

К ВОПРОСУ О КЕРИГМАТИЧЕСКОЙ ВЕРЕ

Д. В. Котелевский

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: kotelevsky@mail.ru

Аннотация. В статье основным предметом анализа является феномен веры. Несмотря на то, что он достаточно исследован с точки зрения разных подходов, механизмам субъективного акта принятия веры традиционно уделяется не слишком много внимания. Поскольку данный аспект существования веры требует более пристального рассмотрения, то он помещается в центр анализа в статье. Главной целью данной работы является обоснование положения о том, что акт принятия веры имеет не только психологические аспекты, но может быть рассмотрен как базовая бытийная характеристика существования человека. Таким образом, само понимание данного процесса во всех его проявлениях может быть принципиально расширено и распространено на все сферы жизни человека и общества. В работе рассмотрены основные принципы понимания веры некоторыми протестантскими теологами, которые в центр внимания помещали субъективную веру и особенное внимание уделяли моменту принятия веры. В этом определенном контексте рассмотрены идеи керигматической теологии протестантского мыслителя Рудольфа Бульмана. В значительной мере принципы бульмановского подхода определили методологию рассмотрения анализируемого феномена. В статье вводится и обосновывается понятие «керигматическая вера». Показывается, что данное понятие обладает значительной методологической и эвристической новизной. Для обоснования продуктивности данного понятия используются, в том числе, современные интерпретации веры, в частности положения, высказанные французским философом Аленом Бадью в ходе его анализа роли апостола Павла в формировании христианской веры. В работе намечается возможная линия дальнейшего анализа феномена керигматической веры, которая предполагает как развитие уже предпринятой интерпретации идей Рудольфа Бульмана в более широком онтическом и онтологическом контексте, так и возможность дополнения подобного взгляда на феномен принятия веры принципами, заимствованными из методологии герменевтики и психоанализа Жака Лакана.

Ключевые слова: керигматическая вера, акт принятия веры, протестантская теология, керигматическая теология, эсхатология, Воскрешение Христа, универсализм.

Для цитирования: Котелевский Д. В. К вопросу о керигматической вере // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 108–114. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-108>.

Original article

ON THE ISSUE OF KERYGMATIC FAITH

D. V. Kotelevsky

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: kotelevsky@mail.ru

Abstract. In the article, the main subject of analysis is the phenomenon of faith. Despite the fact that the phenomenon of faith has been sufficiently studied from the point of view of different approaches, not much attention has traditionally been paid to the mechanisms of the subjective act of accepting faith. Since this aspect of the existence of faith requires closer consideration, it is placed at the center of the analysis in the article. The main goal of this work is to substantiate the position that the act of accepting faith has not only psychological aspects, but can be considered as a basic existential characteristic of human existence. Thus, the very understanding of this process in all its manifestations can be fundamentally expanded and extended to all spheres of human life and society. The work examines the basic principles of understanding faith by some Protestant theologians, who placed subjective faith in the center of attention and paid special attention to the moment of acceptance of faith. In this specific context, the ideas of the kerygmatic theology of the Protestant thinker Rudolf Bultmann are considered. To a large extent, the principles of Bultmann's approach determined the methodology for considering the phenomenon being analyzed. The article introduces and substantiates the concept of «kerygmatic faith». It is shown that this concept has significant methodological and heuristic novelty. To substantiate

the productivity of this concept, modern interpretations of faith are used, in particular, the positions expressed by the French philosopher Alain Badiou during his analysis of the role of the Apostle Paul in the formation of the Christian faith. The work outlines a possible line of further analysis of the phenomenon of kerygmatic faith, which involves both the development of the already undertaken interpretation of the ideas of Rudolf Bultmann in a broader ontic and ontological context, and the possibility of supplementing such a view of the phenomenon of acceptance of faith with principles borrowed from the methodology of hermeneutics and psychoanalysis of Jacques Lacan.

Key words: kerygmatic faith, act of acceptance of faith, Protestant theology, kerygmatic theology, Resurrection of Christ, eschatology, universalism.

Cite as: Kotelevsky, D. V. (2024) [On the issue of kerygmatic faith]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 108–114. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-108>.

Введение

В данной статье основной темой является вера. Отдельные моменты данных размышлений связаны с собственными научными интересами автора, в первую очередь это различные версии философской герменевтики, семиотики и структурализма. С другой стороны, желание придать связность этим идеям было стимулировано личными разговорами с Даниилом Валентиновичем Пивоваровым, признательность которому хотелось бы здесь высказать.

Цели исследования. В первую очередь уточним предмет нашего рассмотрения. Во-первых, для автора представляет интерес не только религиозная вера, но феномен веры как таковой и особенно акт обретения веры. Таким образом, вера нами здесь рассматривается как фундаментальный феномен человеческого бытия, как универсальный онтогносеологический феномен¹. В подобном ключе вера может быть рассмотрена как элемент обыденного, этического, эстетического или научного знания. Так в научном знании, в частности, вера присутствует в виде пресуппозиций и анализируется как в рамках классической философии науки, так и аналитической философии, лингво-семиотики². В этом контексте, не оспаривая целесобразность методологической полезности различения веры faith и веры belief, производимую Д. В. Пивоваровым в ряде его работ [12; 11], мы все же полагаем, что четкой границы между этими формами веры не существует. Заметим кстати, что интерес у Д. В. Пивоварова вызывают обе формы веры и обеим формам веры он уделяет значительное внимание в своих работах. Во-вторых, для нас здесь, прежде всего, интерес представляет не то, как существует и воспроизводится уже сформировавшаяся вера, а то, как вера возникает.

Для автора первоочередной интерес представляет вопрос – Что происходит в тот момент, когда неверующий человек во вспышке некоторого озарения становится верующим? Что происходит в тот момент, когда Савл становится Павлом³? Что происходит в момент обретения субъектом вместе с верой нового мировоззрения?

Методы исследования. Не пытаясь прочертить непреодолимую границу между коллективной формой веры и субъективной, мы все-таки сосредоточим свое внимание на феномене субъективной веры и механизмах ее возникновения. Для этого мы проанализируем ключевые положения представителей протестантской теологии, обращавшихся к теме обретения веры и отдельные положения такого современного мыслителя как Ален Бадье, также поместившего вопросы принятия веры в центр своих размышлений в своих работах.

Понимание веры в протестантской теологической традиции

Следует признать, что вопрос веры и ее обретения европейская религиозная и философская мысль не обошла стороной. Легко ли обрести веру? Христианская европейская культура в той или иной форме обращалась к этому вопросу. Варианты ответа на этот вопрос видятся достаточно разными. Психологические переживания, связанные с обретением Павлом веры, им самим описаны довольно общим образом. Само его преобразование в вере выглядит мгновенным и абсолютно значимым. Зато ряд средневековых источников восторженно описывают чудесное обретение истинной веры и содержат детализированные психологические самоописания этого события. Впрочем, далеко не всегда обретение веры понималось одноз-

¹ Некоторые отдельные положения рассмотрения веры как онтогносеологического феномена были представлены автором в работе «Вера как онтогносеологический феномен» [7].

² В философии науки рассмотрению тех или иных положений, лежащих в основании научной теории, но не имеющих достаточного подтверждения, посвящен ряд работ как достаточно известных, так и малоизвестных авторов [8; 15; 14; 3; 16]. Обоснование предвзятых как продуктивной формы знания производилось Х.-Г. Гадамером в его фундаментальной работе «Истина и метод» [5]. Среди последних работ, обращающихся к этой теме в аналитическо-семиотической традиции можно отметить работу В. В. Долгорукова [6].

³ Сама смена имени Савла на Павла, то есть метаномазия, в контексте веры, преобразующей человека, весьма интересно рассмотрена Дж. Агамбенем в работе «Оставшееся время» [1, с. 19–22].

начно привлекательным образом. Достаточно вспомнить Сёрена Кьеркегора, для которого обретение веры связано с усилием расставания с чем-то значимым для субъекта. Для Кьеркегора вера – это невысказанный, логически ничем не подтвержденный скачок из одного мира в другой, скачок, в котором, прежние формы мысли и жизни исчезают. В работах Кьеркегора вера, по сути, представляется онтологическим скачком в новый мир [9;10]. Такой скачок требует от него усилия, страсти, преданности, готовности расстаться со всем тем, что было значимым раньше⁴. Возможно подобная специфика понимания веры связана с общими установками протестантизма как такового, для которого важнее было осмыслить не веру, а условия ее обретения. Эти тенденции в понимании веры весьма ясно прочтываются как у ранних протестантских мыслителей, так и мыслителей более позднего периода – Фридриха Шлейермахера, Карла Барта, Дитриха Бонхёффера, Рудольфа Бульмана. Для них в центре внимания оказывается благая весть, возможность ее восприятия. Обретение новой веры, по их мнению, собственно и создает христианского субъекта веры. Этим своим вниманием к акту обретения веры протестантские мыслители и привлекают как неравнодушных к вопросам веры, так и многих исследователей.

Для автора из ряда вышеперечисленных мыслителей наиболее интересными представляются размышления Р. Бульмана, считающегося одним из основоположников диалектической теологии. Его идеи оригинальны с точки зрения формы описания этого центрального, по мнению протестантских теологов, для верующего христианина принципа – принципа абсолютной значимости обретения веры, ничем внешним для нее не обоснованным. Обратимся к некоторым положениям работы Р. Бульмана «Новый завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия»⁵, опубликованной им в 1941 году. В этой работе Бульман указывает на необходимость демифологизации Нового завета. Демифологизация, с точки зрения Бульмана, заключается в том, чтобы вынести за скобки христианской веры какие-либо конкретные исторические факты об историческом Иисусе Христе. Это не означало, что Бульман отрицал существование исторического Христа, но различного рода мифы и аллегории, по его мнению, не являются существенными для христианской веры. Таким обра-

зом, Бульман ставит вопрос о различении истинной и внешней мифологизированной веры.

Бульман различает внешнюю историю (Historie) и внутреннюю историю (Geschichte). Внешняя история – это мифологизированное аллегорическое понимание Христа и христианства. Внешняя история для него – это всего лишь выразительный аллегорический язык. Внутренняя история – это подлинное Событие христианства, событие веры, переход от неаутентичного к аутентичному существованию человека. В этом, по Бульману, и заключается смысл веры – переход к подлинному существованию, к воскрешению в Христе. Именно Воскресение Христа представляется Бульманом существом христианской веры. Он уточняет, что значимым является не столько само событие Воскресения, сколько сообщение о Воскресении, Благая весть. Таким образом, сущность христианской веры, по Бульману, определяется созданием и фундированием нового способа открытости человека для благой вести, нового способа существования этого сообщения, формирующего христианство.

Здесь важны и моменты различия мысли Бульмана по отношению к некоторым другим христианским мыслителям, которые также как и он в центр своих размышлений ставили событие воскрешения. Но в отличие от Бульмана они его рассматривали преимущественно как чудо, более того как чудо, удостоверяющее Христа и христианство как веру. По Бульману же такое событие невероятно во всех смыслах – онтологическом, гносеологическом, логическом и т. д. Потому оно не может быть рассмотрено ни как удостоверяющее знание, ни даже как удостоверяющее чудо. Во главу угла Бульман ставит возникновение той ситуации, которая дает возможность человеку поверить в невероятное, нелогичное, трансцендентное по отношению к обычной жизни. Сама возможность веры в благую весть, ее дар, по мнению Бульмана, и определяет специфику христианской веры. Для Бульмана чудо – не столько Воскресение Христа, сколько весть о нем и вера в него. «Воскресение Христа представляет собой предмет веры, так как означает нечто большее, чем возврат мертвого к земной жизни: оно есть эсхатологическое событие» [4, с. 38]. Далее Бульман пишет «...слово провозвестия само принадлежит эсхатологическому событию спасения» [4, с. 38]. Это означает, что событием воскрешения для Бульмана

⁴ О скачке веры кьеркегоровского субъекта, на наш взгляд, достаточно точно пишет В. А. Подорога в своей книге «Выражение и смысл» [13, с. 39–134]. В нашем понимании обретение веры связано у Сёрена Кьеркегора с онтологическим пространством Боли, топологическая конфигурация которого является как важной частью и условием обретения веры, так и важнейшей чертой бытия человека.

⁵ Русский перевод этой работы в книге Бульман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I—II / Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004 [4]. В этой же книге представлены переводы весьма важных работ Р. Бульмана, характеризующих его понимание роли Павла в христианстве.

является само слово о воскресении, которое теперь фундирует возможность христианской веры. Тем самым, смысл христианской веры видится им в создающем верующего субъекта акте веры в благою весть о воскресении. Таким образом, по нашему мнению, Бультман доводит до завершения идею керигматической веры, веры, обосновывающей саму себя актом собственного утверждения, вынося за скобки все несущественное, мифологизированное.

Данный тип размышления захватывает своей необычностью, ясностью позиции, доведенной до логического завершения в обосновании роли веры. Но этот тип размышлений истораживает некоторой своей иррациональностью, невозможностью в самом акте веры отделить одну веру от другой. По сути Бультман склоняет читателя к признанию того, что христианство и есть подлинная вера, акт обретения веры в высшей степени, так как раскрывает существо человека как подлинным образом верующего. Здесь уместно возникает вопрос – только ли христианский акт веры может быть рассмотрен таким образом? Возможен ли иной акт возникновения новой веры и новой реальности, создаваемой верой? По нашему мнению, описанная Бультманом форма в целом применима к любой вере. Тем самым Бультман, обосновывая значимость обретения христианской веры, по сути, обосновал значимость обретения веры как таковой. Обратим внимание также на то, что сам термин «керигматическая теология» обычно связывается с именем Бульзмана, хотя само слово, разумеется, имеет греческое происхождение⁶.

Понятие и феномен «керигматической веры»

Актуализируя понятие керигматической теологии, мы хотели бы здесь, в этой статье, ввести и обосновать понятие «керигматическая вера». Под керигматической верой мы здесь понимаем веру, создающую нового субъекта, веру, основывающую новое знание, прежде не существовавшее, веру, конституирующую новые типы практик, основанных на новом знании и, наконец, веру, формирующую новые типы коллективности. В понятии керигматической веры для нас существенен ее конституирующий момент. Весть или событие новой вести создает мир новой веры и новой реальности, в которой и обнаруживает затем себя субъект. Таким образом, керигматическая вера, по нашему мнению, обозначает точку события преобразования субъекта, сингулярность перехода к новой реальности. Такая событийная точка может иметь место

в религии, науке или в другой форме человеческой деятельности, другими словами она имеет универсальный характер в своей конститутивной форме.

На наш взгляд, феномен керигматической веры осмысливается в настоящее время в работах разных философов, в том числе тех, которых вряд ли можно отнести к лагерю религиозно ориентированных мыслителей. Так, например, к осмыслению этой темы обращается Ален Бадье. Для А. Бадье, как и для ряда упомянутых выше протестантских теологов, в центр размышлений о керигматической вере помещена фигура Павла. Размышлениям о роли Павла полностью посвящена его работа «Апостол Павел. Обоснование универсализма» [2]. Очевидно, что А. Бадье скорее атеист, чем верующий человек, но интерес у Бадье вызывает как собственно феномен веры, так и проект универсализации в понимании человека, который, по его мнению, связан с ролью Павла в христианстве и его пониманием веры. Таким образом, Павел снова становится объектом нашего пристального внимания уже не только и не столько как внезапно обретающий веру, не как герой веры, а как обозначающий место, где вера дается. Прояснению места Павла в связи с керигматическим опытом уверования и универсализмом в понимании человека и посвящена эта работа Бадье. В своей работе Бадье обращает внимание на то, что именно тексты Павла хронологически оказываются первыми текстами новой веры. Бадье пишет, что у Павла все чудеса Христа великолепно проигнорированы, «Все сведено к одному единственному пункту: Иисус, сын Божий... умер на кресте и воскрес. А остальное (все остальное!) лишено всякого значения. Скажем даже: остальное (то, что Иисус сказал и сделал) *не составляет никакой реальности веры, а засоряет ее, даже фальсифицирует*» [2, с. 30]. Хотелось бы обратить внимание на то, насколько здесь мысль Павла в интерпретации Бадье оказывается близкой мысли Бульзмана с его стремлением к демифологизации Нового завета.

Слова Павла «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского...» (Гал. 3,28) интерпретируются Бадье следующим образом – это именно вера освобождает от партикулярности и делает человека в вере универсальным. «В действительности, «иудей» и «грек» – субъективные диспозиции» [2, с. 36], – пишет Бадье и далее рассматривает иудея и грека как дискурсивные режимы. По сути, эти дискурсивные режимы оказываются одновременно режимами онтологиче-

⁶ Греческое κήρυγμα образовано от глагола κηρύσσω – «провозглашать» и изначально обозначало содержание речи глашатая. Обычно исследователями указывается на то, что в Новом Завете слово κήρυγμα употребляется в значении «провозвестие, проповедь» и используется довольно редко.

скими и антропологическими в том смысле, что они собственно и определяют способ бытия человека в мире. Каждый из этих режимов видится Бадье как ограниченный. Главными фигурами этих дискурсов оказывается пророк (для иудеев) и мудрец (для эллина). В этих дискурсивных режимах «человечество раскалывается надвое (Иудей и Еллин), что блокирует универсальность Вести» [2, с. 37]. Христианский же дискурс, дискурс Павла, намечает третью фигуру, которая снимает противоречие между первыми двумя. Главным для христианского дискурса является событие Вести о Воскресении Иисуса. Апостолом, по мнению Бадье, «является тот, кто называет эту возможность (Евангелие, благая весть есть не что иное, как: мы можем победить смерть). Его дискурс – движение от простой верности к открытой событием возможности» [2, с. 40]. И далее он уточняет, что «Христос – это *пришествие*, он тот, кто упраздняет прежний режим дискурсов. Христос в себе и для себя представляет *пришедшее*» [2, с. 43].

Не все выводы, которые делает Бадье в этой работе, представляются убедительными. Но, на наш взгляд, Бадье в целом справедливо отмечается роль керигматической веры, веры создающей нового субъекта, субъекта, вбрасывающего себя в пространство новой реальности и новой жизни. Во многом верной, по нашему мнению, является и его оценка понимания таким философом как Фридрих Ницше роли Павла. Напомним, что, по мнению Ф. Ницше, апостол Павел – это проповедник презрения к жизни. Конечно, для Ницше это неприемлемо, ибо жизнь для него – это высшая ценность. Бадье обращает внимание, во-первых, на то, что Павел призывает не к смерти, а к новой жизни, к воскрешению во Христе, а во-вторых, на то, что Ницше видит в Павле, прежде всего, своего конкурента. Ведь Ницше сам себя видит как создателя нового учения, нового типа знания о новом типе че-

ловека, потому Павел, конечно, для него соперник. Мы здесь поддерживаем мнение Бадье, что в керигматическую веру часто вписывается фигура соперничества. Создание новой веры – это ведь и разрушение старой веры, старого образа жизни и создание новой жизни, нового человека.

Заключение

Таким образом, следует признать, что в силу универсальности и фундаментальной значимости феномена керигматической веры фактически в кругу пространства размышлений о ней находятся не только те мыслители, кто принадлежит протестантской теологической традиции или теологической традиции в целом. К этим размышлениям причастны и те, кто достаточно далек от теологии и понимает веру как преобразующую и формирующую субъекта, отдельные сообщества и целые цивилизации.

Научная ценность анализа акта обретения веры во многом и заключается в том, что он рассматривает механизм обретения данной веры как универсальный для всех сфер человеческого бытия, проявляющийся потому по-разному, но имеющий общие черты.

Очевидно также, что само понятие керигматической веры требует своего дальнейшего осмысления. Автор полагает, что достаточно большой потенциал в раскрытии механизмов керигматической веры имеется как у герменевтической традиции, так и у семиотическо-структуралистской традиции, в частности у концепции Жака Лакана и его последователей, но это уже тема последующих исследований. Продуктивность вышеуказанных направлений заключается в том, что на основе вскрытых методами герменевтики или структуралистской семиотики механизмов возможно как создание классификации этих механизмов актов принятия веры, так и работа с коллективными формами верования различного типа.

Литература

1. Агамбен Д. Оставшееся время : Комментарий к Посланию к Римлянам / пер. с итал. С. Ермакова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 224 с.
2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / Пер. с фр. О. Головой. – М.: Московский философский фонд; СПб.: Университетская книга, 1999. – 94 с.
3. Блур Д. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика / пер. с англ. Е. Напреенко // Социология власти – 2012. – № 6–7 (1) – С. 150–177.
4. Бультман Р. Новый завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия / пер. Г. В. Вдовиной // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. I–II. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–41.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
6. Долгоруков В. В. Эпистемические пресуппозиции и классификация ассертивов // Эпистемология и философия науки – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 92–105. – <https://doi.org/10.5840/eps201751112>.
7. Котелевский Д. В. Вера как онтогносеологический феномен// PIVOVAROV-READINGS II: Религия. Человек. Цифровизация: процессы дифференциации и синтеза знания: сборник статей второй научно-практи-

ческой конференции с международным участием, 29–30 октября 2021 г. Екатеринбург / Уральский Федеральный Университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург: Деловая книга, 2022. – С. 138–140.

8. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

9. Кьеркегор С. Или – или: Фрагмент из жизни / Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М.: Академический проект, 2014. – 775 с.

10. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева; общ. ред., сост. и предисл. С. А. Исаева. – М.: Республика, 1993. – 382 с.

11. Пивоваров Д. В. Душа и вера: монография – Оренбург: Изд-во ООИПКРО, 2003 (Тип. Оренбургского обл. ин-та повышения квалификации работников образования). – 223 с.

12. Пивоваров Д. В. Онтология религии: основные понятия и принципы. – СПб.: Алетейя, 2017. – 568 с.

13. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. – М.: Ad Marginem, 1995. – 426 с.

14. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.

15. Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. / пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с.

16. Bloor D. (2011) The Enigma of the Aerofoil: Rival Theories in Aerodynamics, 1909–1930. The University of Chicago Press, 561 p. (In Eng.).

References

1. Agamben, J. (2018) *Ostavsheesya vremya: Kommentarij k Poslaniyu k Rimlyanam* [Remaining time]. Translation from It. S. Ermakov. Moscow: New Literary Review, 224 p.

2. Badiou, A. (1999) *Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma* [Apostle Paul. Justification for universalism. Publishing house]. Moscow: Moscow Philosophical Foundation, University Book; St. Petersburg: University book, 94 p. (In Russ., transl. from French).

3. Bloor, D. (2012) [Chapter 6. Is alternative mathematics possible]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power] Vol. 6–7 (1), pp. 150–177. (In Russ., transl. from Eng.).

4. Bultmann, R. (2004) [New Testament and Mythology. The problem of demythologizing the New Testament proclamation] Translation G.V. Vdovinoj. *Bul'tman R. Izbrannoe: Vera i ponimanie* [Bultmann R. Selected: Faith and Understanding] V. I–II. Moscow: ROSSPEN, 752 p. (In Russ.).

5. Gadamer, H. G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filos. germenевtiki* [Truth and Method. Foundations of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 704 p. (In Russ., transl. from Germ.).

6. Dolgorukov, V. V. (2017) [Epistemic presuppositions and taxonomy of assertive]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 51, No. 1, pp. 92–105. – <https://doi.org/10.5840/eps201751112>. (In Russ.).

7. Kotelevsky, D. V. (2022) [Faith as an ontognoseological phenomenon]. *PIVOVAROV-READINGS II: Religiya. CHelovek. Cifrovizaciya: processy differenciacii i sinteza znaniya: sbornik statej vtoroj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, 29–30 oktyabrya 2021 g. Ekaterinburg* [PIVOVAROV-READINGS II: Religion. Human. Digitalization: processes of differentiation and synthesis of knowledge: collection of articles of the second scientific and practical conference with international participation, October 29–30, 2021 Ekaterinburg]. Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Ekaterinburg: Business book, pp. 138–140. (In Russ.).

8. Kuhn, T. (2003) *Struktura nauchnyh revolyucij* [Structure of scientific revolutions]. Moscow: ACT Publishing House LLC, 605 p. (In Russ., transl. from Eng.).

9. Kierkegaard, S. (2014) *Ili — ili: Fragment iz zhizni* [Either – or: A fragment from life]. Moscow: Academic project, 775 p. (In Russ., transl. from Dan.).

10. Kierkegaard, S. (1993) *Strah i trepet* [Fear and Trembling]. General edition, compilation and preface S. Isaev. Moscow: Republic, 382 p. (In Russ., transl. from Dan.).

11. Pivovarov, D. V. (2003) *Dusha i vera* [Soul and Faith]. Orenburg: Publ.house ORIA TEW (Typ. Orenburg Region Institute for Advanced Training of Education Workers), 223 p.

12. Pivovarov, D. V. (2017) *Ontologiya religii: osnovnye ponyatiya i principy* [Ontology of religion: basic concepts and principles]. D. V. Pivovarov. St. Petersburg: Aletheia, 568 p.

13. Podoroga, V. A. (1995) *Vyrazhenie i smysl. Landshaftnye miry filosofii: K'erkegor, Nicshe, Hajdegger, Prust, Kafka* [Expression and meaning. Landscape worlds of philosophy: S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, M. Proust, F. Kafka]. Moscow: Ad Marginem, 426 p.
14. Polanyi, M. (1985) *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge. On the way to post-critical philosophy]. Moscow: Progress, 344 p. (In Russ., transl. from Eng.).
15. Feyerabend, P. (2007) *Protiv metoda: ocherk anarhistskoj teorii poznaniya* [Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge]. Paul Feyerabend; Moscow: AST: AST MOSCOW: GUARDIAN, 413 p. (In Russ., transl. from Eng.).
16. Bloor, D. (2011) *The Enigma of the Aerofoil: Rival Theories in Aerodynamics, 1909–1930. David Bloor. The University of Chicago Press, Ltd., London*, 561 p.

Информация об авторе:

Дмитрий Владимирович Котелевский, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0009-0000-7379-8568

e-mail: kotelevsky@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 02.10.2023; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dmitriy Vladimirovich Kotelevsky, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Ontology and theory of knowledge, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0009-0000-7379-8568

e-mail: kotelevsky@mail.ru

The paper was submitted: 02.10.2023.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

К ВОПРОСУ О ПОЛИСУБЪЕКТНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ ДУХОВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

И. А. Латыпов

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
e-mail: ildarlatypov@mail.ru

Ф. Н. Поносов

Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия
e-mail: peshta@bk.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется востребованностью анализа множественности субъектов как источников и носителей активности в интеллектуальной деятельности для различных целей (например, в культуре, искусстве, производстве информации, массовых коммуникациях и т. п.). С другой стороны, остры проблемы межконфессиональных конфликтов и продвижения духовных ценностей различными конфессиями. Также различные вопросы, связанные с возрождением религиозности, важны для российских атеистов, мусульман, православных и других конфессий.

Целью работы является исследование комплексных вопросов полисубъектности в интеллектуальной деятельности в современных процессах сохранения и развития духовной собственности.

В качестве методологических оснований используются научная индукция, социальная дифференциация Н. Лумана и концепция полисубъектной социальности Уральской философской школы.

К основным результатам исследования относится сдвиг приоритетов социально-философских исследований интеллектуальной деятельности в отношении духовной собственности от преимущественного анализа диалогов к анализу поли-логов, от парных форм сотрудничества к одновременному и множественному сотрудничеству многих субъектов с социокультурными общностями и системами духовной собственности.

Научная новизна заключается в оценке интенсивности полисубъектной интеллектуальной деятельности и обосновании локального снятия противоречия индивидуального и социального в больших полисубъектных сетях интеллектуальной деятельности (например, в национальном проекте развития цифровой экономики). В самом деле, общая возможная интенсивность интеллектуальной деятельности взаимосвязанных моносубъектов в оценке предельного перехода растёт пропорционально второй степени их числа (то есть полисубъектная сеть в этом случае станет социальной).

Направления дальнейших исследований определяются перспективами и проблемами анализа назревающего прорыва в разработках искусственного интеллекта (ИИ) и проблемы субъектности как этих разработок, так и результатов деятельности ИИ.

В дальнейшем рекомендуется доработка и развитие полисубъектной хронотопической концепции анализа субъектности в интеллектуальной деятельности в отношении духовной собственности для диахронического и синхронического исследования их роли в социальном пространстве и социальном времени.

Ключевые слова: полисубъектность, секуляризация, вера, атеизм, интеллектуальная деятельность, духовная (нематериальная) собственность.

Для цитирования: Латыпов И. А., Поносов Ф. Н. К вопросу о полисубъектности интеллектуальной деятельности в отношении духовной собственности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 115–126. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-115>.

Original article

ON THE ISSUE OF POLYSUBJECTIVITY OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN RELATIONS OF SPIRITUAL PROPERTY

I. A. Latypov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia
e-mail: ildarlatypov@mail.ru

F. N. Ponosov

Udmurt State Agricultural University, Izhevsk, Russia
e-mail: peshta@bk.ru

Abstract. *The relevance of this research is determined by the demand of the analysis of the multiplicity of subjects as sources and carriers of activity in intellectual activity for various purposes (for example, in culture, art, information production, mass communications, etc.). On the other hand, the problems of inter-confessional conflicts and the promotion of spiritual values by various confessions are acute. Also, various issues related to the revival of religiosity are important for Russian atheists, Muslims, Orthodox and other confessions.*

The aim of the work is to study complex issues of poly-subjectivity in intellectual activity in modern processes of preservation and development of spiritual property.

Scientific induction, N. Luhmann's social differentiation and the concept of poly-subject sociality of the Ural Philosophical School are used as methodological bases.

The main results of the study include a shift in the priorities of socio-philosophical research of intellectual activity in the relations of spiritual property from the predominant analysis of dialogues to the analysis of poly-logues, from paired forms of cooperation to simultaneous and multiple cooperation of many subjects with socio-cultural communities and systems of spiritual property.

The scientific novelty includes estimates of the local elimination of contradiction of «individual» and «social» in large poly-subject networks of intellectual activity (for example, in the national project for the development of the digital economy). Indeed, the overall possible intensity of intellectual activity of interconnected mono-subjects in the limit transition grows proportionally to the second degree of their number (i.e. a poly-subject network becomes a societal network).

The directions of further research are determined by the prospects and problems of analyzing the impending breakthrough in the development of artificial intelligence (AI) and the problems of subjectivity of both these developments and the results of AI activities.

Further refinement and development of the poly-subject chronotopic concept of analyzing subjectivity in intellectual activity in relations of spiritual property is recommended for diachronic and synchronous study of their role in social space and social time.

Key words: *poly-subjectivity, secularization, faith, atheism, intellectual activity, spiritual (non-material) property.*

Cite as: Latypov, I. A., Ponosov, F. N. (2024) [On the issue of polysubjectivity of intellectual activity in relations of spiritual property]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 115–126. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-115>.

Введение

Поиски решения сложных исследуемых вопросов, несомненно, являются необходимыми для современной цивилизации, в особенности, для России по многим причинам.

С одной стороны, социальная и политическая философия в разных регионах по-новому сталкива-

ется с прежней противоречивостью процессов возрождения религиозности и секуляризации¹ (например, в Китае по отношению к мусульманам-уйгурам²). Эти вопросы актуальны и для российских атеистов, мусульман и православных (если располагать по алфавиту), и для верующих иных конфессий в РФ и за рубежом³.

¹ Пивоваров Д. В. Секуляризация // Социальная философия: Словарь. Москва: Академический проект, 2003. С. 403.

² Эта проблема – не столько религиозоведческая, сколько социально-политическая и мировоззренческая.

³ В этом отношении очень показательно суждение специалиста мирового уровня по вопросам атеизма и религии профессора Пивоварова Д. В. о космоцентрических религиях: они «существуют в формах теизма, пантеизма и атеизма» [Пивоваров Д. В. Религия // Социальная философия: Словарь. Москва: Академический проект, 2003. С. 377].

С другой стороны, сюжетная интрига развития исследуемых процессов определяется противоречивым сочетанием инноваций и традиций, поскольку различные вопросы, ставящиеся по поводу моно- и полисубъектов интеллектуальной деятельности в духовном производстве важны и в разработках искусственного интеллекта (ИИ), и в пропаганде веротерпимости и профилактике экстремизма для разрешения межконфессиональных конфликтов. В РФ такие исследования востребованы в последние годы в связи с дискуссией о духовных «скрепах».

Налицо противоречивость цивилизационных требований в современной России: традиционность духовных ценностей, как в мировоззрении многих российских атеистов, так и в традиционных российских конфессиях, контрадикторно, на первый взгляд, цивилизационному требованию инновационности и креативности. Но это противоречие отчасти кажущееся, поскольку для успешных и даже прорывных инновационных проектов требуется прочная база. Без опоры на хотя бы некоторые традиции, инновации окажутся «воздушными замками», провисшими в пустоте, или «прожекторами», тонущими в зыбучем песке отсутствия необходимых ресурсов. Это и многое другое определяет важность и значимость исследования.

В работе анализируется проблема множественной полисубъектности интеллектуальной деятельности по производству духовных ценностей в отношениях духовной собственности. Исследуемая проблема непосредственно связана с темой статьи, поскольку новое направление философии духовной (нематериальной) собственности в значительной степени развивает, углубляет и осовременивает многолетние отечественные исследования духовного производства. Неизбежно социально-философское вопрошание: кто является субъектами интеллектуальности в такого рода отношениях? Подобное вопрошание в социогуманитарных науках обычно осложняется тем, что объект и субъект познавательной деятельности в этом случае мало отличаются друг от друга.

В связи с этим ставится цель исследования множественной динамики полисубъектности в интеллектуальной деятельности по сохранению, развитию и трансформации отношений духовной собственности.

Обзор литературы

Для характеристики степени разработанности проблемы в современной науке следовало бы отметить длинный ряд отечественных и зарубежных работ по проблемам духа и духовности, а также отечественные исследования духовного производства, проводившиеся в течение нескольких десятков лет. Тысячелетиями многие мыслители в разных традициях с разных точек зрения обсуждали такие духовные ценности, как добро, благо, справедливость, красота, истина⁴ и др. (см. сноску). Но статья не является обзорной.

Введённое самим Гегелем в «Философии права» понятие духовной собственности [2] прижиалось им, упоминалось лишь как довесок к вещной собственности. В постперестроечный период некоторые российские философы начинали обращаться к понятию духовной собственности, например, Тульчинский Г. Л. и Исупов К. Г. [4].

Однако в работах [8] и [20] (и др., отмеченных в этих текстах) уже проведены обзоры литературы по проблемам духовной собственности, системы её субъектов, социальных качеств и места в духовном производстве.

Фундаментальными являются работы профессора Пивоварова Д. В. по религии и секуляризации^{5, 6}.

Предыстория и развитие рациональных компонентов философского анализа понятия «интеллект» связаны с историческим развитием философских учений о разуме и сознании, например, понятие «нус» (разум, греч.) древнегреческой философии или термин «Мировой Разум» Гегеля, или мир объективного знания (К. Поппер).

В философских текстах В. Лейбница, затем И. Канта, Г. Гегеля, Л. Фейербаха отмечается активность субъекта познавательной и мыслительной, т. е. интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальный вклад в образование (юридическое, медицинское и др.) и деньги, потраченные на него, исследовались и оценивались Прудонем в контексте и в перспективе возможного извлечения частнопрактикующими юристами или врачами доходов из знаний как «духовного капитала» (термин Прудона). Однако он считал, что любой «капитал, как материальный, так и духовный, будучи созданием коллективным, представляет собой» и «собственность коллективную»⁷.

⁴ Например, важный для интеллектуальной деятельности с духовными ценностями принцип двойственной истины в средневековой мавританской философии Аверроэса (Ибн-Рушд) разработал в критическом переосмыслении философии Аристотеля и в противовес религиозной философии ислама. По Аверроэсу, поиск истины в науке осуществляется по другим основаниям, в отличие от понимания истины мусульманскими богословами. После него Оккам У. переоткрывает принцип двух истин также в комментариях по поводу философии Аристотеля, с одной стороны, но уже в критическом переосмыслении католических богословов, с другой.

⁵ Пивоваров Д. В. Религия // Социальная философия: Словарь. Москва: Академический проект, 2003. С. 376–384.

⁶ Пивоваров Д. В. Секуляризация // Социальная философия: Словарь. Москва: Академический проект, 2003. С. 403.

⁷ Прудон П.-Ж. Что такое собственность? СПб.: Изд-во Леонтьевых, 1907. С. 104.

Бурдые П. ввёл в научный оборот понятие культурного капитала, характеризующего степень влияния его социальных агентов в поле интеллектуальной и культурной деятельности.

В отечественной философии Шпет Г. Г. исследовал «Сознание и его собственника». Роль интеллекта в научных коммуникациях исследовалась Щедровицким Г. П. и его последователями по Московскому методологическому кружку.

Для нашей работы существенное значение имеет диалектика субъекта и объекта, глубоко и детально исследовавшаяся Любутиным К. Н. и Д. В. Пивоваровым [11].

Ф. Н. Поносов детально исследовал «основания для деления познающих субъектов на субъекты гносеологические, эпистемические и синкретические» [14]. Сопоставление интеллектуальности и духовных ценностей в процессах секуляризации и возрождения религиозности предполагает также анализ структуры и специфики функционирования субъектов познания, проведённый в [14].

Значение интеллектуальности в развитии культурного капитала и духовных ценностей отмечалось Кемеровым В. Е. и Латыповым И. А.⁸

Философские аспекты интеллектуальной собственности исследуются Ореховым А. М., Латыповым И. А. и др. Обзор литературы по социально-философским проблемам такой отрасли права интеллектуальной собственности⁹, как авторские права в современных условиях цифровизации, содержится в [7].

На основе системной теории Лумана Н., Резаев А. В. и Трегубова Н. Д. показывают, что в онлайн-взаимодействиях постепенно формируются феномены «искусственной социальности», связанные с проникновением технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь людей [15].

Из западных исследователей субъектов научной и, в целом, культурной деятельности для данной работы наиболее важны Merton R. и Сампра Р. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной деятельности в мировой науке тщательно исследованы в [21]. R. Merton констатировал неравномерность

общественного признания заслуг различных учёных во всём мире. Сампра Р. рассматривает социальных роботов как мост между гуманитарной и естественно-научной культурой.

Вместе со всем этим, несмотря на обилие материала, связанного с предметом исследования, сама философская проблема субъектов интеллектуальной деятельности в процессах сохранения и развития духовной собственности оказалась своего рода белым пятном.

Методы

К используемым подходам относятся методология социальной дифференциации Н. Лумана, элементы научной индукции¹⁰ и концепция полисубъектной социальности Уральской философской школы¹¹.

Концепция полисубъектности позволяет исследовать множественные сети различных процессов интеллектуальной деятельности в сохранении и развитии полифонических отношений духовной собственности.

Обсуждение

Понятие духовной собственности допускает как религиозную, так и атеистическую трактовку. Краткая характеристика предыстории формирования концепции духовной собственности нуждается в уточнении следующих фактов.

В условиях религиозности Средневековья понятие духовной собственности не использовалось. Впрочем, и антропоцентризм Возрождения обошёлся без этого термина.

Данный термин появился лишь в Новое время у Гегеля. Одной из причин этого является его пристальное внимание к собственности, рассматривавшейся им в качестве одного из важнейших условий человеческой свободы¹². Но это у Гегеля относилось к вещной собственности. А итог «духовной деятельности обладает тем определением, что он ... другими индивидами ... усваивается..., они превращают *выученное... в отчуждаемую вещь...* возникающая при этом повторном высказывании *форма* превращает

⁸ Кемеров В. Е., Латыпов И. А. Капитал // Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. Москва: Академический проект, 2003. С. 188–191.

⁹ Гражданский кодекс РФ. Часть 4. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/grazhdanskiy-kodeks-rossiyskoy-federacii-chast-chetvertaya/download> (дата обращения: 19.11.2022).

¹⁰ Научная индукция будет использоваться для индуктивного перехода и обобщения в оценке интенсивности полисубъектной интеллектуальной деятельности.

¹¹ В рамках формирующейся хронопической парадигмы профессора Кемерова В. Е. [5].

¹² Гегель же на многие десятилетия задал вектор анализа проблем субъекта и субъектности. По его мнению: «субъект – лишь возможность личности, поскольку каждое живое существо есть субъект. Следовательно, лицо есть субъект, для которого эта субъективность есть...» [2, с. 97].

сокровищницу наличных научных данных, и в особенности мысли тех других людей, которые еще сохраняют внешнюю собственность на продукты своего духовного творчества, в специальную духовную собственность воспроизводящего ее индивида» [2, с. 125–126].

Новое время, с одной стороны, характеризуется появлением национальных государств. В связи с этим различные исследователи использовали термин «дух народа», который в нашем понимании может рассматриваться как выражение духовной собственности народа.

Напротив, «субъект индивидуального действия развивается одновременно как субъект познания» [11, с. 181]. Соответственно, индивидуальный субъект интеллектуальной деятельности развивается одновременно как субъект познания.

В современном подходе же «гносеологическим субъектом называется такой познающий субъект, деятельность которого направлена на получение нового для цивилизации знания; эпистемический субъект – это такой познающий субъект, деятельность которого направлена на использование как уже имеющегося, так и возможного будущего знания цивилизации. Синкретический субъект – это такой познающий субъект, деятельность которого направлена и на получение нового для цивилизации знания, и на использование как уже имеющегося, так и возможного будущего знания цивилизации. Деятельность гносеологического и эпистемического и синкретического субъектов взаимосвязана и взаимовлияет друг на друга. В конечном итоге детализация функций познающего субъекта способствует более быстрому достижению истины» [14].

С другой стороны, Новое время отчасти характеризовалось разнонаправленными процессами секуляризации.

Многоплановое и сложное понятие секуляризации, наряду с другими аспектами и интерпретациями, упрощённо означает уменьшение роли религии в общественной жизни¹³. По Пивоварову Д. В., секуляризация (С.) – «первоначально отчуждение собственно-

сти религиозных организаций в пользу государства, передача церковных земель и имущества в светское владение. Иногда так называют также изъятие из церковного ведения образования, отказ от духовного звания и т. п. Постоянное обогащение религиозных организаций, церкви нередко приходило и приходит в столкновение с интересами светской власти, предпринимателей, мирских институтов. Это обуславливает стремление светских властей к С.»¹⁴.

Это процесс, который проходил с Нового времени в большинстве стран мира, особенно в развитых странах. Если в наиболее развитых странах мира высокий уровень благосостояния и широкое осознание определённого благополучия и безопасности не дают быстрых темпов прироста верующих (лишь за счёт иммиграции) при постепенном росте числа неверующих, то в других странах тенденции противоречивы¹⁵.

Число верующих в современном мире намного превышает число атеистов: из восьми миллиардов землян, по разным оценкам и по разным методикам учёта, число христиан в мире превышает два млрд (по некоторым оценкам, намного). Да и мусульман в мире по разным оценкам больше млрд (по некоторым оценкам, намного). А число атеистов и не интересующихся религией (в разной степени) заведомо меньше числа христиан.

Что же касается социально-теоретических аспектов процессов секуляризации и возрождения религиозности россиян начала XXI века, то очевидна их противоречивость.

В самом деле, с одной стороны, продолжилась тенденция возрождения религиозности (ещё с перестройки); в РФ по некоторым направлениям (например, появление огромного числа новых храмов, освящение некоторых запусков ракет Роскосмосом и т. п.) ныне можно даже отмечать де-секуляризацию [16]. А в условиях СВО всё чаще вспоминается сентенция о том, что на поле боя атеистов нет или почти нет¹⁶.

С другой стороны, для сохранения прежних быстрых темпов возрождения религиозности нужны определённые стимулы и мотивы, которые не бесконечны.

¹³ Пивоваров Д. В. Секуляризация // Социальная философия: Словарь. Москва: Академический проект, 2003. С. 403.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Особенности секуляризации (С.) Пивоваров Д. В. характеризовал следующим образом: «Декретом 1917 г. все церковные и монастырские земли были национализированы, но после 1990 г. церковь в России вновь обрела право владеть землей. С конца XIX в. в западной социологии понятие С. стало пониматься более широко, а именно как десакрализация, всякая форма эмансипации от религии и церковных институтов. В марксистской литературе под С. понимаются различные исторические этапы высвобождения от религиозного влияния всех сфер жизнедеятельности общества и личности, а также процесс лишения религиозных институтов социальных функций, вытеснение религиозных представлений и замена их атеистическими взглядами. Под С. можно также понимать эмансипацию от социоцентрических религий (культов личности, избранного народа, партии и т. д.)» [Пивоваров Д. В. Секуляризация // Социальная философия: Словарь. Москва: Академический проект, 2003. С. 403].

¹⁶ С начала СВО возобновилась тенденция постперестроечной поры: традиционные конфессии для верующих россиян становятся вариантом ответа на вопрос о собственной идентичности.

Постепенное формирование и развитие социального государства, осваивающего те функции (например, призрение и др.) не способствует быстрому росту востребованности реализации этих функций религиозными организациями¹⁷.

Однако призрение как совокупность мер и действий, направленных на помощь нуждающимся, поддержку и обеспечение их жизненных потребностей, может осуществляться как государством, так и частными организациями, фондами и волонтерами¹⁸. Государственно-частное партнёрство возможно в развитии производства и внедрения социальных роботов, т. е. использования роботов в социальной работе, сфере услуг, в сестринском деле, уходе за престарелыми и т. п. В ЕС, США и Японии это уже постепенно начинает реализовываться. Например, современный опыт и перспективы развития социальных роботов исследует Самра R.^[17].

С другой стороны, уточним, что отношения духовной собственности могут формироваться не только в религии, но и в атеизме. Отметим, что Б. Рассел с атеистической точки зрения анализировал противоречивость процессов возрождения и упадка религиозной веры¹⁹.

В исследованиях его ученика обнаруживается немного другое отношение к религии: в «Логико-философском трактате» декларируется невыразимость религиозных суждений в логически корректных предложениях. Впрочем, Витгенштейн признавал бессмысленными и метафизическими суждения: «...То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о чём же невозможно говорить, о том следует молчать»²⁰.

Пивоваров Д. В. часто различал термины «faith» и «belief», ссылаясь на Б. Рассела: «веру «faith» можно определить как твердое убеждение («belief») в чем-то при отсутствии доказательств. Когда доказательства есть, никто не говорит о вере. Мы не говорим о вере, когда речь идет о том, что дважды два четыре или что

земля круглая. О вере мы говорим лишь в том случае, когда хотим подменить доказательство чувством». – См. оригинальный текст по ссылке (англ.)²¹. Вместе с этим, сторонники маргинальной ненаучной теории «плоской Земли» могли бы не согласиться с Расселом и посчитать это вопросом веры или неверия.

Одна из возможных интерпретаций духовной собственности трактует её как «понятие, характеризующее уникальную форму объективного выражения собственных духовных ценностей людей в общественной деятельности» [8]. С другой стороны, отношения духовной собственности выражают социальные интеракции в ходе создания, обмена, диссеминации и усвоения невещественных ценностей.

В духе критического реализма, «реалисты требуют не чураться анализа каузальных, причинных связей в социальных процессах, а призывают делать это, памятуя о возможном плюрализме каузальных объяснений. Все эти объяснения также признаются «открытыми», «незавершенными» и подверженными возможным ошибкам» [13].

Исправление ошибок и попытки преодоления заблуждений – спутники любой деятельности. Для науки же это – обязательное условие. Например, в российской социальной и политической философии уже несколько лет идёт «работа над ошибками» анализа бездумного вхождения РФ в американизацию 1990-х годов. Но тогда это относилось к однополярному миру в процессе американизации. Современный многополярный мир, хоть и нестабилен и неустойчив, но уже ставит множество вопросов о чрезмерном американском влиянии на судьбы мира. Однако одними религиозными постановками подобных вопросов здесь не обойтись.

При этом полемичность и острота различных формулировок и постановок вопросов была бы вполне в духе профессора Пивоварова Д. В.

Например, значительная часть мусульман пытается противостоять американизации, но суждение: «Ал-

¹⁷ Далее, многие верующие (на словах) в церковь или мечеть ходят крайне редко, а то и совсем не ходят. Некоторые из считающих себя верующими не соблюдают религиозные заповеди. Например, некоторые коммерсанты 1990-х годов, считавшие себя верующими, жертвовали большие суммы на восстановление храмов, при этом нарушая многие религиозные заповеди.

¹⁸ Это может включать в себя предоставление еды, одежды, жилья, медицинской помощи, образования, социальной адаптации и других необходимых услуг.

¹⁹ Актуально и сейчас: «Существует теория... в Западном мире: то, что поражает народы, происходит из-за упадка религиозной веры. Я думаю, что эта теория полностью противоречит истине. В той мере, в какой вера имеет какое-либо отношение к этому вопросу, в мире гораздо больше веры, чем было в несколько более раннее время. Но, на самом деле, цепочка причинно-следственных связей, которая привела к опасному положению, в котором мы оказались, ...почти полностью независима от человеческих убеждений, которые являются скорее следствием, чем причиной... То, что происходило в мире с 1914 г., происходило с какой-то неизбежностью, похожей на греческую трагедию...» – URL: http://www.skeptic.ca/Russell_Religious_Faith.htm. (дата обращения: 29.09.2023).

²⁰ Wittgenstein L. (1966) Tractatus logico-philosophicus. – L., P. 3.

²¹ «We may define “faith” as a firm belief in something for which there is no evidence. Where there is evidence, no one speaks of “faith.” We do not speak of faith that two and two are four or that the earth is round. We only speak of faith when we wish to substitute emotion for evidence». – См. исходный английский текст Бертрана Рассела, – http://www.skeptic.ca/Russell_Religious_Faith.htm.

лах велик!», – мало что изменит в этом отношении, по всей видимости. Аналогично, похоже, что суждения православных о том, что «с нами Бог», – при всех своих колоссальных отличиях, в рамках христианства имеют некоторые сходства с американской сентенцией: «In God we trust»²². Но есть намного более серьёзное отличие, а именно: православие с исламом (и некоторыми другими конфессиями) являются традиционными для россиян, а, по крайней мере, некоторые протестантские течения США – не являются традиционными в России²³. Обсуждение же других отличий уведёт в сторону от исследуемой проблемы. Бесспорную же нравственную силу мировых религий, как и вклад их в мировое культурное наследие и т. п., никто и не ставит под сомнение.

Диалектика сопоставления «своих» и «чужих» в современных российских реалиях, сохранение и развитие традиционных духовных ценностей России сближают российских атеистов, мусульман и православных так же, как и российских буддистов, последователей иудаизма и некоторых других конфессий. Это дистанцирует многих российских носителей духовной собственности и субъектов интеллектуальной деятельности от западной, в частности, англосаксонской космополитичной модели интеллектуальной деятельности.

Несмотря на время от времени случающиеся, неизбежные для любого социума конфликты, российские атеисты и верующие традиционных конфессий РФ являются «своими» в развитии единого российского суперэтноса.

Какие бы жаркие споры ни были о вере и неверии в России, философия духовной (нематериальной) собственности включена в «Реестр новых научных направлений» Российской Академией Естествознания [9]. Понятие «spiritual property» используется и в ООН [22].

Духовная деятельность связывается не только с религиозной деятельностью. Другим вариантом (видом) духовной деятельности является интеллектуальная деятельность, не обязательно религиозного плана.

Понятие интеллекта (лат. *intellectus* – понимание, познание, рассудок) выражает активно познающий разум, рассудок. Если созерцание пассивно, то интеллект характеризуется активностью и процессуальностью. В целом, интеллект – это термин, выражающий разумные характеристики человека в творчестве и познавательных процессах.

Рациональность для интеллекта является преимущественной, хотя возможны его определённые иррациональные проявления в интуиции, в форме эмоционального интеллекта, в некоторых аспектах социального интеллекта²⁴ и т. п.

Наряду с понятиями «социальный интеллект» и «эмоциональный интеллект» появляются и другие подвиды интеллекта. Коренева А. Ю. обсуждает неологизм своих коллег – понятие ««политический интеллект», которое особым образом проявляется в рамках политического PR» [6].

Однако Молчанов К. В., осмысливая «возможности кибер форматов субъективного духа, например, кибер познания», констатирует, что «однозначного корректного общепризнанного определения интеллекта... нет! При этом очевидна парадоксальная особенность определения интеллекта – использование не определенных корректно или даже просто не определенных понятий, например, творчества, принятия решений, мышления и др., но прежде всего – мышления, без которого определение интеллекта в любой формулировке невозможно. Более того, в науках нет даже формально одинаково всеми учеными понимаемой соответствующей предметной основы» [12]. – Но предметы обсуждений ИИ и естественного интеллекта пока отличаются.

Для исследования полисубъектности интеллектуальной деятельности развернём его в пространстве субъективного дискурса. Прежде всего, носителем коллективной интеллектуальной деятельности «не является индивидуальный субъект, так же как и простая совокупность последних. Этим носителем можно считать коллективного субъекта, понимая под ним социальную систему, несводимую к конгломерату составляющих её людей» [14]. Различные системы и формы интеллектуальной деятельности (например, в познании и др.) интегрируются в индивидуальном субъекте в некоторую целостность, её существование есть необходимое условие единства субъекта интеллектуальной деятельности.

Для дифференциации индивидуальных и надиндивидуальных (коллективных) субъектов интеллектуальной деятельности используем, соответственно, понятия моносубъект и полисубъект. «Моносубъект – это отдельный познающий человек; полисубъект – коллективный познающий субъект» [14]. Но на этом сходства с гносеологической трактовкой субъектности заканчиваются.

²² А рыцари-участники Крестовых походов, считали, что бог с ними. И тевтонские рыцари убивали своих врагов с религиозными лозунгами. Но обсуждение этих нюансов уведёт от темы работы.

²³ Развитие нетрадиционных для России конфессий и сект беспокоит обществоведов, священнослужителей и политиков уже три с лишним десятка лет.

²⁴ Понятия и виды эмоционального или социального интеллекта требуют отдельных исследований.

В концепции полисубъектной социальности «деятельность представлена в своей разделенности между различными субъектами, позволяющей совместным усилиям людей достигать эффектов, не достижимых при простом сложении их сил. Иначе говоря, деятельность предстает полисубъектным процессом, придающим черты полисубъектности и всей социальной онтологии» [5, с. 10]. Это относится и к интеллектуальной деятельности.

Эта концепция используется для того, чтобы перейти от анализа диалогов к анализу поли-логов, от парных форм сотрудничества к сотрудничеству многих субъектов.

В самом деле, в методологии полисубъектной социальности речь идёт о «многообразии субъектных взаимодействий, в полифоническом переплетении связей и зависимостей. В качестве “другого” для отдельного субъекта могут выступать социальные индивиды, социальные общности, культурные и природные системы, обобщенные характеристики бытия» [5, с. 7]. Независимо это подтверждает и акторно-сетевая теория Латура Б. [18].

В современном инновационном обществе, наряду с сохранением традиционных духовных ценностей, атеистическая форма духовной собственности (см. [8, с. 224–232]) трактуется как условие формирования и развития свободного мышления, креативности, творческой интеллектуальности. Без этого неизбежно продолжающееся отставание отечественных интеллектуальных технологий. Да, иногда изобретения и научные открытия совершались в «шарашках», но слишком дорогой ценой. А после некоторых успешных прорывов неизбежны быстрое истощение и неминуемый спад. И длительный, систематический творческий процесс над прорывно-инновационными разработками в таких условиях проблематичен.

Хотя, конечно, многие из великих советских изобретателей и учёных²⁵ трудились в «шарашках» во время господства воинствующего атеизма. Но крайности, как известно, сходятся, а воинствующий атеизм в советских условиях оказался частью своего рода социодетерминированной религии, основанной на культе личности и избранной партии, по Пивоварову Д. В.

Как бы то ни было, убеждения и ценности субъекта познавательной деятельности влияют на формирование его знаний [14].

Результаты интеллектуальной деятельности явля-

ются основой формирования знаний (по содержанию) и могут закрепляться в интеллектуальной собственности (по форме).

Возможны различные подходы к выделению уровней формирования субъектов интеллектуальной деятельности.

Масштабная организация субъекта познания выделяет в качестве основных уровней его существования отдельного познающего индивида (как моносубъекта) и различные виды и уровни формирования полисубъектов, а именно: исследовательский коллектив, социальную общность и общество в целом. Каждый моносубъект может быть включён одновременно в различные полисубъекты [14].

В интеллектуальной деятельности выделяются: индивидуальный, микросоциальный, макросоциальный, глобальный и родовой уровни субъектной структуры духовной собственности [8].

Методология социальной дифференциации Н. Лумана позволяет выделять и различать наблюдателей, дифференцирующих эти уровни. Однако каждый новый критик субъектности интеллектуальной деятельности в отношениях духовной собственности будет становиться новым наблюдателем. Но почему каждый наблюдатель различает «именно так, а не иначе; или опять-таки: кто является наблюдателем, который пытается навязать именно эти схемы?» [10, с. 186].

Социальным наблюдателем является система массовой коммуникации (СМК). Действительно, одна из ее функций «состоит в управлении самонаблюдением общественной системы, под этим понимается не спецификация некоторого объекта среди других, а некий способ разделить мир на систему (а именно общество) и внешний мир» [10, с. 151]. Но и каждый новый читатель, слушатель или зритель, каждое новое СМК станут наблюдателями, фиксирующими новые дифференциации.

Другими, уже социально-групповыми наблюдателями, способными реализовать свои возможности в интеллектуальной деятельности конструирования этой теории, выступают интеллектуалы-обществоведы (в российской терминологии это интеллигенция) как макросоциальный субъект²⁶.

Субъекты познания являются интеллектуалами, то есть, социальными агентами в поле интеллектуальной деятельности [1]. С точки зрения Бурдье, для них в интеллектуальной деятельности являются основными их

²⁵ Справедливости ради, отметим, что многие советские изобретатели и учёные (как и весь народ) сознательно шли и на ещё большие лишения, и на смерть, чтобы защитить Родину.

²⁶ И каждый новый интеллектуал-обществовед станет наблюдателем, фиксирующим новые дифференциации. В перспективе выстраивается определённая последовательность наблюдения за наблюдателями. Эта последовательность, по Луману, оказывается потенциально бесконечной.

символический и культурный капитал (наряду с образовательным и лингвистическим капиталом) [1].

Неизбежные для любого социума конфликты могут метафорически рассматриваться в качестве иммунной системы общества. В самом деле, «согласно Н. Луману, противоречие есть форма, позволяющая реагировать без познания лишь по факту обнаружения какой-либо инородности в системе. Такая реакция общества обеспечивает исследователя проблемным материалом. ... Лумановская метафора противоречия и конфликта как иммунной системы общества восходит к его понятию коммуникативной социальной системы, свободной от привязки к месту (как в организме), что порывает связь с известной организменной аналогией в социологии, оставляя лишь чисто функциональную параллель. Здесь речь идет и о способности коммуникаций, а также социальных действий к присоединению других коммуникаций и действий, что и поддерживает социальную систему вместе с внутренними конфликтами» [3, с. 7–11]. Но в предельном переходе к проблеме глобальных цивилизационных конфликтов риски и угрозы растут. Цивилизационные конфликты могут нести угрозу всему человечеству.

По мнению профессора Кемеров В. Е., в настоящий момент в общественном сознании пока намечается качественный сдвиг к хронотопической²⁷ парадигме [5], характеризующейся полисубъектностью одновременных изменчивых и разнонаправленных процессов взаимодействий (связывающих социальное пространство и социальное время) индивидуальных и коллективных субъектов разного уровня сложности и масштаба, вплоть до цивилизационного.

В условиях информационного взрыва полисубъектная социальность интеллектуальной деятельности, например, в науке может приближенно оцениваться по интенсивности информационного обмена [19] в межличностных научных коммуникациях. Тогда для числа «N» научных сотрудников в процессе интенсивного информационного обмена максимально возможно ($N \times (N-1)/2$) взаимосвязей²⁸. То есть, при быстром

росте числа научных сотрудников в постиндустриальном информационном обществе интенсивность интеллектуальной деятельности растёт ещё быстрее. А оппозиция индивидуального и социального локально снимается в больших полисубъектных сетях, в предельном переходе при больших N, например, в национальном проекте развития цифровой экономики. В самом деле, в РФ, даже несмотря на некоторое отставание в сфере ИКТ-технологий, огромное количество фрилансеров, штатных разработчиков и пользователей цифровых услуг, стартапов и зрелых ИКТ-компаний с разных сторон начали реально развивать цифровую экономику.

Другим косвенным свидетельством этого является не только информационный взрыв (в том числе, и в науке), но и бурное развитие технологий «Больших данных», и назревающий прорыв в разработках ИИ.

Заключение

Таким образом, максимально возможная интенсивность взаимосвязанных моносубъектов интеллектуальной деятельности в результате предельного перехода оценивается квадратичной зависимостью от их числа. Тем самым обосновывается локальное снятие противоречия индивидуального и социального в больших полисубъектных сетях интеллектуальной деятельности, например, в национальном проекте развития цифровой экономики.

Дальнейший же анализ интеллектуальности и духовных ценностей в современных социальных процессах потребует доработки и развития полисубъектной хронотопической парадигмы для анализа интеллектуальной деятельности в отношениях духовной собственности. Кроме того, необходимы диахронические и синхронические исследования роли духовной собственности в социальном пространстве и социальном времени.

Однако, несмотря на многие проблемы, радует то, что проблема духовных ценностей не оставляет россиян равнодушными.

Литература

1. Бурдье П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир. – URL: <http://bourdieu.name/content/pole-intellektualnoj-dejatelnosti-kak-osobyj-mir> (дата обращения: 19.09.2023).
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Головин Н. А. Понятие социального конфликта Н. Лумана: к расширению исследований коммуникативного поля // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 5–21. – EDN: UICXGV.

²⁷ Ввиду незавершённости этого сдвига и ограничений объёма, понятие хронотопа в работе не раскрывается.

²⁸ Для этого используется следующий индуктивный переход: у двух моносубъектов – одна (возможная) взаимосвязь, для трёх – три (возможных), для четырёх – 6 (возможных) взаимосвязей. То есть для N – уже ($N \times (N-1)/2$) взаимосвязей (максимум). И вывод безупречен для максимально возможного числа взаимосвязей между N моносубъектами. Тем самым, для индуктивного перехода и обобщения в оценке интенсивности полисубъектной интеллектуальной деятельности используется именно научная индукция.

4. Исупов К. Г. Дух собственности и собственность духа // Русская философия собственности XVIII–XX вв.: сборник / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. – СПб.: СП «Ганза», 1993. – С. 452–466.
5. Кемеров В. Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С. 3–13. – EDN: QDNXXH.
6. Коренева А. Ю. Философские аспекты формирования PR-мышления и особенности преподавания дисциплины «Связи с общественностью» // Проблемы современного образования. – 2021. – № 4. – С. 30–42. – <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-4-30-42>.
7. Латыпов И. А. Социально-философские аспекты авторских прав в условиях цифровизации // Управление интеллектуальной собственностью в Удмуртской Республике: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 25 октября 2022 года. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2022. – С. 6–12. – EDN: IGSTYU.
8. Латыпов И. А. Социальные качества духовной собственности (философские аспекты) // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. 9. – № 4 (39). – С. 224–232. – EDN: IJTGUR.
9. Латыпов И. А. Философия духовной (нематериальной) собственности // Реестр новых научных направлений. Том I. М.: ИД «Академия Естествознания», 2018. – С. 98–99. – EDN: YWTBYD.
10. Луман Н. Реальность массмедиа: монография / Перевод с немецкого языка. – М.: Праксис, 2005. – 256 с. – EDN: PWYQPR.
11. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта: монография – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1993. – 416 с. – EDN: RWHUOT.
12. Молчанов К. В. Неопределенность интеллекта и искусственного интеллекта в науках и целевая детерминация интеллекта и кибер интеллекта в современной диалектике // Философия хозяйства. – 2020. – № 2(128). – С. 201–219. – EDN: ZGTLAU.
13. Орехов А. М. «Социальный реализм»: к онтологическим основаниям // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21 – № 3–4(103–104). – С. 169–175. – <https://doi.org/10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-169-175>. – EDN: SEUBEY.
14. Поносов Ф. Н. Субъекты человеческого познания: структура и специфика функционирования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 2. – С. 113–119. – EDN: TXKZVV.
15. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2018. – Т. 3 – № 4. – С. 5–21. – EDN: NCOMDI.
16. Самойловский А. Л. Церковь: право, налоги, льготы // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11 – № 1(34). – С. 10. – <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-1-10-10>. – EDN: IQCNIV.
17. Campa R. (2020) [Social robots: a Bridge Between the Two Culture]. In: Conference proceedings XXIII International Conference «Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research» named after professor L.N. Kogan, 19–21 March, 2020. Yekaterinburg: Yekaterinburg: Ural Federal University Publ., pp. 669–680. – <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8414> (In Eng.).
18. Latour B. (2005) [Reassembling the Social: an introduction to actor-network-theory]. Oxford; New York: Oxford University Press, 301 p. (In Eng.).
19. Latypov I. A. (2008) [Methodology of Social Differentiation of Informational Relations as a Philosophical Problem]. In: Journal of Siberian Federal University Humanities & Social sciences. No 3. P. 347–353. (In Eng.).
20. Latypov I. A. (2020) [The Role of Ethnic Non-Material Property for Intercultural Communications in Digital Society]. In: Conference proceedings XXIII International Conference «Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research» named after professor L.N. Kogan, 19–21 March, 2020. Yekaterinburg: Yekaterinburg: Ural Federal University Publ., pp. 350–357. – <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8376>
21. Merton R. K. (2023) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. Available at: <https://garfield.library.upenn.edu/merton/matthewii.pdf> (accessed: 17.09.2023). (In Eng.).
22. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (2007). Available at: https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/wp-content/uploads/sites/19/2018/11/UNDRIP_E_web.pdf (accessed: 17.09.2023). (In Eng.).

References

1. Bourdieu, P. (1994) *Pole intelektual'noy deyatel'nosti kak osoby mir* [The field of intellectual activity as

a special world]. Available at: <http://bourdieu.name/content/pole-intellektualnoj-dejatelnosti-kak-osobyj-mir> (accessed: 19.09.2023). (In Russ.).

2. Hegel, G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Moscow: Mysl', 524 p.
3. Golovin, N. A. (2021) [N. Luman's notion of social conflict: toward an extension of research on the communicative field]. *Kommunikacii. Media. Dizajn* [Communications. Media. Design]. Vol. 6, № 1, pp. 5–21. – EDN: UICXGV. (In Russ.).
4. Isupov, K. G. (1993) [The spirit of property and the property of the spirit]. *Russkaya filosofiya sobstvennosti XVIII–XX vv.* [The Russian Philosophy of Property of the XVIII–XX centuries]. K. G. Isupov, I. Savkin (Ed), St. Petersburg: SP «Ganza», pp. 452–466. (In Russ.).
5. Kemerov, V. E. (2014) [Keys to the present – in shifts of methodology]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. Vol. 2, pp. 3–13. – EDN: QDNXXH. (In Russ.).
6. Koreneva, A. Yu. (2021) [Philosophical aspects of the formation of PR thinking and the peculiarities of teaching the discipline «Public Relations»]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education]. Vol. 4, pp. 30–42. – <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-4-30-42>. (In Russ.).
7. Latypov, I. A. (2022) [Social-philosophical aspects of copyright in conditions of digitalization]. *Upravlenie intellektual'noj sobstvennost'yu v Udmurtskoj Respublike: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 25/X/2022* [Intellectual Property Management in the Udmurt Republic: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, 25/X/2022]. Izhevsk: Izhevsk: Udmurt State University Publ., pp. 6–12. – EDN: IGSTYU. (In Russ.).
8. Latypov, I. A. (2007) [Social qualities of spiritual (non-matreal) property (philosophical aspects)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 9. № 4 (39), pp. 224–232. – EDN: IJTGUR. (In Russ.).
9. Latypov, I. A. (2018) [Philosophy of Spiritual (Non-Material) Property]. In: *Reestr novyh nauchnyh napravlenij* [The register of new scientific directions]. Vol. I. Moscow: «Akademiya Estestvoznaniya» Publ., pp. 98–99. – EDN: YWTBYD. (In Russ.).
10. Luhman, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of mass media]. Moscow: Praksis, 256 p. – EDN: PWYQPR. (In Russ.).
11. Lyubutin, K. N., Pivovarov, D. V. (1993) *Dialektika sub'ekta i ob'ekta: monografiya* [Dialectics of subject and object: monograph]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 416 p. – EDN: RWHUOT. (In Russ.).
12. Molchanov, K. V. (2020) [The uncertainty of intelligence and artificial intelligence in the sciences and the target determination of intelligence and cyber intelligence in modern dialectics]. *Filosofiya hozyajstva* [The philosophy of the economy]. Vol. 2(128), pp. 201–219. – EDN: ZGTLAU. (In Russ.).
13. Orekhov, A. M. (2019) [«Social Realism»: towards ontological foundations]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 21. № 3–4(103–104), pp. 169–175. – <https://doi.org/10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-169-175>. – EDN: SEUBEY. (In Russ.).
14. Ponosov, F. N. (2015) [Subjects of human cognition: structure and specifics of functioning]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 113–119. – EDN: TXKZVV. (In Russ.).
15. Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. (2018) [An Explorative Potential and Limits of N. Luhmann's Systems Theory for Studying Interplay Online]. *Kommunikacii. Media. Dizajn* [Communications. Media. Design]. Vol. 3. № 4, pp. 5–21. – EDN: NCOMDI. (In Russ.).
16. Samojlovskij, A. L. (2023) [Church: law, taxes, benefits]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense]. Vol. 11. № 1(34), pp. 10. – <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-1-10-10>. – EDN: IQCNIV. (In Russ.).
17. Campa, R. (2020) Social robots: a Bridge Between the Two Culture. *Conference proceedings XXIII International Conference «Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research» named after professor L.N. Kogan, 19-21 March*. Yekaterinburg: Yekaterinburg: Ural Federal University Publ., pp. 669–680. – <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8414>. (In Eng.).
18. Latour, B. (2005) [Reassembling the Social: an introduction to actor-network-theory]. Oxford; New York: Oxford University Press, 301 p. (In Eng.).
19. Latypov, I. A. (2008) Methodology of Social Differentiation of Informational Relations as a Philosophical Problem. *Journal of Siberian Federal University Humanities & Social sciences*. Vol. 3, pp. 347–353. (In Eng.).
20. Latypov, I. A. (2020) The Role of Ethnic Non-Material Property for Intercultural Communications in Digital Society. *Conference proceedings XXIII International Conference «Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research» named after professor L.N. Kogan, 19-21 March*, Yekaterinburg: Yekaterinburg: Ural Federal University Publ., pp. 350–357. – <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8376>.

21. Merton, R. K. (2023) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. Available at: <https://garfield.library.upenn.edu/merton/matthewii.pdf> (accessed: 17.09.2023). (In Eng.).

22. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (2007). Available at: https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/wp-content/uploads/sites/19/2018/11/UNDRIP_E_web.pdf (accessed: 17.09.2023). (In Eng.).

Информация об авторах:

Ильдар Абдулхаевич Латыпов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6298-7643

e-mail: ildarlatypov@mail.ru

Федор Николаевич Поносов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3799-7548

e-mail: peshta@bk.ru

Вклад соавторов:

Латыпов И. А. – работа над введением, обзором литературы, обсуждением, заключением.

Поносов Ф. Н. – формулировка обсуждения и заключения.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию: 03.10.2023; принята в печать: 23.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Ildar Abdulkhaevich Latypov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of History, Theory and Practice of Social Communications, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6298-7643

e-mail: ildarlatypov@mail.ru

Fedor Nikolayevich Ponosov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agricultural University, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3799-7548

e-mail: peshta@bk.ru

Contribution of the authors:

Latypov I. A. – work on the introduction, literature review, discussion, conclusion.

Ponosov F. N. – formulation of the discussion and conclusion.

There is no conflict of interest.

The paper was submitted: 03.10.2023.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Обзорная статья должна быть концептуальной, т.е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

УДК. На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

Название статьи (на русском и английском языках). Название статьи должно быть однозначным, понятным специалистам в других областях, и отражать содержание статьи. Редакция просит не использовать в названии статьи аббревиатуры, вопросительные и восклицательные предложения, а также не формулировать название статьи в виде двух предложений.

Информацию об авторах (на русском и английском языках), включающую в себя следующие сведения по каждому автору:

- фамилия, имя, отчество;
- место работы (название организации согласно уставу);
- город, страна;
- контактный электронный адрес.

Аннотацию (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. Для большинства читателей она будет главным источником информации о представленном исследовании.

В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость (при наличии), направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

Вся информация, содержащаяся в аннотации, должна быть раскрыта в основном тексте статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

Благодарности (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

Основной текст статьи. Принимаются статьи на русском и английском языках. Объем текста статьи без библиографического списка должен составлять не более 20 страниц авторского текста, оформленного в соответствии с техническими требованиями журнала.

Основной текст статьи излагается в следующей последовательности:

Введение. Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

Заголовки структурных частей статьи. Здесь описывается суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования. Желательно наличие раздела «Методы», содержащего описание того, как было проведено исследование. Следует изложить все факторы, которые могли повлиять на результаты исследования.

Результаты исследования (или иной заголовок). Данный раздел статьи должен содержать описание полученных результатов исследования и их интерпретацию.

Заключение. Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы. Ранее опубликованные результаты не должны включаться в этот раздел статьи.

Литература (References). Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15–17 научных источников. В данный раздел могут быть включены следующие типы источников:

- статьи в научных *рецензируемых* журналах;
- статьи в *рецензируемых* сборниках трудов конференций;
- книги (кроме учебной и справочной литературы);
- монографии;
- патенты.

Не рекомендуется включать источники из малотиражных изданий (сборников статей, трудов конференций, монографий), не доступных для ознакомления онлайн, российских журналов, не входящих в РИНЦ или исключенных из РИНЦ.

Ссылки на правовые акты, справочные и статистические материалы, информационные и аналитические материалы сайтов необходимо оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов (не менее 30%), а также работ, изданных за последние 5 лет.

Прямое библиографическое самоцитирование (процент работ авторов в общем списке источников) не должно превышать 20%.

Литература приводится в алфавитном порядке, иностранные источники размещаются в конце библиографического списка также в алфавитном порядке.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008. Примеры оформления библиографических ссылок.

Для оформления **References** используется система Harvard system of referencing. Правила и примеры оформления.

На все источники должны быть ссылки в тексте статьи в квадратных скобках. Например, [5] или [9, с. 14], т. е. указывается номер источника в списке литературы или номер источника в списке литературы и номер страницы в этом источнике.

Аффилиация авторов (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID ID**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

Вклад соавторов (при наличии авторского коллектива).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx. Для всех частей статьи должны выполняться следующие технические требования:

- шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt;
- межстрочный интервал – 1,5 строки;
- абзацный отступ – 1,25 см.;
- выравнивание текста: по ширине;
- автоматическая расстановка переносов должна быть выключена;
- поля: левое – 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см.

Формулы и символы помещаются в тексте статьи, используется редактор формул Microsoft Equation.

Таблицы. Все таблицы, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается перед таблицей.

Формат названия таблицы:

Таблица <номер>. <Название без использования аббревиатуры>.

Под таблицей должно быть указано их авторство (источник). Рекомендуемый формат:

- Источник: разработано автором;
- Источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- Источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все таблицы.

Внутри таблицы допускается размер шрифта 12 pt (гарнитура Times New Roman)

Рисунки. Все рисунки, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается под рисунком.

Формат названия рисунка:

Рисунок<номер>. <Название без использования аббревиатуры>

После названия рисунка должно быть указано авторство (источник) этого рисунка. Рекомендуемый формат:

- источник: разработано автором;
- источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все рисунки.

Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены шрифтом Times New Roman, допускается размер шрифта 12 pt.

Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы.

Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.

Подстрочные библиографические ссылки оформляются на основе использования команды MS Word «Ссылки / Вставить сноску».

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following **journal headings** are accepted for publication:

Economic sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical sciences

The subject of the articles is topical issues in the field of ontology and the theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following **elements**:

UDC. On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

The title of the article (in English and Russian). The title of the article should be unambiguous, understandable to specialists in other fields, and reflect the content of the article. The editorial board asks not to use abbreviations, interrogative and exclamation sentences in the title of the article, and also not to formulate the title of the article in the form of two sentences.

Information about the authors (in English and Russian). including the following information for each author:

- full name;
- place of work (name of the organization according to the charter);
- city, country;
- contact email address.

Abstract (in English and Russian). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. For most readers, it will be the main source of information about the presented research. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

All information contained in the abstract should be disclosed in the main text of the article.

Key words (in English and Russian). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

Acknowledgments (in English and Russian). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

The main text of the article. Articles in Russian and English are accepted. The volume of the text of the article without a bibliographic list should be to 20 pages of the author's text, designed in accordance with the technical requirements of the journal.

The main text of the article is presented in the following sequence:

Introduction. This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

Headings of the structural parts of the article. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its elaboration in modern science, the methodological apparatus and (or) the methodological tools of the research carried out. It is desirable to have a section "Methods" containing a description of how the study was carried out. All factors that could influence the results of the study should be stated.

Research results (or another title). This section of the article should contain a description of the obtained research results and their interpretation.

Conclusion. Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

Previously published results should not be included in this section of the article.

References. The list of references should contain, as a rule, at least 15–17 scientific sources. The following types of sources can be included in this section:

- articles in scientific peer-reviewed journals;
- articles in peer-reviewed conference proceedings;
- books (except educational and reference literature);
- monographs;
- patents.

It is not recommended to include sources from small-circulation publications (collections of articles, conference proceedings, monographs) that are not available for online review, Russian journals that are not included in the RSCI or excluded from the RSCI.

References to legal acts, reference and statistical materials, informational and analytical materials of websites should be made in the form of subscribed bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. These are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, (at least 30%) as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5–2008. Examples of the design of bibliographic references.

Direct bibliographic self-citation (percentage of authors' works in the general list of sources) should not exceed 20%.

The literature is given in alphabetical order, foreign sources are placed at the end of the bibliographic list also in alphabetical order.

The Harvard system of referencing is used for the design of References. Rules and examples of registration.

All sources should be referenced in the text of the article in square brackets. For example, [5] or [9, p. 14], i. e. the number of the source in the list of references or the number of the source in the list of references and the page number in this source is indicated.

Affiliation of authors (in English and Russian). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID ID**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

Contribution of co-authors (the section is filled in if there is a group of authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material must be typed in a Microsoft Word text editor in the format *.doc or *.docx. The following technical requirements must be met for all parts of the article:

- font: Times New Roman typeface, 14 pt;
- line spacing – 1.5 lines;
- paragraph indentation – 1.25 cm.;
- text alignment: width;
- automatic hyphenation should be turned off;
- margins: left – 2 cm, right – 2 cm, top – 2 cm, bottom – 2 cm.

Formulas and symbols are placed in the text of the article, the Microsoft Equation formula editor is used.

Tables. All tables found in the text of the article should be numbered and have a name that is located in front of the table.

Format

of the table name: Table <number>. <Name without using an abbreviation>.

Their authorship (source) should be indicated under the table. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all tables.

A font size of 12 pt (Times New Roman typeface) is allowed inside the table

Drawings. All figures found in the text of the article should be numbered and have a name that is located under the figure.

Format of the picture title:

Figure<number>. <Name without using an abbreviation>

After the name of the drawing, the authorship (source) of this drawing should be indicated. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all the drawings.

All explication (captions) in the picture field must be made in Times New Roman font, font size 12 pt is allowed

Scanned graphs, tables, and diagrams are not allowed.

The photos presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi.

Subscript bibliographic references are formed on the basis of using the MS Word command «Links / Insert footnote».

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 3, 2024

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректura – Е. Д. Денисова
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 17.06.2024. Дата выхода в свет 27.06.2024.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,46. Усл. изд. л. 13,74. Тираж 500. Заказ № 16.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфический комплекс «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru